
ПРОСИТЕ,
И ДАНО
БУДЕТ ВАМ
НЕПРИДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ
О ЧУДЕСНОЙ ПОМОЩИ
БОЖИЕЙ

СЕРИЯ
«ПРАВОСЛАВИЕ СЕГОДНЯ»

ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ

Непридуманные рассказы о чудесной помощи Божией

Издание второе

Фонд «Христианская жизнь»
Клин 2003

ББК 86.37
П82

*Сборник подготовлен к печати
православными христианами
Клинского благочиния Московской епархии
Русской Православной Церкви
и издан по благословению
секретаря Комиссии по религиозному образованию
и катехизации Московской епархии,
благочинного Клинского округа
протоиерея Бориса Балашова*

ISBN 5-93313-003-6

ОТ РЕДАКЦИИ

Рассказы о чудесной помощи Божией, собранные в этой книжке, относятся к XX веку и составляют, конечно, бесконечно малую часть того, что известно в устном предании и описано в других книгах.

Замысел этого сборника возник после встречи с Лидией Владимировной Каледой – супругой нашего замечательного пастыря отца Глеба Каледы. Она показала нам аккуратно переплетенный самиздатовский машинописный сборник под названием «Непридуманные рассказы», который она нашла, разбирая обширный архив отца Глеба.

Нас поразили простота и искренность рассказов, собранных безвестным составителем. С благодарностью поминая его (или ее, или их) мужество (сборник можно отнести к 60–70 годам нашего столетия, когда за такую работу можно было на несколько лет попасть в места «не столь отдаленные») и труд, мы решили, что не будет греха, если мы позаимствуем из этого сборника наиболее интересные рассказы, не вызывающие сомнений ни излишней эмоциональностью, ни возможностью объяснить описанные в них события простым совпадением.

Этими же принципами мы руководствовались и при отборе для публикации рассказов прихожан клинских храмов. Все наши рассказчики – спокойные, уравновешенные, трезвомыслящие люди, которых никак не заподозришь в ненормальности или галлюцинациях. Кроме того, это люди глубокой веры, и для них было бы немыслимо и греховно придумывать такие истории. Нас эти рассказы поражали и очень укрепляли в вере.

Небольшая часть рассказов выбрана нами из уже опубликованных книг.

Мы посчитали необходимым предварить книгу пастырским словом, научающим нас правильному, православному отношению к чудесам, помогающему отличить чудо Божие от чуда ложного.

Из Евангелия мы знаем о множестве чудес, которые творил Господь, а за Ним и многие христиане. И еще мы помним, что Сам Господь перед Своим Вознесением на Небо сказал Апостолам, а через них – всем нам: «Се аз с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Мы благодарны всем, кто пришел к нам и искренне рассказал о том, что ему сотворил Господь.

Будем рады, если и вы поделитесь с нами своими рассказами о случаях чудесной помощи Божией (наш адрес – в конце этой книги).

СЛОВО ПАСТЫРЯ

О ЧУДЕСАХ БОЖИИХ

Великие чудеса Божии окружают человека от рождения до самой смерти, можно даже сказать, что человек живет внутри Божиего чуда, имя которому – сотворенный мир. Окружающий человека видимый мир – прекрасен, гармоничен, в нем есть все, что необходимо для жизни человека. Господь не просто сотворил материальный мир, но и заложил в основу его законы, управляющие им, которые человек может познавать, но не может отменять или создавать новые. Еще более прекрасен невидимый мир – мир духовный, ангельский.

И первые люди наслаждались им и имели бесценную, сладостную возможность общаться с Самим Творцом. Грехопадение скрыло этот высший мир от глаз человека, и теперь только по Божественному Откровению духоносным мужам человек может судить о несказанной красоте того мира, о котором написано: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Но человек и видимый мир не оставлены Богом, и Его Любовь к падшему челове-

ку – это тоже величайшее чудо. И из этого чуда произошло наше Спасение – Воплощение Христа Спасителя, Страшная Голгофская Жертва, Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, Его славное Вознесение. Кровию Своей Господь основал и утвердил Церковь и установил Таинство Евхаристии. И вот уже две тысячи лет каждый день совершается для нас, грешных, это Чудо из чудес – под видом хлеба и вина верные причащаются Тела и Крови Христовых, приобщаются на земле вечному Царству Божию. Это чудо – для всех и для каждого на земле, только веруй и с покаянием обратись к Подателю вечных благ. В этот блаженный и святой миг соединяются в человеке Высший мир – духовный – и мир материальный, и Дух Святой одухотворяет, просветляет косную материю. Это и есть реальное содержание всякого чуда – взаимодействие невидимого Духа с видимой материей.

Великое чудо Евхаристии совершается прикровенно, недоступно для наших органов чувств, но всякий, причастившийся Христовых Таин, ощущает в душе веяние благодати Божией, свидетельствующей о чуде. И эта прикровенность высшего из чудес Божиих не случайна: Господь оберегает свободу нашу, чтобы не рабски, не по принуждению мы шли за Ним – но доброй волей и сыновней любовью. Во время искушения

от диавола в пустыне Господь наш *отверг* чудо, творящееся ради порабощения человеческого духа, и повторил заповедь, данную при Ветхом Завете: *Не искушай Господа Бога твоего*. Однако во время Своей земной жизни Господь сотворил великое множество чудес, по неизреченной Своей милости приходя на помощь больным, страждущим, обуреваемым злыми духами. Часть из них описана в Евангелии, сведения о других не дошли до нас, потому что, как пишет Евангелист Иоанн: *Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг* (Ин. 21, 25).

Перед Божественной Любовью к страждущему человеку отступали законы материального мира: усопшие воскресали, неизлечимые болезни оставляли человека, слепорожденные прозревали, от рождения немые и глухие слышали, бесы с воплем покидали годами мучимых ими людей, чудесно умножались хлебы и укрощались свирепые бури. Но то, что для нас является нарушением законов материального мира, в действительности мира духовного, живущего Божественной жизнью, является естественным, гармоничным, «обычным» ходом событий. Поэтому всякое чудо Божие – это откровение о грядущем Царстве Божием. То, что для нас и

даже для самих Ангелов, как часто поется в церковных песнопениях, – *дивное чудо*, то для Господа – простое, «обычное» *дело: ...**Дела**, которые Отец дал Мне совершить, самые **дела** сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня* (Ин. 5, 36).

И по Вознесении Своем Господь не перестает и доныне творить чудеса – об этом тысячи и тысячи свидетельств хранятся в соборной памяти Церкви. Более того, Он даровал чудотворную силу ученикам Своим: *...Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...* (Ин. 14, 12). В величественном соборе наших святых заступников первенствует Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица, которая Своей многострадальной жизнью предуготована была, чтобы знать наши немощи и скорби, и Ей дана особая благодать заступничества за род человеческий. Благодатная помощь Заступницы нашей и святых Божиих в Церкви нашей проявлялась и проявляется столь обильно, что, можно сказать, стало уже обычным, повседневным. Но в жизни человека, впервые реально пережившего чудо помощи Божией, это великое событие. Оно укрепляет веру, обращает к покаянию, исполняет человека радости и сыновней благодарности к Отцу Небесному, не оставляющему нас в нашей земной жиз-

ни. И всякая весть о благодатном чуде, касаясь сердца человека, не ожесточенного богоборчеством и неверием, отзывается в нем благоговейным изумлением и радостью по Боге, указывает ему *Путь, и Истину, и Жизнь* (Ин. 14, 6).

В детстве я очень скептически относился к чудесам: не верил в их возможность. Впервые я осознал настоящее Божие чудо, когда мне было лет шестнадцать-семнадцать. Тогда я жил на окраине Москвы вместе со своей мамой в деревянном стареньком доме, который отапливался углем. В это время шла перепланировка района, где мы жили. Осенью к дому подъехать было нельзя, а обстоятельства сложились так, что мне нужно было уехать в начале сентября примерно на месяц. Следовало ожидать, что по возвращении моем домой дороги уже не будет, а нам нужно было привезти уголь с базы. И вот последний день перед отъездом, пятница. Я поехал на базу утром. Уголь был, а машины – ни одной. Рабочий день подходил к концу, и угроза остаться на зиму без угля становилась все более реальной. Что делать? Я стал молиться Николаю Чудотворцу. Вышел на улицу – и шофер первой же машины согласился мне помочь. Все закончилось благополучно. Кажется, мелочь, но я впервые ощутил помощь от Бога по молитве святого угодника Божия. После этого

были и другие чудеса, но это я запомнил особенно, на всю жизнь. Это было чудо мне, человеку еще нетвердой веры.

Приведу другой пример. Я служил священником в маленьком поволжском городке (это был мой первый приход). Как-то в пятницу у меня откололась часть зуба, а нерв оголился. Я пришел в больницу, но врачи уже ушли (рабочий день закончился). Надо было ждать понедельника, а мне – богослужения совершать. Что делать, когда нестерпимая боль, а помощи получить неоткуда? Я стал молиться и просил о помощи Николая Чудотворца. У меня было немного мира от его мощей. Я помазал больной зуб, и постепенно боль прошла. Все богослужения прошли спокойно для меня. К врачу я попал только через неделю. Посмотрев зуб и выслушав меня, врач сказала, что такого быть не может! И тем не менее, нерв в зубе оказался мертвым без предварительной обработки лекарством. Боль была при удалении нерва только в том месте, где он прикреплялся к корню. Вот Божия помощь, которую почувствовал я один, а не множество людей. И таких чудес Божиих бывает очень много. Они случаются именно в тот момент, когда это действительно необходимо человеку.

На том же приходе был еще такой случай. Как-то раз в одиннадцать вечера ко мне при-

ехали на мотоцикле и сообщили, что на окраине города умирает бабушка. Меня попросили ее исповедать и причастить. Стоял октябрь, погода была плохая, дождливая. Добравшись до места, увидел умирающую пожилую женщину. Я прочитал молитвы и, поскольку знал, что она глубоко верующий человек, решил ее причастить, хотя не должен был, наверное, этого делать, так как старушка была без сознания. Я надеялся, что она меня слышит. Преподав ей Святые Тайны и собираясь уходить, я попросил родственников сказать ей, что ее причастили, если больная придет в себя. И вдруг бабушка открывает один глаз и говорит еле слышно: «Спасибо, батюшка, мне легче стало».

Приведу еще один пример. Однажды я соборовал одну очень старую, больную женщину: ее дочке уже было за шестьдесят. Болящая была слепа и глуха. Когда я пришел соборовать, дочка никак не могла докричаться до нее, чтобы сообщить, что пришел священник. Я стал соборовать эту бабушку, молился за нее. Семь раз помазал освященным елеем, и каждый раз при помазании она поднималась на постели, широко открывая слепые глаза, протягивала руки и говорила: «Бог послал Ангела!» И так было семь раз. Эта женщина, с которой уже не было никакого контакта, ощущала благодать Божию.

Много было таких случаев. Чудеса от Бога всегда несут человеку что-то светлое. Но бывают действия и для вразумления человека, например, когда внутренне человек соглашается на грех. Тогда может произойти что-то такое, что сразу отрезвляет человека. Много я слышал от людей на исповеди о чудесах подобного рода, знаком с этим и сам не понаслышке.

К сожалению, не всегда человек, когда с ним случается чудо, воспринимает его так, как надо. Часто за чудо принимают то, что им не является.

Мы издаем книгу непридуманных рассказов о чудесах, чтобы помочь людям отличить настоящее чудо от ложного. Зачем нужно об этом говорить? Затем, что *мы должны услышать, увидеть и понять любовь Божию к нам и не унывать, свято помня, что все возможно верующему.* Есть живая вера, есть живая связь с Богом. Даже когда человек стремится к вере, будучи низвержен на дно жизни, и тогда может произойти спасительное чудо. Но самое главное, конечно, не в этом. Самое главное в том, что Богу удается достучаться до наших сердец. Самое главное в том, что существует Церковь. Церковь – это Божие чудо, это та семья, в которую мы входим и становимся Божиими детьми, оживая, обретая Бога, живя во Христе, духовно распрямляясь, и получаем – совершенно незаслуженно, только по Бо-

жией любви – радость Богообщения, которая открывается нам не тогда, когда мы этого хотим, а только в том случае, если мы со смирением, осознанно обращаемся ко Христу. Мы видим чудо и в том, что по нашим немощным словам – и не только священников, но и мирян – чьи-то души начинают оживать и преображаться. Мы видим чудо и в том, что вопреки всем обстоятельствам Церковь выжила. Хотя она и больна, но залечивает раны и живет, приобщая людей к Вечной жизни, стараясь быть *солью земли*, выполняя свое предназначение.

Протоиерей Борис БАЛАШОВ

ЧУДЕСА И РЕАЛЬНОСТЬ

Что такое *чудо* и как к нему относиться? Попытаемся дать определение *чуда* с научной точки зрения.

Наука строится на фактах и теориях, их объясняющих. *Факт* – это то, что может воспроизвести любой другой человек, в любом месте, если соблюдет необходимые условия. При этом, конечно, важно, чтобы у него был соответствующий уровень подготовки, но совершенно неважно, порядочный это человек или непорядочный, эгоист или альтруист, верующий или неверующий. Кроме того, этот факт должен быть зафиксирован нашими органами чувств или с помощью приборов.

Чудо реально, но оно, как его понимает наука, – не факт, потому что не может быть вызвано по нашему желанию со стопроцентной гарантией, как, допустим, остановка автомобиля при нажатии на исправные тормоза. Есть, однако, одно такое *чудо*, которое совершается *всегда* за Литургией – это *чудо Евхаристии,* но органам чувств оно недоступно, поэтому не может рассматриваться с научной точки зрения.

Есть такое *общеизвестное чудо*, как *схождение Благодатного огня на Гроб Господень*. Устойчивая повторяемость здесь есть – на праздник Пасхи, но и в этом случае не любой человек и даже иерарх не любой христианской конфессии может молиться у Гроба Господня, чтобы сошел этот Небесный огонь, – он сходит только тогда, когда молится там православный Патриарх. Наблюдать же сам огонь может любой человек, находящийся у Гроба Господня в момент схождения огня, и каждый может своими руками дотронуться до этого огня: некоторое время он не обжигает (это проверено на опыте тысяч находившихся там в это время людей) руки, волосы и т. д. Свеча горит, можно держать руку или даже бороду в огне свечи без всякого вреда, и это может делать кто угодно. Это даже с научной точки зрения – факт, известный всему миру. Ну и что – весь мир из-за это-

го бросился в Православие? Да ничего подобного. А почему? Потому что одного факта для выработки мировоззрения еще недостаточно – нужна теория, этот факт объясняющая.

Теорий может быть несколько, и каждая из них один и тот же факт объясняет по-разному. Которой из теорий следовать – выбирать самому человеку. Дело в том, что из одной теории в другую нет логического перехода. В основании любой теории лежат аксиомы (первоначально без доказательств принимаемые положения), а затем уже все закономерно, все имеет причину. Дальнейшее уже зависит не от *кого*, а от *чего*. *Что* – это материя, винтики механизма: именно они и диктуют дальнейшее развитие событий. Однако какой набор винтиков взять – зависит не от *чего*, а от *кого*. Этот самый *кто* и делает выбор. В православном богословии этот *кто* носит название *личность* (по-гречески – *ипостась*). Личность делает этот первый нелогичный ход, а дальше – все по логике. Выходит, какой теории следовать – выбирать тебе.

В науке следуют той теории, которая, объясняя предыдущие факты, может предсказать факты последующие или же указать, где и как можно зафиксировать неизвестный доселе факт. До тех пор, пока теории это удается, ей доверяют. В тех же пределах, в которых она «работает»,

мы можем спокойно пользоваться этой теорией, даже заранее зная, что она не совсем верна. По этой причине в науке бытуют иногда совсем примитивные теории, и логика здесь примерно такая: если нет нужды в чем-то большем, то необъяснимые с точки зрения данной теории факты можно в расчет не принимать – зачем над ними голову ломать?

Так и при выборе позиции в духовной жизни. Ну, не жжет огонь – и что мне от этого? Ну, схватят меня черти после смерти и будут на сковородках жарить – и что? Я что, трус, что ли? Я не куплюсь на ваши «блаженства». Вы говорите, что ваш Бог – самый сильный? Он меня покарает, если я не за Него, в вечные мучения пошлет? Так я тем более буду против Него. Ваш Бог демонстрирует передо мной силу: Я, мол, могу ходить по воде, а ты – нет; Я могу из камня сделать хлеб, а ты погибнешь в пустыне без Меня. Ну и погибну – но не покорюсь! Я свободен – и рабом не стану. Вот к чему могут привести неоспоримые факты. Смелого и свободного человека они могут не убедить, а, наоборот, вызвать на бунт. Факт – вещь неумолимая, «замолчать» его не удастся, но против него можно сражаться. Пусть даже погибнуть, но не склониться перед силой – это достойно звания человека. Факт – это насилие, давление, принуждение. Теорию

можно отбросить, принять другую, более соответствующую собственному мировоззрению, но с фактом можно или сражаться, или покориться ему – третьего не дано. Поэтому Господь и не делает *чуда фактом* повседневной нашей жизни, ибо *чудо* – это *духовное насилие.*

Конечно, существование одного такого чуда, как Благодатный огонь, имеющего силу факта в том смысле, как его понимает наука, не оказывает на человеческое общество *тотального* давления. Поэтому Господь нам его и посылает – как благодатную радость, как вразумление, как ненавязчивое, отеческое напоминание, как утверждение для сомневающихся. Но остальные чудеса, которых творилось и сейчас творится по милости Божией, по молитвам Матери Божией и святых угодников Его бесчисленное множество, – остальные чудеса происходят в чьей-то конкретной жизни и статуса непреложного факта не имеют. Они могут и повторяться, но они непредсказуемы и не могут быть воспроизведены любым человеком.

Для каждого конкретного человека, так или иначе соприкоснувшегося с *чудом*, оно имеет *силу реального факта* и, следовательно, в какой-то мере является актом принуждения к вере, к изменению жизни, часто очень радикальному. И здесь возникает противоречие: Бог – это Неиз-

реченная и Несказанная Любовь, Безграничная Милость, и *чудо* – это проявление Божией Любви и Божией Милости к человеку страждущему, отчаявшемуся, *в обстоянии сущему.* И единственный дар, который благодарный человек может принести Богу, – это ответная сыновняя любовь. Но любовь можно отдать и принять только свободно; насильно, как говорят, мил не будешь. И если мы это понимаем, то Господь – тем более. Поэтому Он не навязывает Себя нам, не оказывает *духовного насилия.* Но он же сказал нам: *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). Поэтому и подается сверхъестественная, чудесная помощь тем, кто *готов* просить, а тот, кто *готов* просить, уже недалек от любви.

Некоторые говорят: «Покажите мне чудо – тогда поверю». Безумцы! Безумцы, никогда не читавшие Евангелия и не знающие, что Господь, искушаемый диаволом в пустыне, *отверг чудо* как *средство покорения человека.* Не творит Господь чудес для того, чтобы в Него уверовали. Да и не нужно Богу, чтобы *в Него веровали,*– Ему нужно, чтобы *Его любили.* И не ради того, что Он не может существовать без любви человека, а ради того, что человек *никогда не поднимется от земли*, никогда не достигнет Царства Небесного, не научившись любви –

любви к своему Творцу и ближнему своему, своему собрату. Потому что *любовь* – это единственный источник Жизни Вечной.

Поэтому человека *верующего*, то есть *любящего Бога*, чудеса окружают со всех сторон, но они для него – такая же реальность, как вся остальная действительность. И если он читает, или слышит, или даже видит, что подвижник идет по морю, как по асфальту, чтобы принять в руки чудесно явившуюся икону, то для него это такой же реальный факт, как то, что он стоит, допустим, на асфальте – и не проваливается (хотя Господь может повелеть и асфальту, и тверди земной расступиться и поглотить грешника).

Конечно, всякое чудо есть факт сокровенной, внутренней жизни человеческой души, и не всегда человек считает необходимым и полезным рассказывать об этом постороннему, опасаясь быть понятым и истолкованным в совершенно противоположном смысле. Ведь Господь ради него нарушает законы материального мира, снисходя к его беде или немощи. И все же передача опыта переживания *чуда* может быть полезной, а иногда и необходимой не только в рамках семьи (монастыря), но и на более широком уровне, так как Богу иногда приходится находить способы вразумления сразу огромных масс людей, если вдруг по воле людей нарушается Боже-

ственный Промысл. Таково, например, устрашающее чудо явления Божией Матери Тамерлану в день Сретения в Москве ее Владимирской иконы. С точки зрения законов материального мира отступление Тамерлана и его несметных полчищ от Москвы, которую готова была защищать сравнительно небольшая дружина Московского князя, – абсурд. И оценить этот исторический *факт* иначе, чем *чудо,* может только очень недобросовестный исследователь или человек с серьезными отклонениями в умственном развитии.

Подобных чудес в нашей истории немало. И совсем недавнее чудо – развал советского государства. Для того, кто был хорошо знаком с системой охраны безопасности государства, это чудо несомненное. Видимо, Бог имеет Свой Промысл о нашей Родине.

Таким образом, для православного человека *чудо* есть такое же реальное проявление жизни, как и все остальные ее проявления. Все это Бог промыслительно дает нам. Кому-то из нас нужна материальная поддержка, кому-то нужно облегчить физические страдания, а кого-то нужно вразумить, побудить пересмотреть свое отношение к жизни – и вот начинает на его глазах мироточить крест или икона. Но всякое чудо Божие имеет конкретную благую цель, и ради удовлетворения праздного любопытства икона

не замироточит. Поэтому православный человек не искушает Бога ожиданием *чуда ради чуда, чуда – ради удовлетворения пустого, легкомысленного любопытства.* Наоборот, если в его жизни неожиданно появляется что-то сверхъестественное – например, явление света или Ангела во время молитвы, – православный, искренне любящий Бога человек рассуждает примерно так: «Бог понимает, что я Его люблю, но любовь не зависит от подачек, если, конечно, это не продиктовано некоей действительной необходимостью. Следовательно, это кто-то другой под видом Бога хочет продемонстрировать мне свою «любовь». Бог не делает пустых ходов. Значит, скорее всего, кто-то хочет меня прельстить. Зачем мне показывать то, что я и так знаю, если это не нужно мне для исполнения моего послушания. Такие своего рода «пустые» чудотворения, скорее всего, есть проявление мира, враждебного Богу, и потому не буду обращать на это внимания. Если я молюсь Богу, то как же явившийся мне при этом Ангел может отвлекать меня от молитвы. Если это Ангел Божий, он не будет этого делать. Значит, он не Божий. А с не Божиим дело иметь очень опасно, я еще недостаточно крепок духовно».

Таково обычное, нормальное отношение православного человека к таким «погремушечным»,

«эффектным», буквально «прельщающим», отвлекающим от дела чудесам. Конечно же не все чудеса таковы, но важно их различать. И единственным критерием, помогающим отделить зерна от плевел, есть жизнь Церкви во всем ее многообразии. Как живой организм, ведомыми только Богу путями Церковь изринет из своей среды, может даже и не совсем эстетичным способом, все ненужное, пустое, а останется только то, что ведет нас в жизнь, из небытия в бытие. Поэтому не надо поддаваться на «чудесные» провокации вне Церкви и в лоне Церкви следует избегать прелести, бороться с религиозными предрассудками и суевериями, за чистоту веры в здравом уме, без ложных эффектов. Задача не из легких, но у нас есть верный компас – это Церковь, в которой все движется Духом Святым. И это великое чудо, сотворенное Богом.

Священник Савва ЩЕРБИНА

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ЧУДУ

Беседа со священником Александром СОЮЗОВЫМ

Отец Александр: Тема о чудесах Божиих в жизни человека – одна из самых сложных, потому что она всегда связана с отношением человека к чуду. Это отношение исходит из общего мировоззрения человека, из его отношения к Богу. Закоренелые материалисты не признают

ничего необъяснимого, не поддающегося исследованию. А таких явлений немало. Человек, серьезно, профессионально занимающийся точными науками, знает, что всегда в любом законе, определяющем физические, химические и иные явления, существуют исключения. Эти исключения могут возникать до бесконечности, можно даже вывести определенную закономерность их возникновения. К какому выводу может прийти человек, стоящий на строго материалистических позициях? Оставаясь на этих позициях, человек придет к выводу о принципиальной непознаваемости окружающего мира. Допустив же существование Надмирной Силы, то есть Бога, человек, столкнувшись с необъяснимым явлением, решит, что Бог играет его разумом, показывая, что невозможно загнать мир в прокрустово ложе науки. Оба вывода – хула на Творца, потому что Он создал человека по образу и подобию Своему, а значит, поделился с человеком и Своей творческой силой. Бог дал человеку разум именно для того, чтобы человек мог познать мир, его законы, его удивительную гармонию – и увидеть в этой гармонии и красоте отражение Самого Творца, познать Его благость.

Среди людей неверующих или слабоверных, то есть признающих, что «что-то там есть», да-

же среди людей, считающих себя христианами, православными, но не живущих жизнью Церкви, часто встречается прямо противоположное отношение к чудесным, необъяснимым событиям: они готовы принять любое чудо, всякое событие, причин которого они не видят (притом эти причины могут реально существовать), возводят в ранг чуда. В последнее время заметна тяга к чудесам и знамениям: у всех на памяти ажиотаж вокруг барабашек, НЛО, собеседников с «голосами из космоса» и т. д.

Такая позиция не менее, а может быть, даже более опасна, потому что такие люди становятся легкой добычей разного рода шарлатанов и бесовских сил и их адептов в реальном мире. Таких людей бесы всегда готовы прельщать эффектными «знамениями» и лжечудесами. В православной догматике это так и называется – *прелесть.* Состояние прелести очень опасно – оно может привести к полному разрушению психики и даже гибели человека.

Поэтому относиться к чуду нужно так, как учит Православная Церковь. Церковь признает чудо как проявление Благого Промысла Божия об отдельном человеке, семье, народе и даже целом мире. Но при этом Церковь учит *трезвению.* Что это такое? Это значит смиренно признавать себя грешником, недостойным милости

Божией, и *исследовать,* от Бога ли это чудо или от врага рода человеческого.

Михаил Молотников: Отец Александр, может быть вы укажете хотя бы самые общие признаки, по которым можно отличить чудо Божие от бесовского наваждения?

О. А.: Самое главное сказал нам Господь наш Иисус Христос*: по плодам их узнаете их.* Отличительной чертой чудес Божиих является благой результат. Если человек после совершившегося с ним или рядом с ним чуда пришел к покаянию, если этот человек пришел к Богу, то это чудо подлинное, то есть Божие. Если же человек, соприкоснувшись с чудом, возгордился, если он начал превозноситься над другими людьми: «Я не такой, как все, я – избранный», – это явное прельщение; эта симптоматика характерна для целителей, экстрасенсов, которых сейчас стало видимо-невидимо.

Смело можно сказать, человек такой прельстился и впал в служение лукавому. В этом случае следует вспомнить Евангелие от Матфея (7, 20–22). Господь сказал: *По плодам их узнаете их... Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли?»*. Но Господь говорит: *И тогда объявлю Я им: «Я никогда не знал вас, отойдите от Меня,*

делающие беззаконие» (Мф. 7, 23), ибо *не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21). А воля Отца – это созидание и возрождение человека для Вечной жизни, а не взращивание эгоизма, превозношение над другими людьми. Ну и самый простой вопрос: получение выгоды с тех даров, которые человек приобрел каким-то образом, открыв – случайно или по сознательному произволению – дверь в другую реальность. История Православной Церкви знает имена многих святых подвижников, которые уже при жизни были чудотворцами, но никогда ни один из них не назначал цену за свою помощь. Больше того, те добровольные пожертвования, которые благодарный народ нес им, они отдавали в обители или раздавали нищим и убогим.

М. М.: Наверное, к положительным плодам чуда можно отнести укрепление веры, радость, мир и покой на душе. А о прелести отцы Церкви утверждают, что она вызывает тревогу, беспокойство, неустойчивое состояние духа.

О. А.: Безусловно. Что от лукавого, то всегда вызывает нездоровое волнение, потерю трезвения, нормальной оценки окружающей действительности. Человек как бы теряет контроль за своим состоянием. Почему мы об этом

предупреждаем? Чтобы человек рассудительно, трезво подходил к тем или иным событиям, происходящим в его жизни. Утрата трезвения опасна. Человек, однажды прикоснувшись к прелести бесовской, чтобы вы ему ни говорили, будет только качать головой и поддакивать, а про себя думать: «Ну, ты мне говори что угодно, ты-то не видел, а я знаю. Личного опыта у тебя нет, поэтому я тебе не верю». Этот внутренний голосочек – от лукавого, он человека отделяет, отдаляет от других. Человек становится недосягаем и непроницаем, он себя щитом гордыни от всех отгораживает и не собирается никого слушать. Поэтому мы и говорим: если в вашей жизни произошло какое-то чудо, обязательно посоветуйтесь со священником, чтобы получить объективную оценку происшедшего. Ни в коем случае нельзя советоваться с какими-нибудь чародеями, ворожеями и колдунами, потому что это будет сразу же истолковано не в пользу вашего спасения, а в пользу вашего личного эгоизма, вашего личного превозношения.

Господь создал человека по образу Своему. Образ Божий должен чтиться в человеке, и перед другими людьми мы не должны ни превозноситься, ни унижаться. Мы должны высоко нести этот образ в своем сердце и уметь разглядеть его в других людях.

Следует особо поговорить о случаях исцеления. Физическое здоровье сейчас рассматривается как главная ценность. Однако следует помнить, что не всегда физическое здоровье возвращается человеку, так сказать, бесплатно. Особенно об этом следует помнить тем, кто обращается к знахарям, или экстрасенсам, как теперь говорят.

Если исцеление приходит не от Бога, человек теряет что-то духовное, а иногда он, получая исцеление одного какого-то органа, от одной какой-то болезни, приобретает другую, скрытую болезнь, более опасную, чем та, от которой он избавился. Следует всегда помнить слова Господа: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего... и тогда воздаст каждому по делам его* (Мф. 16, 24–27).

М. М.: Отец Александр, в истории Церкви известно много таких случаев, когда монахам и не только монахам, но и мирянам являлся свет или ангел, который говорил: «Я за твои добродетели приставлен к тебе, поклонись мне, и я боль-

ше никогда от тебя не отойду. Буду помогать тебе во всем». И вот человек, обманутый видением, поклонялся лжеангелу, а дальше – страшный хохот и отвратительные морды. И человек или с ума сходил, или погибал вовсе. Так что самое верное отношение – это не искать никаких знамений, не быть настроенным на их поиск.

О. А.: Да, самая верная, трезвая позиция – это не искать чуда. Потому что стремление к чуду – это нездоровье души, неверие в Бога и Его добрую волю по отношению к нам. Дело в том, что настоящее Божие чудо происходит тогда, когда душа человека готова его принять, готова поверить в Бога, пойти за Ним. И тогда в помощь ей Господь посылает чудо – чудо избавления от опасности, помощи в трудной ситуации и даже исцеления.

Заканчивая наш диалог, следует напомнить нашим читателям слова Господа, обращенные к Апостолу Фоме: *Блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Всегда следует сохранять смирение перед Господом, не требовать от Него во что бы то ни стало исполнения желания своего, но говорить: «Господи, если считаешь нужным, дай, если недостоин, то оставь меня в том состоянии, в котором я есть». Вот это, пожалуй, наиболее трезвая, твердая позиция верующего человека по отношению к чуду.

ІС ХС

ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ

(Рассказы о помощи Божией)

Исцеление от экземы

С детства помню рассказы бабушки о ее детских годах. Эти истории были интереснее сказок и всяких книжных историй. Они были окутаны очарованием и светом тех времен, когда в семьях царили любовь, уважение друг к другу. Бабушка рассказывала о красивых людях. Неотделимы от этих воспоминаний и воспоминания о Светлом Воскресении, Вербном воскресенье, Рождестве, Крещении. Вот одна из бабушкиных историй.

У нее была сестра, старше ее на полтора года, Людмила. Руки у нее с раннего детства были покрыты экземой. Куда только ни обращались – все было бесполезно. Постоянно приходилось бинтовать кисти рук.

Рядом с их селом был источник, который считался святым. Со всей губернии съезжался народ к этому источнику. Раз в году от сельского храма *к святой воде шел крестный ход с пением, хоругвями* и иконами. Огромное шествие.

Почему раньше не воспользовались этим средством для лечения девочки, я не знаю. В тот год было бабушке лет пять-шесть, и она помнит все очень хорошо. Всей семьей шли они с крестным ходом к источнику. Впереди всего шествия – настоятель сельского храма отец Гавриил, дед моей бабушки и ее сестры.

Подошли к источнику. Отец Гавриил подвел внучку и поставил прямо у воды. Бабушка моя, уцепившись за сестру, тоже пробралась, чтобы все видеть. Стали читать Евангелие, молитвы. При чтении молитв по знаку отца Гавриила девочке надо было опустить руки в воду и подержать там. «Смотри, Людушка, молись в это время. Очень молись», – сказал отец Гавриил. Так она и сделала. После этого руки снова забинтовали и пошли домой.

Вечером, когда сняли бинты, чтобы сделать перевязку, с изумлением увидели чистые розовые ручки. Ни следа экземы, ни шрамика. Больше болезнь не возвращалась.

«Никогда не пей!»

знал одну благочестивую семью: мужа, жену и дочь-девушку. Случилось так, что муж вернулся домой сильно нетрезвый в канун Рождества.

Огорченная жена и дочь уложили его в постель, и он тотчас же заснул.

Вскоре он проснулся в сильном волнении и тревоге, совершенно трезвый, и тотчас же захотел идти в церковь. На вопрос дочери, что с ним случилось (а жена уже ушла в храм), он ответил:

– Я сейчас во сне видел Господа. Он сказал мне: «Помни праздник, почитай родителей, никогда не пей и не кури».

Во время болезни детей нужно уповать на помощь Божию

Я рано вышла замуж. Вера в Бога у меня была, но работа, повседневная суета отодвинули веру на второй план. Я жила, не обращаясь к Богу с молитвой, не соблюдая постов. Проще сказать: я охладела к вере. Мне даже в голову не приходило, что Господь услышит мою молитву, если я обращусь к Нему.

Жила я с мужем и детьми в Стерлитамаке. В январе внезапно заболел мой самый младший ребенок, мальчик пяти лет. Пригласили доктора. Он осмотрел ребенка и сказал, что у него дифтерит в острой форме, назначил лечение. Ждали облегчения, но его не последовало.

Ребенок страшно ослабел. Он уже никого не узнавал. Лекарства принимать не мог. Из груди его

вырывался страшный хрип, который слышен был по всей квартире. Приезжали два доктора. Печально посмотрели на больного, озабоченно поговорили между собой. Было ясно, что ребенок не переживет ночи.

Я ни о чем не думала, механически делала все нужное для больного. Муж не отходил от постели, боясь пропустить последний вздох. В доме все стихло, только раздавался страшный свистящий хрип.

Ударили в колокол к вечерне. Почти бессознательно я оделась и сказала мужу:

– Я пойду попрошу отслужить молебен о его выздоровлении.

– Разве ты не видишь, что он умирает? Не ходи: он кончится без тебя.

– Нет, – говорю, – я пойду: церковь близко.

Вхожу в церковь. Навстречу мне идет отец Стефан.

– Батюшка, – говорю ему, – у меня сын умирает от дифтерита. Если не боитесь, отслужите у нас молебен.

– Мы обязаны напутствовать умирающих всюду и идем без страха, куда нас приглашают. Сейчас я к вам приду.

Вернулась я домой. Хрип по-прежнему раздавался по всем комнатам. Личико совсем посинело, глазки закатились. Я дотронулась до ножек:

они были совсем холодные. Больно сжалось сердце. Плакала ли я, не помню. Я так много плакала в эти страшные дни, что, кажется, и слезы все выплакала. Зажгла лампадку и приготовила необходимое.

Пришел отец Стефан и начал служить молебен. Я осторожно взяла на руки ребенка вместе с перинкой и подушкой и вынесла в залу. Мне было слишком тяжело стоя держать его, и я опустилась в кресло.

Молебен продолжался. Отец Стефан открыл Святое Евангелие. Я с трудом встала с кресла. И свершилось чудо. Мальчик мой поднял голову и слушал Божие слово. Отец Стефан кончил читать. Я приложилась; приложился и мальчик. Он обвил ручонкой мою шею и так дослушал молебен. Я боялась дышать. Отец Стефан поднял Святой Крест, осенил им ребенка, дал ему приложиться и сказал: «Выздоравливай!»

Я уложила мальчика в постельку и пошла проводить батюшку. Когда отец Стефан уехал, я поспешила в спальню, удивляясь, что не слышу обычного хрипа, надрывающего душу. Мальчик тихо спал. Дыхание было ровным и спокойным. С умилением опустилась я на колени, благодаря Милостивого Бога, а затем и сама уснула на полу: силы оставили меня.

На другое утро, лишь ударили к заутрене, мальчик мой поднялся и чистым, звучным голосом сказал:

– Мама, что это я все лежу? Мне надоело лежать!

Возможно ли описать, как радостно забилось мое сердце. Сейчас же согрели молока, и мальчик с удовольствием его выпил. В 9 часов в залу тихо вошел наш доктор, посмотрел в передний угол и, не увидев там стола с холодным трупиком, окликнул меня. Я веселым голосом отозвалась:

– Сейчас иду.

– Неужели лучше? – удивленно спросил доктор.

– Да, – ответила я, здороваясь с ним. – Господь явил нам чудо.

– Да, только чудом мог исцелиться ваш ребенок.

18 февраля отец Стефан служил у нас благодарственный молебен. Мальчик мой, совершенно здоровый, усердно молился. По окончании молебна отец Стефан сказал:

– Следовало бы вам описать этот случай.

Искренне желаю, чтобы хоть одна мать, прочитавшая эти строки, в час скорби не впала в отчаяние, а сохранила веру в благость неведомых путей, которыми ведет нас Промысл Божий.

«Русский Бог, помоги мне!»

Девочку звали Сарой, она была дочерью очень богатых евреев. Кроме нее было еще пять человек детей. Семья жила в провинции. Отец был крутого нрава, и дети его очень боялись, боялась его и жена.

Однажды отец вышел из дома, собираясь отправиться по очень важному делу. Вспомнив о чем-то, он сунул руку в карман пиджака и вынул вчетверо сложенную бумажку.

– Эх, не хочется возвращаться, – сказал он. – Сара, возьми этот документ, он очень важный, отнеси его в мой кабинет, – позвал он пробегавшую мимо дочь. – Положи на письменный стол и придави книгой. Да не потеряй, а то голову оторву, – крикнул он вдогонку.

Сара положила бумажку в карман платья и только было направилась в кабинет, как ее позвала старшая сестра посмотреть, какую шляпу подарил ей жених. Потом Сара увидела в окно, что во дворе собрались дети соседей и готовится интересная игра. Забыв обо всем, она присоединилась к играющим.

Бумага лежала в кармане, а она прыгала и играла до позднего вечера. Сброшенное платье горничная отнесла в стирку, а утром принесла ей другое.

Садясь за чайный стол, отец удивленно спросил:

– Где та бумага, которую я тебе вчера дал?

Только сейчас Сара вспомнила о ней.

Начались поиски, но Сара хорошо знала, что они бесполезны: бумага была в кармане ее платья и она ее не вынимала, а потом платье взяли в стирку. Несомненно, бумага была выброшена.

Трясясь от страха, она во всем призналась отцу. Он посмотрел на нее и жестко сказал:

– Это был вексель на десять тысяч рублей. Через две недели я должен был его опротестовать. Мне нет дела до того, что его нет, он должен быть. Достань где угодно – или...

Сара закрыла от ужаса глаза. Отец никогда не грозил зря. Начались бесплодные поиски. Вначале этими поисками были заняты все в доме, но, поняв их бесполезность, оставили. Сара потеряла сон и аппетит. Она перестала играть с детьми, пряталась от всех в дальних углах огромного сада.

Охотнее всего она сидела в том месте, где их участок соприкасался с двором старой русской женщины. Она жила одна в бедной хибарке, хозяйства у нее не было, бегала только пестрая кошка и зеленел огород. Качали ветками три яблони, и пышно раскинулись три куста смородины.

Летом женщина постоянно была занята на своем убогом дворе, но часто, оставляя работу и

встав во весь рост, молилась. Ее доброе лицо во время молитвы делалось еще добрее, часто слезы текли из ее глаз, но она не замечала их и только осеняла себя крестом.

Сара в щель в заборе наблюдала за ней, и, когда женщина молилась, Саре делалось легко и радостно. Страх перед отцом отступал. Но вот женщина кончала молитву, и снова страшные мысли одолевали Сару, и она шла на речку искать на берегу место, где она бросится в воду.

Как-то, когда было особенно тяжело, Сара пошла в заветный угол сада и, повторяя движения женщины, попробовала молиться сама. Она не знала, как это делается, и неумело крестилась и твердила:

– Русский Бог, помоги мне.

Потом она начала Ему жаловаться на свое несчастье и снова просила помочь. Так она делала каждый день, что, однако, не мешало ей ходить на речку, где она предполагала окончить свою жизнь, так как расправа отца была для нее страшнее смерти.

Прошло две недели. Наступило утро рокового дня. Сара не спала ни одной минуты, и как только рассвело, она оделась, оглядела спавших с нею в одной комнате сестер и тихо вышла из дома. Солнце еще только поднималось, во дворе не было ни души.

Последний раз оглянулась Сара на родной дом, на сад, на большой двор, весь в пристройках, и пошла к калитке. Отбросив засов, решительно взялась за ручку. Но что это?.. В ручку продета свернутая вчетверо бумага.

Сара вынула ее и машинально развернула. Вексель... Неужели это тот, что отец дал ей две недели назад? Но ведь вексель тот размок в кармане платья и его выбросили. Как же мог он попасть сюда?

Забыв страх перед отцом, забыв все на свете, Сара с криком бросилась в спальню родителей. Всклокоченный, еще не проснувшийся от сна, отец выхватил из ее рук бумагу.

– Вексель, тот самый вексель! – закричал он на весь дом. – Где ты взяла его?

Трясясь всем телом, Сара рассказала. Отец снова принялся рассматривать документ. Все правильно, ни к чему придраться нельзя, только он чем-то неуловимо отличается от пропавшего – как будто другая бумага, другой почерк.

В доме все проснулись и сбежались в спальню, радостные и возбужденные. Только Сара не радовалась со всеми – новое чувство чего-то великого и непонятного переполняло ее душу. Она опять ушла в свой уголок в саду.

– Это сделал Ты – Русский Бог, – шептала она, и ей не хотелось идти домой, а хотелось сидеть

здесь и в тишине думать о необыкновенном Боге, Который пожалел ее и сотворил чудо.

«Держи зюйд-вест»

– Много-много есть необъяснимого на свете. Бывают чудеса и в наш неверующий век, – произнес наш хозяин, отставной моряк, прохаживаясь взад и вперед по столовой. Он пригласил нас провести у него ненастный осенний вечер за стаканом чая, и мы сплотились тесным кружком в уютной комнате вокруг самовара. Хозяин наш мастерски рассказывает, и мы ожидали от него интересного рассказа из его бесчисленных морских приключений.

– Да, мне хорошо помнится этот случай, – продолжал он, теребя свои седые усы, – поразительный случай. Я был еще мичманом, молодым, веселым юношей, полным розовых надежд и упований. Плавание наше в тот раз было очень трудное и опасное. Наступили осенние дни. Небо висело свинцовой шапкой. Дул холодный ветер. Мы тихо шли по курсу. Океан угрюмо шумел. Я отлично помню тот вечер. Мы, молодежь, исполнив свои дневные обязанности, забрались в каюту и вспоминали родных и знакомых.

Вдруг слышим поспешные шаги капитана и заключаем по его походке, что он раздражен чем-то.

– Господа, – сказал он, остановившись в дверях каюты, – кто позволил себе сейчас пробраться в мою каюту? Отвечайте!

Мы молчали, изумленные, недоуменно переглядываясь.

– Кто? Кто был там сейчас? – грозно повторял он и, вероятно, увидев недоумение на наших лицах, быстро повернулся и ушел наверх. Там грозно зазвучал его голос. Не успели мы опомниться, как нам приказано было явиться наверх. Наверху выстроилась вся команда. Оба боцмана были расстроены и встревожены.

– Кто был у меня в каюте? Кто позволил себе эту дерзкую шутку? – грозно кричал капитан. Общее молчание и изумление были ему ответом. Тогда капитан рассказал нам, что только он прилег в каюте, как слышит в полузабытьи чьи-то слова: «Держи зюйд-вест ради спасения человеческих жизней. Скорость хода должна быть не менее трех метров в секунду. Торопись, пока не поздно!» Мы слушали рассказ капитана и удивлялись. Капитан помрачнел. Нас распустили. Все мы были встревожены и озадачены. Что сделает капитан? Идти на юго-запад – значило бросить курс и идти в другую сторону. До поздней ночи никто не спал. Скоро мы поняли, что после долгого совещания со старшим боцманом, очень опытным, испытанным моря-

ком, капитан решил последовать таинственному совету. Правда, отклонение было не так значительно и времени потеряно будет немного.

– Держите зюйд-вест и поставьте хорошего часового на мачту! – услышали мы приказание капитана боцману. Сердца наши бились тревожно. Что-то будет? Неужели это шутка, насмешка? Но кто мог подшутить так? Рано утром мы все по обыкновению были на ногах и толпились на палубе. Рулевой молча указал капитану на видневшийся вдали черный предмет. Мы шли всю ночь; утро было серенькое, дождливое. За туманом даль была не видна. Капитан долго смотрел в подзорную трубу, подозвал боцмана и что-то тихо сказал ему. Когда капитан повернулся к нам, лицо его было бледнее обыкновенного. Через полтора часа мы увидели невооруженным глазом, что черный предмет был чем-то вроде плота, и на нем – две лежащие человеческие фигуры. Спустили лодку. Боцман сам отправился за несчастными. Волны заливали плот, еще немного – и было бы поздно. Живы ли были люди на плоту? После получасовой борьбы с ветром и волнами боцман привез несчастных. То были молодой матрос и ребенок, оба без чувств, с искривленными судорогой лицами, окоченевшие, почти мертвые.

Какая суматоха поднялась на корабле! Все мы, начиная с капитана и кончая последним матросом,

старались что-нибудь сделать для несчастных. Их таинственное спасение поразило нас всех; они казались нам посланниками Провидения.

Капитан, как самая нежная мать, хлопотал около ребенка. Только через два часа матрос пришел в себя и заплакал от радости. Ребенок крепко спал, укутанный и согретый.

– Господи! Благодарю Тебя! – воскликнул матрос, простой, симпатичный парень. – Видно, матушкина молитва до Бога дошла!

Мы все обступили его, и он рассказал нам печальную повесть корабля, разбившегося о подводные камни и затонувшего. Народу было немного, некоторые успели спастись в лодке, остальные утонули. Он уцелел каким-то чудом на оставшейся части корабля. Ребенок был чужой, но дитя ухватилось за него в минуту опасности, и спаслись они вместе.

– Матушка, видно, молится за меня! – говорил матрос, благоговейно крестясь и глядя на небо. – Ее молитва спасла меня! Испугался я очень, как еще в памяти был, да еще ребенок-то ухватился за меня – не бросить же его; окоченел, иззяб, водой заливает... Дитя плачет... И начал я молиться... А потом последнее, что помню: смерть пришла, и закричал: «Матушка родимая, помолись за меня! Помолись Господу!» Видно, горячо молилась она

за меня. Вот в кармане и письмо ее ношу при себе... Спасибо родимой моей!

И он вынул письмо, написанное слабой рукой простой, малограмотной женщины. Мы перечитали его несколько раз, и оно произвело на нас сильнейшее впечатление. Последние строки его помню и сейчас: «Спасибо, сынок, за твою память да ласку, что не забываешь старуху-мать. Бог не оставит тебя! Я день и ночь молюсь за тебя, сынок, а материнская молитва доходит к Богу. Молись и ты, сынок, и будь здоров и не забывай твою старуху-мать, которая молится за тебя. Сердце мое всегда с тобой, чую им все твои горести и беды и молюсь за тебя! Да благословит тебя Господь и да спасет и сохранит тебя мне!»

Матрос, видимо, очень любил свою мать и постоянно вспоминал о ней. Спасенный ребенок, семилетний мальчик, полюбился капитану, человеку бездетному; он решился оставить его у себя.

Дивны пути Провидения! Велика сила материнской молитвы! Много есть на свете таинственного, необъяснимого, непонятного слабому уму.

Чудесное обращение

С бабушкой был такой случай. Она веру свою скрывала от начальства. Как-то раз она шла с подругой-атеисткой мимо хра-

ма. В церкви шло богослужение, люди молились. Подружка решила поиздеваться над верующими. Она зашла в храм и во время пения молитв прокричала на всю церковь: «Что же вы молитесь Тому, Кого нет?» Бабушка пыталась ее увести, уговаривала ее: «Не нужно, пойдем. Ну, молятся – и пусть молятся». Но подружка не хотела угомониться и сказала так, чтобы все слышали: «Если Бог есть, пусть я упаду и не встану».

И она вдруг действительно упала и не могла встать. Ее вынесли, она попросила воды и тут же купила иконку. После этого, как рассказывала бабушка, та женщина стала очень верующей, но недуг у нее так и остался до конца ее дней. Вот такой случай...

Медведь

Митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) везли в ссылку. В одну глухую ночь он был выброшен из вагона на полном ходу. Стояла снежная зима. Митрополит Кирилл упал в огромный сугроб, как в перину, и не расшибся. С трудом вылез из него, огляделся: лес, снег – и никакого признака жилья. Он долго шел по снежней целине и, выбившись из сил, сел на пень. Мороз пробирал до костей сквозь изношенную рясу. Чувствуя, что

начинает замерзать, митрополит стал читать себе отходную. Вдруг видит: к нему приближается что-то большое и темное, всмотрелся – медведь.

«Загрызет», – мелькнула мысль, но бежать не было сил, да и куда? А медведь подошел, обнюхал сидящего и спокойно улегся у его ног. Теплом повеяло от огромного зверя и полным доброжелательством. Он заворочался и, повернувшись к Владыке брюхом, растянулся во всю длину и захрапел. Долго колебался Владыка, глядя на спящего медведя, потом не выдержал сковывающего холода и лег рядом с ним, прижавшись к теплому брюху. Лежал и то одним, то другим боком поворачивался к зверю, чтобы согреться, а медведь глубоко дышал во сне и обдавал его горячим дыханием. Когда начал брезжить рассвет, митрополит услышал далекое пение петухов. «Жилье близко», – мелькнула радостная мысль, и он осторожно, чтобы не разбудить медведя, встал на ноги. Но тот поднялся, встряхнулся и вразвалку побрел к лесу. А отдохнувший Владыка вскоре дошел до небольшой деревеньки.

Постучавшись в крайнюю избу, он объяснил, кто он, и попросил приюта. Владыку впустили, и он полгода прожил в этой деревеньке. Написал сестре, она к нему приезжала, а потом за Владыкой приехали и увезли.

Образ Спасителя в небе

На фронт я попал в 1941 году 22-летним юношей. Был связистом. Участвовал в обороне Ленинграда. Немцы рвались к городу, он был окружен. Пытаясь во что бы то ни стало захватить город, немцы обрушили на нас лавину огня. Один за другим погибали боевые друзья. И вот в одну из бомбежек, когда шквал огня обрушился на город и, казалось, началось светопреставление, произошло настоящее чудо. Ночное небо вдруг озарилось розовым светом, и на розовом небе появился образ Спасителя. От неожиданности все находившиеся в блиндаже бойцы, не сговариваясь, попадали на колени и стали креститься... Образ Спасителя исчез. Небо стало обычным, но кромешный ад прекратился. А мы долго еще не могли прийти в себя... С тех пор я и уверовал в Бога. С этой верой прошел всю войну и после Победы вернулся домой без единого ранения. Образ Христа навсегда остался в моей памяти.

«Отец Алексий, спаси!»

В начале Великой Отечественной войны попал я в плен к немцам. Заперли они нас в церкви, а затем стали выводить партиями на расстрел. Повели с другими и меня.

Вспомнил я тогда об отце Алексии Мечеве. В отчаянии взмолился: «Батюшка отец Алексий, спаси». И перекрестился. Смотрю, немцы, которые нас вели, о чем-то заговорили, а потом отделили меня от остальных и дальше не повели.

Всех расстреляли, а я остался жив. С тех пор я в любой беде, при всякой трудности призывал в молитве отца Алексия.

«Отче наш...»

Один моряк, воевавший на Балтийском море с фашистами, оказался в ледяной воде. Он плыл, выбиваясь из сил. Холодные волны накрывали его с головой. Одежда намокла. Руки, ноги коченели, становились неуправляемыми. Куда плыть? Где север? Где юг? Туман. Непроницаемая стена. Сердце стучит на пределе.

Он взрывал вражеские корабли, теперь взорвали его катер. Никого не осталось. Погибнет и он. Надо смотреть правде в лицо: остаются последние мгновения. Даже если какой-нибудь корабль и проплывет мимо, его не увидят: непроглядный туман. До берега далеко. Да и где он? Холод пронизывает. Дышать все труднее и труднее. Надеяться не на что. Разве только на чудо. Но всю жизнь он считал, – да и учили его в Мос-

ковском университете, а там такие знающие профессора, – что чудес не бывает, что Бога нет, все это враки и выдумка неграмотных дураков или жуликов.

В эти минуты ему вспомнилась любимая бабушка, которая в детстве говорила совсем другое: «Ты только скажи: Отче наш. Назови Бога своим Отцом. А Отец оставит ли в беде Свое дитя?»

И моряк, с трудом вспоминая слова молитвы, из последних сил шептал: «Отче наш, Сущий на небесах! Да святится Имя Твое...»

Не успел моряк дочитать молитву до конца, как густой туман, затянувший все вокруг сплошной пеленой, неожиданно расступился, показался советский корабль, случайно оказавшийся в этом районе, моряка заметили и подняли на борт. И это избавление от неминуемой смерти, да еще после того, как он прочитал молитву, показалось ему настолько чудесным, что моряк поверил в Бога.

Вторая присяга

 первую же неделю войны я по зову Родины ушел на фронт. Мне довелось участвовать в жестоких боях под Курском. На всю жизнь запомнился мне день 23

ноября 1941 года. Мы оказались в окружении. Фашисты обрушили на нас шквал огня. Земля содрогалась и дымилась от артиллерийских, минометных снарядов и авиабомб. Воздух был густо насыщен гарью, небо заволокло дымом пожарищ.

Вой немецких истребителей и бомбардировщиков, разрывы бомб и снарядов, пулеметная трескотня – все это было похоже на ад; вдобавок моросил дождь, а к вечеру посыпал снег. Многие мои однополчане в тот день окропили своей кровью легендарную Курскую землю, а иные и навечно обрели в ней покой.

Оставшиеся в живых, разрозненные, морально подавленные, руководимые инстинктом самосохранения, старались найти укрытие и спасение в лесных массивах. В тот день именно в такой ситуации встретились мы с группой бойцов в одной лесной балке. Измученных, грязных, голодных, промокших до последней нитки, нас собралось тринадцать человек.

Среди нас оказался командир, родом из Новосибирска. Мы скучились возле него, ожидая решения. С наступлением темноты стало совсем холодно, а мы даже не смели развести костер, чтобы не выдать своего присутствия. Казалось, гибель неминуема: если не от вражьей пули, так

от холода и голода. Вдруг командир зычно, без тени иронии, обращается к нам: «Братцы, кто знает молитвы?» – «Я знаю, – ответил я, – Николай Мельников». – «А меня зовут Георгий. Значит, с нами два Ангела-Хранителя, чудотворца. Будем молиться о помощи». И он первым начал читать молитву, а я громко вторил ему. Остальные же кто повторял шепотом, а кто стоял на коленях, осеняя себя крестным знамением и делая земные поклоны.

Когда прочитали молитвы, было уже совсем темно. Вдруг справа, за ельником, в нескольких метрах от нас показался какой-то свет. Мы все ринулись в ту сторону и увидели избушку, внутри светила керосиновая лампа. Постучали в дверь. На пороге нас встретил седовласый старец. Не задавая любопытных вопросов, мы единодушно приняли его за местного лесника. Хозяин тепло натопленной лачуги предупредил нас: «Не обессудьте меня за скромное пристанище. Могу угостить всех кипятком с сухариками. А спать ляжете на соломку».

Обогревшись, мы улеглись на соломенные «пуховики» рядком, прижавшись друг к другу и проспали до утра. А проснувшись, оказались на том самом «пятачке» возле балки, где горевали накануне вечером. А хатки-то и след простыл.

Командир поблагодарил Бога за чудесный ночлег и, сделав три поклона на восходящее солнце, сказал: «Ну, братцы, отныне не будьте Иванами, не помнящими родства. Не забывайте Бога, защищайте Церковь Христову, помните и молитесь друг за друга до конца своей жизни».

Это наставление мы восприняли как вторую воинскую присягу. Развернув планшет и сориентировавшись на местности, отправились в путь. Километров пятнадцать под гул канонады мы пробирались балками и перелесками по направлению к Полтаве. И все тринадцать в тот день соединились с родной частью.

«Иди, дочь Моя»

Тетя Шура родилась и выросла в деревне. Приехала в Москву молоденькой девушкой, устроилась на фабрику. Комнату в общежитии разделила с другими работницами. Можно себе представить, что это был за образ жизни. «Я была блудница», – говорила она о себе. Живая, острая на язык, любившая попеть, поплясать, посмеяться, Шура стала заводилой среди фабричной молодежи. О Боге она и не думала. На большие праздники в церковь иногда ходила, на родительские субботы тоже – вроде бы так положено. Время шло.

Без мужа она родила сына. С ребенком удалось получить комнату в коммуналке. Так время и шло: работа, веселые компании, поклонники.

Когда Шуре исполнилось 40 лет, произошло удивительное событие, перевернувшее всю ее жизнь. Было лето. Она почему-то рано пришла с работы и рано легла спать. Навалилась какая-то непонятная усталость. И вот снится ей, что идет она по полю и много-много людей идут куда-то под гору. «Не хочу я под гору», – сказала себе тетя Шура и отошла от них. А в стороне тоже люди куда-то идут. Вот она к ним и пристроилась. Через некоторое время подошли они к храму. В дверях кто-то стоит. Смотрит тетя Шура и глазам не верит – да это же Сам Господь Иисус Христос. В белой одежде, точно такой, как на иконе. И всех благословляет. Она тоже подошла под благословение. А Господь положил ей руку на голову и говорит: «Иди, дочь Моя». И подтолкнул к двери храма. Тут Шура и проснулась. «Что со мной произошло, я не знаю. Только лег спать один человек, а проснулся другой», – рассказывала она потом.

Утром она позвонила на работу и отпросилась на несколько дней, благо были отгулы. И поехала Шура по всей Москве искать тот храм, что видела во сне. Почему-то ей казалось, что

обязательно надо так сделать. Как она ездила, как пересаживалась с одного транспорта на другой, как ходила по улицам и переулкам – это долгий рассказ. Скажу только, что поиск сначала был безрезультатный.

В последний свободный день Шура попала в один из старых районов Москвы. Трамвай шел по тихой улице, тогда, в 63-м году, еще не загруженной автомобилями. Шелестели ветвями старые деревья, помнящие и войну, и революцию. По синему июльскому небу плыли облака.

Шура смотрела в окно и думала, что надо попросить еще несколько дней, пусть даже в счет отпуска. И вдруг из-за поворота, как корабль, выплыл белый храм. Вокруг него был чистенький скверик. «Вот он! Вот!» – вскрикнула Шура, изумив пассажиров, и бросилась к выходу. В тот же день устроилась она туда на работу. Тридцать лет тетя Шура здесь, в нашем храме.

«Бог или ангел достал меня из-под льда...»

Бог все-таки есть», – часто говорил вслух седоватый старик, высокорослый, согбенный, с выразительными

чертами лица. Его звали Федор Михайлович Махов. В то время во всех школах и институтах учили, что Бога нет, а верующих считали отсталыми или сумасшедшими. Уверился же Федор Махов в существовании Бога после того, как был спасен из воды.

Однажды он шел домой по льду по речке Пехорке, это в Подмосковье. Был поздний вечер, а зимой рано темнеет. Дороги не было видно. Где-то на середине реки он попал в прорубь. Река в том месте была глубока, так что летом не каждый ныряльщик до дна достанет.

Очутившись под водой, он стал тонуть. Если на льду темень, то уж подо льдом полный мрак. Он стал барахтаться, чтобы выплыть. Через несколько секунд он всплыл, но не попал в прорубь, а ударился головой о лед. И вот тут он действительно стал тонуть, потому что не знал, куда выплывать. Опускаясь на дно, он изо всей мочи воззвал к Господу:

– Боже, если Ты есть, спаси меня, помоги!

Он молил не словами (воздуха не было), а умом – всем своим нутром кричал вверх. В тот же миг вода подо льдом осветилась.

– Я не видел никого, только свет был, как утром, – объяснял он потом. – Свет приблизился ко мне. И какая-то сила взяла меня как бы за во-

лосы и потащила вверх. Не знаю как, но меня вытолкнуло на край льда. Кто-то помог мне выбраться. Наверное, Бог или Ангел достал меня из-под льда... Я сначала пополз, потом поднялся на ноги и пошел. Пальто от воды тяжелое, ледяное. Я не успел замерзнуть, как дошел домой...

Да, кто бы что ни говорил, а Бог все-таки есть. А иначе не было бы меня.

Ангел напутствовал умирающего

В горной местности Средней Азии была церковь, в которой служили два священника. Однажды из одного селения пришел прихожанин с просьбой причастить умирающего. Один из священников был болен, а другой отказался идти по какой-то причине.

Печальным возвращался к умирающему его родственник, думая о том, что не смог исполнить его последней просьбы.

Но когда он вернулся к больному, то нашел его в радостном, просветленном состоянии.

– Как я тебе благодарен, что ты потрудился позвать ко мне батюшку и я имел счастье исповедаться и причаститься Святых Таин.

Изумился пришедший и понял, что вместо священника умирающего исповедовал и причастил Ангел Господень.

О важности проскомидии

Один очень большой ученый, медик, тяжко заболел. Приглашенные врачи, его друзья, нашли больного в таком состоянии, что было очень мало надежд на выздоровление.

Жил профессор только со своей сестрой, старушкой. Был он не то что совсем неверующим, но мало интересовался религиозными вопросами, в церковь не ходил, хотя жил недалеко от небольшого храма.

После такого медицинского приговора сестра его очень опечалилась, не зная, чем помочь брату. И тут вспомнила, что рядом – церковь, куда можно пойти и подать на проскомидию о тяжко болящем брате.

Рано утром, не говоря ни слова брату, сестра собралась на раннюю обедню, рассказала священнику о своем горе и просила вынуть частицу и помолиться о здравии брата. А в это же время ее брату было видение: будто стена его комнаты как бы исчезла и открылась внутренность храма, алтарь. Он видел свою сестру, о чем-то говорившую со священником. Священник подошел к жертвеннику, вынул частицу, и эта частица со звоном упала на дискос. И в тот же момент больной почувствовал, что какая-то сила вошла в его тело. Он встал с постели, чего давно уже не мог сделать.

В это время вернулась сестра, удивлению ее не было предела.

– Где ты была? – воскликнул бывший больной. – Я все видел, я видел, как ты в церкви говорила со священником, как он вынул за меня частицу.

И тут оба со слезами возблагодарили Господа за чудесное исцеление.

Профессор еще долго жил после этого, уже никогда не забывая о милосердии Божием, бывшем к нему, грешному.

Этот открывшийся «кусочек» высшей реальности

На летние каникулы мы решили всей семьей объехать на нашей новой машине Золотое Кольцо. Последним городом нашего маршрута был Владимир. Во Владимире мы разошлись, договорившись встретиться в семь вечера. Я обошел центр города и подошел к Успенскому собору. Вошел в церковь...

Вспоминая себя – того, 21-летнего, – я знаю, что вошел в церковь шалопай, безбожник, одним словом, «нормальный» советский студент.

Помню, когда вошел, поразило следующее: впереди – все залито ослепительно золотым светом, что-то происходит – кто-то куда-то двига-

ется, непонятно куда. Хор пел так, что я нигде ничего подобного не слышал – я был любителем рок-музыки. И я все забыл: забыл о себе, о своих бедах, о планах. Стоял... и плакал не переставая. Помню, что стеснения не было, а в груди растаяло что-то, душа согрелась, стало удивительно легко и как-то сквозь слезы радостно, облегчающе радостно и... сладостно.

Сколько это продолжалось, не знаю. Потом я вспомнил, что нужно не опоздать к семи часам. Посмотрел на часы: пора было выходить.

Вы когда-нибудь выходили из теплого, уютного дома в промозглую, «собачью» сырость? Вот так и я вышел из храма на улицу, хотя стоял теплый летний вечер. Вышел в ставшую чужой привычную действительность, с чем-то неземным в душе, с совершенно незнакомым чувством.

Близко от церкви была, естественно, дискотека (это были 70-е годы). Я сделал несколько шагов к ней и почувствовал, что меня тошнит от этой музыки. Не физически, а как-то внутри, в душе. Всем существом своим я ощутил, какая она холодная, колючая, чужая. И она, и весь наш быт, и все наше окружение. Это все очень нечистое, недостойное и почему-то зло насмехающееся над нами... По сравнению с ТЕМ, что было в

храме... Потом я встретился с родными. За разговорами и делами ЭТО отошло, почти забылось. Но ОНО всегда со мной – этот открывшийся кусочек Высшей Реальности. Через 12 лет я крестился уже в связи с другими событиями, но ТО в их ряду было первым...

«Тот взгляд исцелил мою душу»

В нашей семье было мало радости. Я была у папы с мамой одна. Росла одиноко, родители были заняты на работе. Вечером, когда они, уставшие, приходили с работы, мы собирались на кухне за ужином. Мама с папой часто ссорились. Их раздраженные голоса и обидные, жестокие слова вонзались в мое сердце... Сама я была некрасивой, нелюдимой девочкой без каких-либо заметных способностей. Дружить у меня ни с кем не получалось, хотя и очень хотелось. В душе жили какое-то постоянное одиночество и печаль.

Помню тот день: особенно холодно, тоскливо было на душе. Даже читать не хотелось, и жить не хотелось. Я пошла по городу куда глаза глядят и увидела на улице объявление, что в музее открыта выставка старинных книг и икон. Пошла туда. Народу – почти никого. Помню, на меня сразу

нашло какое-то особое состояние: сосредоточенности и тишины. На душе стало легче, светлее.

Больше часа я ходила от книги к книге, от иконы к иконе. Хотелось долго-долго стоять около каждой иконы. Я почувствовала, что с икон на меня струится тепло. Душа моя потихоньку отогрелась.

И вот – я помню это, будто это случилось сейчас, – оказалась я перед иконой Андрея Рублева «Спас Нерукотворный». Только я взглянула на Этот Лик, – и произошло удивительное: как бы все вокруг исчезло, и само время перестало существовать. В душу мою устремился взор... Этот взор был такой силы, что и меня не стало перед ним, а вся моя жизнь была в том, чтобы раскрыться навстречу ему. Никакой преграды во мне не было для того взора: Он знал обо мне все-все. И в нем была такая любовь, такая нежность, такая теплота и такая радость, каких я никогда и не знала. Навсегда осталось в сердце чувство, что никогда никакая человеческая любовь не может даже в какой-то мере сравниться с той любовью, которая была обращена на меня, ко мне.

Это продолжалось целую вечность, и когда я как бы очнулась, передо мною была икона – прекрасная, от которой я долго-долго не могла отойти. Но я была уже другой. Золотой поток согрел

вечную мерзлоту, которая лежала в глубине сердца. Тот взгляд исцелил мою душу, как бы собрал ее. Мне было теперь для чего жить. Я чувствовала радость, блаженство, оттого что оказалась нужной и дорогой для Него. Для Кого? Я не понимала еще толком. Я ничего не знала о Нем. Только знала, что Он бесконечно прекрасней всех людей, что Он может все простить, что в Нем нет никакого холода, что Он может послать в душу океан с теплыми золотыми волнами радости и согреть и оживить душу. Это было потрясением, но потрясением не ужасающим, а спасающим... Воспоминание об этом взгляде стало моей потаенной от людей жизнью и помогло претерпеть все невзгоды до тех пор, пока Он не привел меня в Свою Церковь ко Святому Крещению.

«Как я спасла жизнь сыну Святым Крещением»

Когда моему сыну было три месяца, он заболел двусторонней стафилококковой бронхопневмонией. Нас срочно госпитализировали. Ему становилось все хуже и хуже. Через несколько дней заведующий отделением перевел нас в одиночную палату и сказал, что маленькому моему недолго осталось жить.

Горю моему не было предела. Позвонила маме: «Ребенок умирает некрещеным, что делать?» Мама тотчас же поехала в храм к священнику. Он дал маме крещенской воды и сказал, какую молитву надо читать во время совершения Крещения. Сказал, что в экстренных случаях, когда человек при смерти, Крещение может совершить и мирянин. Мама принесла мне крещенскую воду и тексты молитв.

В палате были стеклянные двери, по коридору все время сновали сестры. Неожиданно в три часа у них началось собрание. Наша медсестра поручила мне следить за состоянием сына, пока она будет присутствовать на собрании. Я спокойно, без помех окрестила сына. Сразу же после Крещения ребенок пришел в себя.

После собрания зашел врач и страшно удивился: «Что это с ним произошло?» Я ответила: «Бог помог!» Через несколько дней мы выписались из больницы, а вскоре я принесла сына в церковь, и батюшка довершил Святое Крещение.

«Как я пришла к Богу»

Я выросла в неверующей семье. О Церкви, Боге ничего не знала. В 1972 году мне исполнилось 16 лет, и я сама пошла креститься в Воскресенскую церковь в Со-

кольниках. Надо сказать, что в действующую церковь я попала впервые. Сейчас я могу сказать, что Бог позвал меня, но тогда никакого объяснения не было: вдруг, ни с того ни с сего пошла. Прошло 20 лет. Я была такой же атеисткой, как и мои родные. Мало того, подсмеивалась над теми, кто ходит в церковь. Сама, конечно, не ходила и крестик даже не носила. Я сделала очень много ошибок в своей жизни, пережила большую личную драму. И вот наступил этот черный день. До этого дня я почти год пыталась понять, как же я дошла до полного краха. Понять этого я никак не могла.

Как-то на работе я разговорилась с одной пожилой женщиной, и она сказала что-то о церкви. Я спросила ее, неужели она верит в Бога. До сих пор помню ее улыбку и ответ с достоинством, счастьем, радостью: «Да, я верю в Бога». Что-то будто шевельнулось во мне. На другой день она принесла мне несколько брошюр. Они немного согрели меня, хотя я мало что поняла, читая их.

И вот наступил этот день. Я особенно сильно почувствовала безысходность своей жизни, одиночество. Все это описать очень трудно. Скажу лишь, что будто вспышка света озарила мою душу, и я поняла, что корень зол – эгоизм, гордость, а отсюда и равнодушие к другим, гневливость, бесчув-

ственность и т. д. И тут же возник ответ на мой внутренний вопрос – всего одно слово: Бог.

Облегчение, какое я испытала, не описать. Счастье мое было безмерным. Теперь я тоже могла сказать, что верю в Бога. Я долго все это описываю, но происходило все это быстро, временем этого не измерить. Я твердо верю, что Таинство Крещения, совершенное за двадцать лет до того, спасло меня. Я радуюсь, когда вижу, как люди идут креститься, несут детей. Я знаю, что они будут под могущественной защитой.

«Мы никогда не говорим правды»

Одна знакомая женщина, уже немолодая, пристрастилась беседовать с «голосами». «Голоса» передавали ей разные сведения о всех родных, а заодно и о других планетах. Часть того, что они сообщали, было ложью или не сбывалось. Но моя знакомая не считала это достаточно убедительным и продолжала им верить. Время шло. Она стала плохо себя чувствовать. Видимо, сомнения закрались ей в душу. Однажды она прямо спросила их: «Почему вы часто говорите неправду?» «Мы никогда не говорим правды», – ответили «голоса» и стали смеяться. Моей знакомой стало жутко. Тут же она пошла в церковь, исповедовалась и больше никогда этим не занималась.

«Что я могу сказать тебе, когда ты Бога призываешь?»

Монахиня Ксения рассказывала о своем племяннике следующее. Племянник ее – молодой человек 25 лет, спортсмен, охотник-медвежатник, каратист, недавно окончил один из московских институтов – в общем, современный молодой человек. Одно время он увлекся восточными религиями, потом стал общаться с «голосами из космоса». Как матушка Ксения и ее сестра, мать молодого человека, ни отговаривали его от этих занятий, он стоял на своем. Почему-то он не был крещен в детстве и креститься не хотел. Наконец – это было в 1990–1991 годах – «голоса» назначили ему встречу на одной из кольцевых станций метро. В 18.00 он должен был сесть в третий вагон поезда. Конечно, его отговаривали домашние, но он поехал. Ровно в 18.00 он сел в третий вагон и сразу увидел человека, который был ему нужен. Он понял это по какой-то необычайной силе, исходящей от него, хотя внешне человек тот выглядел обычно.

Молодой человек сел напротив незнакомца, и вдруг его охватил ужас. Потом он рассказывал, что даже на охоте, один на один с медведем, он никогда не испытывал такого страха. Незнакомец

молча смотрел на него. Поезд делал уже третий круг по кольцу, когда юноша вспомнил, что в опасности надо говорить: «Господи, помилуй», и стал про себя повторять эту молитву. Наконец он поднялся, подошел к незнакомцу и спросил у него: «Зачем ты меня звал?» «А что я могу сказать тебе, когда ты Бога призываешь?» – ответил тот. В это время поезд остановился, и парень выскочил из вагона. На другой день он крестился.

Исцеление от слепоты

При освящении воды произносится дивная молитва, в которой испрашивается целебная сила для пользующихся этой водой. В освященных предметах заключаются духовные свойства, которые не присущи обычному веществу. Проявление этих свойств подобно чудесам и свидетельствует о связи человеческого духа с Богом. Поэтому всякие сведения о фактах проявления этих свойств весьма полезны людям, особенно во время искушения и сомнений в вере, то есть в духовной связи человека с Богом.

Это особенно важно в настоящее время, когда широко распространено заблуждение, будто такой связи не существует и что это доказано наукой.

Однако наука оперирует фактами, а отрицание фактов на том только основании, что они не укладываются в заданную схему, – это не научный метод.

К многочисленным проявлениям особых целебных свойств освященной воды можно добавить еще один вполне достоверный случай, имевший место в конце зимы 1960/61 годов.

Престарелая учительница-пенсионерка А. И. была больна глазами. Она лечилась в глазном диспансере, но, несмотря на старания врачей, совершенно ослепла. Она была верующим человеком. Когда случилась беда, она несколько дней подряд с молитвой прикладывала к глазам ватку, смоченную крещенской водой. К удивлению врачей, в одно действительно прекрасное утро она стала хорошо видеть.

Известно, что у больных глаукомой такие резкие улучшения при обычном лечении невозможны, и избавление А. И. от слепоты можно рассматривать как одно из проявлений чудесных целебных свойств святой воды.

К сожалению, далеко не все чудеса записываются, еще меньше – попадают в печать, и о многом мы просто не знаем. Чудо, о котором я рассказал, очевидно, будет известно лишь узкому кругу людей, но и мы, сподобившиеся по мило-

сти Божией быть в числе их, воздадим благодарение и славу Богу.

«Не могу пить!»

В одной медицинской книге по психиатрии, вышедшей в начале XX века, автор ее, профессор, пишет, что он разделяет душевнобольных на одержимых (или бесноватых) и больных с физическим повреждением органов нервной системы.

Первых он определял очень простым способом. Он давал им выпить святой воды: никто не мог заставить одержимого выпить святую воду.

Вот случай из жизни, подтверждающий это.

Наша знакомая посетила матушку Е., очень старую монахиню высокой жизни. К ней приезжал со всех концов страны народ за духовной помощью.

Матушка принимала только по утрам. Она выслушивала вопросы, молилась, а затем давала ответы (когда это было необходимо), давала и святой воды.

От этой воды, по свидетельству многих, исцелялись даже от неизлечимых болезней.

Как рассказывает наша знакомая, она с несколькими другими пришла уже тогда, когда матушка закончила прием.

Послушница матушки сказала:

– Найдите себе в деревне ночлег, матушка примет вас завтра.

– Я знаю одну старушку, которая пускает к себе на ночь, – сказала одна из приехавших к матушке женщин.

– А вы разве не пойдете с нами? – спросили мы у нее.

– Меня старушка к себе не пустит, – уверенно сказала женщина.

Мы не поверили и уговорили ее пойти с нами. Старушка приветливо нас встретила и согласилась пустить. Когда она заметила указавшую нам ночлег женщину, то замахала на нее руками:

– А ты иди, иди – я тебя не пущу.

Не понимая, в чем дело, мы стали упрашивать старушку пустить переночевать и ту женщину.

– Вы ее не знаете, – сказала старушка, – ведь она никогда не пьет матушкиной воды, а в лесу ее выливает.

Чтобы уверить нас в этом, старушка достала из-под образов бутылочку, налила в стакан воды и дала той женщине, которую не хотела пускать.

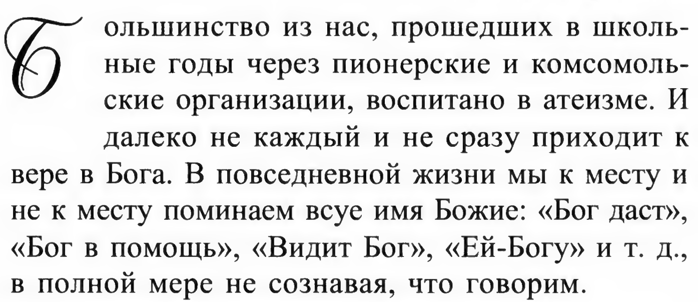
– На вот, пей, тогда я тебя пущу.

Женщина взяла в руки стакан, подержала его несколько времени в руке. По лицу ее было видно, что какая-то борьба происходила в ее душе.

Она вернула стакан, даже не попытавшись сделать хотя бы один глоток.

– Не могу пить, – сказала она.

«Бог спас!»

Большинство из нас, прошедших в школьные годы через пионерские и комсомольские организации, воспитано в атеизме. И далеко не каждый и не сразу приходит к вере в Бога. В повседневной жизни мы к месту и не к месту поминаем всуе имя Божие: «Бог даст», «Бог в помощь», «Видит Бог», «Ей-Богу» и т. д., в полной мере не сознавая, что говорим.

Многие не верят в то, что Иисус Христос – Бог, не верят в чудеса, сотворенные Им. Подай человеку чудо, да чтоб видел он его своими собственными глазами, – тогда он, может быть, и поверит в Бога. Да и живем-то мы по поговорке: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Примерно так же жил и я. Хотя крещен был в младенчестве, нательный крестик одел сознательно только около пяти лет назад. Церковь посещал раз в полгода, исповедовался и того реже. В своем автомобиле на передней панели в салоне прикрепил иконку Божией Матери. Со временем перед каждой поездкой я стал молиться своими сло-

вами (не зная полагающихся традиционных молитв) Господу Богу и Божией Матери.

И вот однажды на «макушке» лета, в середине июля 1995 года, для меня «грянул гром».

Я подъезжал к крутому повороту на выезде из Высоковска в сторону Волоколамска. Скорость – чуть меньше сорока километров. Асфальт – мокрый после дождя. Встречный автомобиль, не вписавшись в поворот, вылетел на мою полосу – и столкновение почти «в лоб». От моего автомобиля целыми остались два задних колеса и правая задняя дверь.

Очнулся я уже после того, как меня вытащили из машины, выломав остатки двери. Увидев, в каком состоянии было водительское сидение, изумился: в каком же положении я там находился? Я отделался несколькими ушибами, а в кулаке моем каким-то образом оказалась зажатой иконка Божией Матери.

Как здесь не поверить?.. Бог спас!

Грозное знамение

Вот что рассказал один священник. В день Богоявления он в храме наливал в сосуды богомольцев только что освященную воду. Подходит женщина и протягивает ему бутылку. Лишь только начал священник нали-

вать в нее воду, как в его руках бутылка лопнула и разлетелась на мелкие осколки. Изумленный священник спрашивает женщину:

– Что это за бутылка? Не было ли в ней чего-нибудь?

Смущенная женщина отвечает:

– Батюшка, я хотела, чтобы один парень женился на моей дочери. Чтобы приворожить его, я достала у одной старушки наговоренной воды, но боялась дать ее дочери. Для верности я хотела, чтобы к этой воде вы добавили еще и крещенской.

Сила молитвы

В 1994 году пришлось мне работать, к сожалению очень недолго, в храме святых Апостолов Петра и Павла. Храм этот один из самых древних и красивых в Москве. Много там было удивительного. Я была свидетелем нескольких чудесных случаев. Вот один из них.

Закончилась служба. Я стояла у дверей. Подошла ко мне женщина и, захлебываясь от слез, стала умолять показать, где какие иконы в храме находятся. У нее умирал муж, и она пришла из больницы. У мужа Валентины (так звали женщину), Алексея, была очень тяжелая болезнь

почек, причем как-то неожиданно начавшаяся. Так вот, мы стали переходить от иконы к иконе и ставили свечи у каждой иконы. Я рассказывала ей о святых, которые были изображены на иконах, старалась утешить ее. Как же плакала эта женщина, как просила она Бога помочь ее мужу, простить его за тяжелый характер, за все, что он плохого сделал в своей жизни! Для нее никого вокруг не было: только Бог, Божия Матерь и святые. Такое забыть невозможно! Никогда ничего подобного я не видела.

Когда она уходила, я, сама не знаю почему, попросила у нее телефон. Вечером что-то толкнуло меня позвонить ей. И вдруг слышу ее повеселевший голос. Она рассказала мне следующее.

Только что позвонил дальний родственник, который каким-то чудом нашел профессора-уролога, причем этот профессор специализируется именно на этом заболевании. Профессор тут же дал согласие совершенно незнакомому человеку осмотреть больного, тут же договорился с военным госпиталем имени Бурденко, где было нужное оборудование, и той больницей, где лежит Алексей. И вот сейчас они встречаются и едут за Алексеем, чтобы перевезти его в госпиталь имени Бурденко. Разговор с профессором и переговоры с больницами совпали с тем временем, ког-

да Валя была в храме. Появилась надежда! Профессор чуть не до полуночи осматривал Алексея и тут же назначил процедуры. Это было очень сложное лечение. Валя находилась в больнице круглосуточно. Алексей выжил.

До сих пор мы перезваниваемся, и я знаю, что он жив и здоров, время от времени он проходит повторный курс лечения. Алексей уже вполне бодр и делает какие-то дела по дому, даже выходить на работу собирается. А ведь ему оставалось жить несколько дней: почки уже почти не работали.

Предупреждение родителям

В церкви Зосимы и Савватия служил иеромонах Иоанн. Он говорил, что мы, взрослые, не ведя христианский образ жизни, находимся во власти сатаны и через нас бесы нападают на наших детей, так как они не защищены.

Мы оказались свидетелями случая, доказавшего истину этих слов.

Привели крестить мальчика лет четырех-пяти. Маленький ребенок, хорошенький, а на лице злоба. Стали его раздевать, и тут началось. Крик, визг, рычание, он весь изворачивался, вырывался. Шестеро взрослых с трудом держали его. Сила у ребенка была нечеловеческая, как и голос, которым он кричал. Только после того,

как его окунули в купель, он успокоился и личико его посветлело.

«Голоса»

Одну женщину лет сорока пяти разговоры с «голосами» довели до психического расстройства. Когда ей посоветовали креститься, «голоса» стали внушать ей, что она погибнет по дороге. После Крещения ей стало легче, а совсем поправилась она лишь после Причастия.

Умственно отсталая девочка

В храм по воскресеньям и праздникам привозили на коляске умственно отсталую девочку: она совершенно ничего не воспринимала, и лицо у нее было совсем бессмысленное. Девочка преображалась, когда ее ввозили в храм. Она рассматривала все вокруг, а когда ее причащали, личико ее делалось радостным.

«Хочешь ко Мне?»

Это было в 6-й Градской больнице в Москве, в спинальном отделении. Мы – несколько прихожан из Елоховского собора – бывали в этой больнице и помогали священнику и больным чем могли. Помню, вошел

я в одну палату и сразу увидел молодого человека, который был, наверное, самым тяжелым больным во всем отделении. Он лежал неподвижно на спине. Я подсел к нему, мы разговорились. Вот что он рассказал о себе.

Как-то вечером после работы возвращался домой. Зашел в свой подъезд. Подъезд был темный. На него кто-то налетел и начали его избивать. По-видимому, их было несколько человек. Он потерял сознание.

Первое, что он увидел – Господь, такой ласковый, стоит рядом с ним и спрашивает: «Ну что, хочешь ко Мне или хочешь остаться на земле?» А он отвечает: «А как же моя жена и дочка, как же они без меня будут?» И Господь ему как-то очень хорошо, по-доброму улыбнулся – и все исчезло...

Он вернулся к жизни. У этого самого тяжелого в палате больного, совершенно неподвижного, было удивительное лицо, приветливое и радостное (хотя это трудно вязалось с теми болями, которые он должен был испытывать), и очень чистые глаза.

Божия помощь атеисту

вот такой случай произошел с моим старшим братом. Он на десять лет старше меня. Удачливый в делах, типичный со-

временный бизнесмен. Имеет семью: жену и двоих детей. Однажды он перенервничал и слег с сердечным приступом. Были острейшие боли. Приехала «скорая», его забрали в больницу. Какое-то время он находился в реанимации, затем его положили в двухместную палату. Больница была хорошая, оборудованная по последнему слову техники. Над каждой койкой – панель со звонком для вызова сестры, выключателями и т. д.

На вторую ночь его соседа перевели в реанимационное отделение из-за резкого ухудшения состояния. Брат остался в палате один. Сна не было. Уже глубокой ночью, лежа на спине, он вдруг почувствовал, что с кончиков пальцев ног и рук начинает ползти вверх по телу холод. Брат нажимает несколько раз на звонок вызова сестры, но никто в палату не приходит: то ли сестра отлучилась, то ли заснула... А холод поднимается все выше и выше, все ближе к сердцу. И у брата появляется отчетливая мысль: «Когда этот холод дойдет до сердца, я умру».

Надо сказать, брат мой – человек совсем неверующий. Более того, отрицающий Церковь. Всякое положительное упоминание о Церкви вызывает у него негативную реакцию.

А холод продолжает подниматься вверх. И тогда мой неверующий брат говорит, или вы-

крикивает, или шепчет: «Господи, спаси меня!» И что же вы думаете? Движение холода останавливается, замирает, затем начинается такое же медленное его отступление.

Вскоре брата выписали из больницы.

К сожалению, он не сделал никаких радикальных выводов из этого случая и остался неверующим. Пока.

Чудо с парашютом

В Бога я не верил. Когда наступило время сборов в армию, моя мать, часто ходившая в церковь и молившаяся за меня, дала мне бумажку с написанной на ней молитвой и сказала: «Сынок, пусть она всегда будет с тобой». Впоследствии я узнал, что на бумажке был 90 псалом. Служить мне выпало в десантных войсках. В армии не разрешают иметь лишнее в карманах, и я зашил молитву в подкладку гимнастерки у левого плеча.

Первый прыжок с парашютом.

Не забуду того мгновения, когда, провалившись в бездну воздушного пространства, я дернул кольцо – и... парашют не раскрылся.

Я дернул кольцо запасного парашюта – он тоже не раскрылся.

Земля стремительно приближалась.

В эти считанные секунды я не мог, естественно, достать из гимнастерки мамину молитву и прочитать ее. Поэтому я только хлопнул по тому месту, где она была зашита, и закричал: «Господи, спаси меня!»

В ответ мне захлопал раскрывающийся парашют.

Потом будет все: расспросы начальства и друзей, мамина радость и мамины слезы, но прежде даже, чем я опустился на землю, я дал себе слово поступить в семинарию.

Впоследствии, окончив семинарию, я поступил в монастырь, теперь я иеромонах.

Чудо от Благодатного Огня

Случай этот рассказала одна монахиня, живущая в русском Горненском монастыре около Иерусалима. Перевели ее туда из Пюхтицкого монастыря.

С трепетом и восторгом ступила она на Святую Землю...

Вот и первая Пасха на Святой Земле. Почти за сутки она заняла место поближе ко входу в Гроб Господень, чтобы хорошо все видеть.

Наступил полдень Великой Субботы.

В Храме Гроба Господня погашены все огни. Десятки тысяч людей с нетерпением ждут Чуда.

Из Кувуклии показались отблески света. Счастливый Патриарх вынес из Кувуклии два пучка зажженных свечей, чтобы передать огонь ликующему народу.

Многие смотрят под купол храма – там его пересекают голубые молнии...

А наша монахиня молний не видит. И огонь от свечей – обычный, хотя она жадно смотрела, пытаясь ничего не упустить.

Прошла Великая Суббота.

Какие чувства пережила монахиня? Было и разочарование, но потом пришло сознание своего недостоинства видеть Чудо...

Прошел год. Снова наступила Великая Суббота.

Теперь инокиня заняла самое скромное место в Храме. Кувуклия почти не видна. Она опустила глаза и решила не поднимать их: «Я недостойна видеть Чудо».

Прошли часы ожидания. Снова крик ликования сотряс Храм. Монахиня не поднимала головы.

Вдруг словно кто-то заставил ее посмотреть. Взгляд ее упал на угол Кувуклии, в котором проделано специальное отверстие, через которое передают горящие свечи из Кувуклии наружу. Так вот, от этого отверстия отделилось светлое, мер-

цающее облачко – и тут же пучок из 33 свечей в ее руке загорелся сам собой.

Слезы радости закипели на ее глазах! Какая была благодарность Богу!

И молнии под куполом она на этот раз видела.

СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, ОБИДИМЫХ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА

Нечаянная радость

1921 год. Константинополь. Мы с Надей живем в полутемной комнате, окно которой обращено на уборную. Мы – эмигранты, бежали из России. У Нади – маленький сын, которого ей удалось устроить в приют, а у меня никого: муж убит на бронепоезде, и я одна во всем мире.

Вещи все проданы, да у меня их и не было, я жила на Надины средства, но сейчас у нее ничего не осталось, и мы с ней вот уже три дня как ничего не ели. Только сунем палец в соль, пососем и ляжем на нашу широкую общую кровать.

Что делать? Надя находит себе работу, потому что знает иностранные языки, а я не знаю, и меня никто не берет. Зато купить нас стараются многие, и мы так напуганы наглостью окружающих людей, что боимся всех и упросили свою хозяйку, старую толстую турчанку, никого не впускать к нам.

Даже адреса своего никому не даем – так боимся. Ведь нас недавно чуть не продали в пуб-

личный дом свои же соотечественники. Нас случайно спас французский офицер.

Как мне хочется умереть!

Надя верит в Бога и в то, что наша жизнь изменится к лучшему. Я тоже верю в Бога, но Он забыл нас... Мне надоело лежать, опротивели грязные стены, и хотя я всего в Константинополе боюсь, но встаю и, одев свой единственный костюм, выхожу на улицу. Иду и пошатываюсь от слабости, но на воздухе мне легче. Вдруг кто-то хватает меня за руку. Коля – товарищ мужа по бронепоезду.

Здороваемся, рассказываем о своих печалях. Он предлагает отвести меня к знакомому купцу Н-у, который открыл ресторан для эмигрантов, и попросить принять меня на работу.

– Эх, пока работа найдется, мы с Надей умрем с голоду, ведь мы три дня ничего не ели, – вырывается у меня.

– Мария Николаевна! И вы молчите! Вот, возьмите, – волнуясь, Коля протягивает мне монету.

– А еще есть?

Коля мнется.

– Допустим, нет.

– Тогда я не возьму.

Мы долго препираемся и наконец делаем так: мы с Колей покупаем на все деньги хлеба, одну треть он берет себе, а с двумя я бегу домой.

– Надя! – кричу я прямо в дверях. – Хлеб!

И мы едим мягкую душистую булку и никак не можем насытиться.

– Ангельский хлеб, – приговаривает Надя, набивая себе полный рот.

Она довольна и уже полна бодрости, а у меня опять тяжело на душе и я не хочу идти к Колиному купцу: мне так не везет в жизни, что конечно же и теперь постигнет неудача.

Все-таки Наде удается уговорить меня, я иду к Н-у, но получаю от него холодный отказ:

– Все места заняты...

Ах, к чему стоило унижаться... Лежу и плачу... Наде опять посчастливилось найти работу, а я снова должна висеть у нее на шее. Сколько еще может тянуться такое существование? Хватит, мне остается только один выход – Босфор. На дне его уже много таких, как я...

Эту ночь я сплю почему-то особенно крепко, а под утро вижу сон: темная комната, в углу – сияющий образ Царицы Небесной, и от него голос:

– В эту пятницу пойди в церковь...

Просыпаюсь – на душе радостно, свято... Долго лежу и переживаю увиденное, потом принимаюсь тормошить Надю:

– Послушай, какой я необыкновенный сон видела. Проснись, прошу тебя.

Надя трет глаза и ничего не понимает. Но мой рассказ быстро приводит ее в себя.

– Какой дивный сон! – восторженно шепчет она. – Это Царица Небесная предвещает тебе что-то хорошее. Подожди, а нет ли в эту пятницу праздника?

Надя хватает единственную книгу, вывезенную из дома, – «Житие Пресвятой Богородицы» – и начинает листать ее.

– Сегодня вторник, значит, в пятницу будет праздник в честь иконы «Нечаянная Радость» – первое мая (по ст. ст. – *Прим. ред.*)

Весь этот день я хожу, окрыленная надеждой, но к вечеру снова приходит тоска. Что такое сон и разве ему можно верить? Только чтобы не расстраивать Надю, я иду в пятницу в нашу посольскую церковь.

Отошла Литургия... Где же чудо? Чуда не было...

Иду домой и ничего не вижу от слез. Вдруг над ухом голос Коли:

– Мария Николаевна, я ищу вас по всему городу. Что это за манера такая – никому, абсолютно никому не давать своего адреса! Я ведь всех русских спрашиваю, я ведь с ног сбился, а сегодня пришел сюда, думаю: может, вы в церкви? Идемте скорее к Н-у, он меня за вами послал.

– Опять к этому толстосуму? Ни за что!

– Но у него произошла какая-то перемена, он сам приходил ко мне и умолял найти вас.

Наконец, я согласилась, хотя прекрасно понимала, что из этого ничего не выйдет.

Н. встречает нас, как самых дорогих гостей, приглашает в комнаты, знакомит с женой, потом говорит:

– Выслушайте меня, многоуважаемая Мария Николаевна, а потом судите, как хотите. Я вам отказал, потому что все места официанток у меня были заняты, а другой работы у меня не было. Отказал и успокоился: ведь формально-то я был прав. Настала ночь, и снится мне, что стою я перед образом Царицы Небесной и слышу от него голос, да такой грозный, что затрепетал весь. «Ты, – слышу, – не дал работы пришедшей к тебе женщине, а она может погибнуть, и ты будешь в этом виноват». Проснулся я ни жив, ни мертв. Сама Царица Небесная на вашу защиту встала! Едва утра дождался и скорее к Николаю Петровичу пошел: приведите, прошу его, Марию Николаевну, а он отказывается, не знает, как и где вас искать. Уж так мы с женой волновались, сказать не могу. Слава Богу, вы пришли. А я уже спланировал, что столы можно немного потеснить в зале и еще один поставить, а два вынесем на улицу, поставим у входа, так

что работа вам найдется, и прошу вас очень завтра же приступить к ней, я вас поставлю старшей официанткой.

Я слушаю и не все понимаю, а в душе растет что-то ликующее, мощное, недоступное уму – нечаянная радость.

«Встань и подними!»

Моя прабабушка жила в своей усадьбе в Ярославской губернии. Она более десяти лет лежала на кровати неподвижно – у нее отнялись ноги. В углу, в изголовье, висела Владимирская икона Божией Матери, к которой она часто обращалась в молитве.

Однажды она слышит стук, будто что-то упало, и слышит голос: «Встань и подними». Осмотрелась – никого нет. «Послышалось», – подумала она.

И вот снова слышит слова: «Встань и подними». Напал на нее страх и удивление: «Как я встану, когда столько лет лежу неподвижно?»

В третий раз слышит голос, твердый, как приказание: «Тебе говорю, встань и подними».

Тут она почувствовала в себе силу, спустила ноги на пол и пошла в тот угол, из которого слышала голос. И что же она видит? Икона (без оклада, одна доска, но написана была очень хо-

рошо – лик как живой) лежала на полу, расколотая на две части.

Она в страхе наклонилась, подняла икону и стала соединять две половинки, и икона как бы срослась. Но так как она соединила половинки неточно, у Матери Божией одна сторона лица выше другой.

С тех пор бабушка поправилась. Икону перенесли в церковь, и от нее стали совершаться чудеса.

Помощь от Владимирской иконы Божией Матери

Мать моя была благочестивая женщина и принимала к себе странников и странниц. Помню одного старца – батюшку с длинными седыми волосами, одетого в белый холщовый подрясник. За спиной он носил тяжелую сумку, как песком набитую, а в руке железный посох, такой тяжелый, что мы, дети, не могли поднять его.

Умер у нас отец, оставив мать с шестью малолетними детьми. Мать решила открыть белошвейную мастерскую, чтобы прокормить детей. Взяла денег в долг, накупила материала, наняла мастериц и у парадного входа повесила дощечку – вывеску о приеме заказов. Начала ждать за-

казчиков, а они и не идут. Месяц к концу подходит, жалованье мастерицам платить надо, а денег нет. Мать в отчаянье начала впадать.

Вдруг приходит тот странник. Мама со слезами рассказывает ему свое горе. «Не горюй, Ульянушка, – говорит странник, – я тебе дам великую помощницу, от заказов отбою не будет. Пошли со мною для помощи кого-либо».

Мама послала нашу няню, и они принесли большой Владимирский образ Божией Матери из кельи странника. Тот мало бывал в своей келье, а больше все ходил по святым местам.

Странник велел повесить этот образ в мастерской и чтобы перед ним горела неугасимая лампада.

Когда повесили образ и зажгли лампаду, мама собрала всех нас, детей. Странник-батюшка читал молитвы, и мы с ним долго молились. Мама молилась со слезами. Потом батюшка благословил всех нас, не велел маме отчаиваться и ушел.

И вдруг начались звонки от заказчиков. Звонок за звонком – до обеда двенадцать заказов приняли. А на другой день временно прекратили брать заказы: их набралось за один день на целый месяц. Потом пришлось даже расширять мастерскую.

Обращение офицера

Знала я одну семью, в которой была благочестивая мать и молодой сын-офицер. На службе он, забыв Бога, повел разгульную жизнь. Мать, сколько ни пыталась, не могла на него повлиять и лишь усердно молилась Божией Матери о спасении его души.

Умирая, она позвала к себе сына и просила дать ей слово исполнить ее последнюю волю. Сын согласился. Мать заповедала ему после ее похорон пойти в церковь и приложиться к чудотворному образу Царицы Небесной.

Как громом поразила сына эта просьба умирающей матери. При его тогдашней разгульной жизни и настроенности души исполнение этой просьбы казалось ему чем-то ужасным, так как вера в нем погасла еще не совсем и он понимал, что такое кощунство.

Мать умерла. Несмотря на глубину падения и ужас перед святыней, сын не считал возможным нарушить слово офицера и заставил себя пойти в церковь.

Словно буря поднялась в его душе, и чем ближе подходил он к церкви, тем труднее становилось ему идти. Но чувство долга, сохранившееся в нем, заставило его дойти до церкви. Он уви-

дел ту икону Царицы Небесной, к которой он должен был приложиться. Пот выступил на его лице, и он не мог сдвинуться с места. С большим усилием сделал он шаг вперед и снова остановился. Расстояние до иконы в несколько шагов он преодолел лишь через час, и когда наконец, собрав остатки сил, он приложился к иконе, то тут же упал без чувств...

Когда пришел в себя, он был уже другим человеком. Как пелена спала с его глаз. Он увидел всю глубину своего падения и всю горечь, которую причинял матери.

Он совершенно изменил свою жизнь, стал посещать церковь и горячо молиться о прощении своих грехов и об упокоении души своей матери, молитвами которой была спасена его душа.

Встреча

одном из московских храмов служил священник. В его семье жила, как родная, благочестивая женщина Мария, приехавшая в Москву из деревни в 1936 году.

В тридцатые годы священник и его матушка вынуждены были выехать из Москвы на несколько лет. Вначале вернулась матушка. Надо было поступать на работу, а девочку не с кем было оставлять.

Незадолго перед этим Мария приехала в Москву и пошла в домработницы. Ей хотелось поступить в какую-либо благочестивую семью, чтобы там прослужить до конца дней своих.

Долго не удавалось это Марии. Однажды пришла она в одну из московских церквей, встала перед чудотворной иконой Божией Матери и стала слезно умолять устроить ее в благочестивую семью. При выходе из церкви незнакомая женщина остановила ее. Вид Ее поразил Марию...

Женщина сказала ей: «Иди завтра в церковь, подойти к священнику, когда он будет давать народу целовать крест. Попроси его устроить тебя, я сама позабочусь об этом».

Женщина исчезла, и Мария поняла, что перед ней была Сама Божия Матерь.

На другой день в ту же церковь пришла и матушка – супруга священника. В конце службы подойдя к батюшке, подававшему прихожанам крест, она попросила помочь найти домработницу, чтобы та присмотрела за малолетней дочкой во время ее отсутствия. Батюшка сказал, что у него на примете такой нет, и она отошла, чтобы приложиться к образу Божией Матери.

После нее к батюшке подходит Мария и просит устроить ее в благочестивую семью. Удив-

ленный таким совпадением, священник сказал ей: «Вот, подойди к этой женщине, что стоит у иконы, она как раз ищет домработницу».

Так соединила навеки Сама Матерь Божия для совместного жительства Марию и семью священника.

Тетя Поля

Храм в Селенском под Клином закрыли перед войной, а тетя Поля оставалась его старостой. Во время войны власти хотели устроить склад в храме, а она не отдавала ключи. Тогда считали, что храм не приносит пользы и община должна платить налоги.

Что делала тетя Поля? У нее была корова. Она выращивала телят, продавала их, а деньги, вырученные от их продажи, вносила в счет налога за храм.

Однажды она продала бычка и приготовила деньги, чтобы налог заплатить. Ночью пришли к ней воры, набросились на нее и стали душить. Взмолилась она тогда: «Божия Матерь, помоги, помоги!» И вдруг где-то в доме ведра полетели. Грохот был страшный. Она подумала: может, кошка с чердака прыгнула, а у нее и кошки-то не было. Жулики бросили все и убежали... И налог она уплатила.

Был с ней еще такой случай. Был у нее бычок. А в то время проводили «контрактацию» скота и скот отбирали и угоняли куда-то. Дома ее не было, а бычок сорвался с привязи и ушел со стадом. Она очень долго плакала: «Теперь мне платить за храм нечем». А у нее и сапоги были худые, и дверь вся в щелях. Она сама зимой мерзла. «А я, – говорит, – приду домой, постучу палочкой по ножкам, ножки-то у меня и отойдут». Так вот, плакала она несколько дней. Вдруг – стук в окно. Подходит и видит: рука чья-то положила сверток, и голос чей-то сказал: «Возьми, раба Божия». И все исчезло. Развернула она сверток, а там – деньги. Ровно столько, чтобы налог заплатить.

«Кабы не Она...»

Шел второй месяц войны. Вести с фронта приходили тревожные; на заводе началась эвакуация, и я стал готовить к ней лабораторию, которой заведовал.

В конце августа меня вызвали к директору.

– Юрий Павлович, немцы прорвали линию обороны и быстро продвигаются в нашем направлении. Завод эвакуируется ночью, а сейчас надо вывозить детей. Вы назначены ответственным за эвакуацию заводского детсада и его пер-

сонала. Детей – 102 человека. Поедете в двух грузовиках, третий повезет продукты и все необходимое. Машины поведут лучшие водители – Пинчук Михаил Степанович и Костя Рябченко, на третьей машине – Светлана Уткина. Выезжать сейчас, без промедления. Ну, доброго пути!

На заводском дворе стояли крытые брезентом грузовики; заглянул – ребят битком набито, сидят перепуганные, недоумевающие, многие плачут.

Пошел к первой машине. За рулем сидел Михаил Степанович, кряжистый сильный человек со спокойно-сосредоточенным выражением лица. Мы давно знали друг друга.

Я вскочил в кабину, и мы тронулись. За грузовиками бежали и что-то кричали матери, отцы, бабушки. Дети плакали и тянули к ним руки.

Машины выехали за город и покатили по шоссе. Вскоре немецкий самолет закружил над нами. Первый снаряд снаряд упал недалеко от нас на обочину дороги.

– Тикать надо с нашим грузом, – проворчал Михаил Степанович и повел грузовик к лесу, мимо которого шло шоссе.

Постояв в лесу, пока не закончился обстрел, мы снова тронулись в путь, но не прошло и часа, как немецкий самолет опять застрекотал над го-

ловами. Местность была лесистой, и мы успели скрыться в чаще деревьев.

Понимая всю опасность нашего положения, я стал совещаться с шоферами и заведующей детским садом, как ехать дальше.

– Я думаю так: пока дорога идет возле леса, доедем до Красного вала и там остановимся дотемна, потому что дальше будет девяносто километров открытой местности. А ночью нас немцу не увидеть, вот ночью мы и поедем, – предложил Михаил Степанович.

– А как же в темноте без фар ехать, не опасно? – спросил я.

– Если ночь без облаков, то очень просто, а вот ежели облачка – поплутаем, – усмехнулся Костя.

Когда стемнело, мы тронулись в путь.

– Вы эту дорогу хорошо знаете? – спросил я Михаила Степановича.

– Нет, здесь ездить не приходилось. Но вы не беспокойтесь, шоссе идет до самой Ветвички, и мы его к утру проскочим, а дальше дорога такой чащобой пойдет, что никакой немец не увидит.

Тихо шелестел дождь. Я смертельно устал. Шепот дождя убаюкивал, глаза слипались, голова упорно падала на грудь, и я уснул. Проснулся от того, что машина остановилась.

– Что случилось?

– По полю едем, с дороги сошли, – сердито отвечал Михаил Степанович. – Темнота полная. Поедем по компасу, не стоять же на месте.

Едва мы тронулись, я снова уснул. Сильный толчок машины и громкий крик разбудили меня:

– Ну куда же этот человек под колеса прет? Соображения нет! Чего надо?

Я посмотрел в окно. В нескольких шагах от нас, резко белея в густой черноте ночи, стояла женская фигура с раскинутыми в обе стороны руками.

– Гражданка, что вам надо?

Женщина молчала. Шофер выскочил из кабины, но через минуту вернулся обратно.

– Никого нет. Померещилось мне, что ли?!

– Нет, женщина вот здесь стояла, – сказал я. – Высокая, в белом.

– Значит, спряталась. Нашла время шутки шутить. У меня от нее аж мороз по коже, – занервничал вдруг Михаил Степанович.

Он тронул машину, но колеса не успели сделать второй оборот, как белая фигура появилась вновь, и я почувствовал от ее появления страх, доходящий до смертного ужаса, особенно от предостерегающе раскинутых рук.

– Михаил Степанович, остановитесь! – отчаянно закричал я.

Мы выскочили из кабины, к нам подбежал Костя:

– Что случилось?

Не дожидаясь нас, Михаил Степанович бросился к стоящей впереди женщине, и через секунду оба исчезли из моих глаз.

– Скорей ко мне! – вдруг раздался вблизи его крик. Мы побежали на голос.

– Осторожно, стойте! – сдавленным голосом прошептал он, указывая на что-то рядом с нами. Мы посмотрели и отпрянули – там был обрыв. Мы стояли на его краю, камешки с шорохом падали вниз, когда мы делали неосторожное движение.

– Почему стоим? – подбежала к нам Светлана.

– Вот поэтому, – сказал Костя, показывая на обрыв.

Светлана ахнула и всплеснула руками.

– Кабы не Она, – Михаил Степанович снял шапку, – все бы сейчас там, на дне, были.

Его голос дрожал, он едва стоял на ногах.

– Дядя Миша, да кто Она-то? – испугано спросил Костя.

– Ты что, дурак или малахольный? Не понимаешь?! Кто же мог быть еще, как не Матерь Божия?!

– Где же Она была? – робко прошептала Светлана.

– Здесь, сейчас, – так же шепотом ответил Костя и тоже снял шапку...

В Беловежской Пуще

Во время войны произошло удивительное событие в Беловежской пуще. 27 сентября 1942 года в лес, расположенный недалеко от деревни Рожковки Каменецкого района Брестской области, спустились советские парашютисты. Об этом узнали немцы и начали прочесывать лес. В перестрелке погибли два немецких солдата, а парашютисты ушли.

Обозленные фашисты решили взять в заложники деревню – за одного немецкого солдата расстрелять 100 мирных жителей.

В ночь с 27 на 28 сентября фашистские солдаты окружили деревню и никого не выпускали. Они дали команду в течение двух часов всем жителям собраться с повозками и вещами в конце деревни. Было назначено 16 человек для копки ямы размером 2 метра на 20 метров и глубиной два метра. Молодежь старше 16 лет отобрали для угона в Германию. Всех оставшихся жителей деревни построили в колонну и погнали к яме.

Немцы поставили людей по краю ямы, а во-

круг поставили пулеметы. Люди попадали на колени и стали плакать и молиться.

В это время над деревней появился немецкий самолет, который вскоре сел неподалеку от ямы. Офицеры, руководившие расправой, подбежали к нему. Из самолета вышел офицер высокого звания. Он сказал, что сейчас снова должен лететь и если через два часа не вернется, следует расстрелять всех заложников.

Точно через два часа самолет вернулся и сделал посадку на том же месте. Из самолета вышел тот же офицер. Людям сказали, что они должны были быть расстреляны, а деревня сожжена, но благодаря прилетевшему офицеру все будут освобождены; дети, скот и все имущество, что было отнято, будет возвращено. Яму было приказано не засыпать в течение года. Если за это время что-нибудь случится, все будут расстреляны. После этого всех отпустили по домам.

Через две недели в деревню приехал офицер, прилетавший на самолете, и привез икону Божией Матери с Младенцем на руках, вырезанную из дерева. Церковь у нас в то время была еще не полностью восстановлена, но службы уже совершались. Офицер сказал: «Когда самолет летел над полем, явилась Дева и показала рукой вниз. Храните эту икону – это ваша Спасительница!»

Наша деревня этот день – 28 сентября – празднует ежегодно. В церкви служится служба.

«Обратись, ты заблудилась»

С Наташей я работала на швейной фабрике с 1922 года. Она была не только неверующая, но и смеялась над верующими, хотя по характеру была добрая и помогала другим. С 1927 года мы с ней не встречались – ее перевели на другую фабрику. Вновь я с ней встретилась уже в 1947 году. Она ласково поздоровалась со мной и рассказала следующее:

– В 1942 году я работала на Калужской улице в ателье. Ездить было далеко, а время было тяжелое – военное. Всего хлебнула: и холода, и голода. Вот однажды ехала я на работу, вышла из метро в шесть часов утра. Была глубокая осень, начались заморозки. Улицы были темны и пустынны. Переходя площадь, я попала в большую лужу и упала в нее. Пробую встать – и не могу, поднимусь – и опять падаю, как будто кто-то толкает меня. Я выбилась из сил, заплакала и говорю: «Господи, если Ты есть, помоги мне». Вдруг вижу: с неба спускается как бы икона большого размера и останавливается передо мной. Это был образ Божией Матери «Знамение». А я стою на коленях посреди лужи и кричу: «Матерь Божия, помоги мне!»

Она обращается ко мне из образа и говорит: «Наталья, ты заблудилась, обратись к Сыну Моему».

С этими словами образ стал подниматься, и все время, пока он не скрылся из глаз моих, я слышала голос: «Обратись, ты заблудилась».

Тут ко мне подбежали люди, стали меня поднимать. Я спрашиваю: «Видели, какой образ опускался с неба?» Но никто, кроме меня, не видел.

На работу я пришла вся грязная, мокрая и с плачем просила меня отпустить, так как работать была не в состоянии. Меня отпустили. Я приехала домой и сейчас же отправилась в церковь Ново-Девичьего монастыря. Там нашла образ Божией Матери «Знамение», поставила перед ним свечку и долго рыдала, ничего не замечая.

Потом я исповедалась и причастилась.

«Счастливая ты, – сказал мне батюшка, – видно, добрая у тебя душа...»

Теперь я часто хожу в церковь и дочь, и внуков моих окрестила; часто хожу причащаться, и жизнь моя стала легкая и счастливая, и не знаю, как благодарить Бога за Его милости.

Скоропослушница

За городом жили две знакомые мне сестры – очень набожные женщины и усердные молитвенницы. Много чудесного было в их жизни.

Однажды во время войны они, променяв что-то на картошку, погрузили ее на саночки – дело было зимой – и повезли. Путь был далекий. Измученные и голодные, они выбились из сил. Взмолились они: «Пресвятая Богородица, помоги нам».

Стоят они на дороге без сил и видят, что подходит к ним благообразная Женщина и говорит: «Устали вы очень, дайте Я помогу вам довезти картошку». И взялась Она с ними вместе везти. И стало им так легко с Ней, и изумились они, глядя на Нее, и боялись спросить Ее, Кто Она такая. Только как подвезли картофель к дому – потеряли Ее из виду.

Поняли они тогда, что это была Сама Скоропослушница – Пресвятая Богородица.

Знамение в небе Сталинграда

В мировой истории есть события, которые навечно сохраняются в памяти человечества, составляют золотой фонд истории народов и государств. К их числу относится блистательная победа нашего народа в Сталинградской битве, которая по размаху, напряжению и последствиям превзошла все вооруженные столкновения прошлых времен. Именно Сталинградская битва стала переломной в ходе всей Второй мировой войны.

Исследователи анализировали главным образом соотношение техники, людских резервов, боевой подготовки и морального уровня как советских, так и гитлеровских войск. Однако за рамками научных монографий оставалось нечто, стоявшее за пределами человеческого познания, а потому тщательно сокрытое в секретных папках спецхранов государственных архивов.

Во время работы в Государственном архиве Российской Федерации мне попался по-своему уникальный документ: отчет уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по УССР тов. Ходченко тогдашнему председателю этого Совета Г. Г. Карпову. В нем штатный атеист, борец с религией доносил вышестоящему начальству о том, что напрямую расходилось с его собственными взглядами и убеждениями. А писал уполномоченный ни много ни мало о Чуде, свидетельницей которого была целая воинская часть, прибывшая на Украину со Сталинградского фронта...

После сокрушительного поражения под Москвой германское командование рассчитывало нанести главный удар на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда к Каспийскому морю и на север вдоль Волги. Поэтому оборона Ста-

линграда представлялась советскому руководству важнейшей стратегической задачей. В середине июля 1942 года в район города была направлена 64-я армия генерала Чуйкова, на которую легла основная тяжесть борьбы с противником, чьи силы насчитывали 26 дивизий.

В сентябре 1942 года фашисты готовились к последнему, «генеральному» штурму крепости на Волге. К этому времени в их руках уже находилась большая часть города. В течение месяца шли тяжелые уличные бои за каждый квартал, дом, за каждый метр приволжской земли. 11 ноября нацисты предприняли очередную попытку штурма города. Наши войска оказались рассеченными на три части. Но вот в самый критический момент битвы бойцы одной из частей прославленной армии увидели нечто такое, что заставило их содрогнуться: в ночном осеннем небе Сталинграда появилось Знамение, указывающее на спасение города, армии и на скорую победу советских войск.

К сожалению, в отчете уполномоченного не сказано, что именно увидели воины в Сталинградском небе. Можно только предполагать, что Сталинградское знамение и явление Казанской иконы Божией Матери в Сталинграде (чудотворная икона находилась среди наших войск на пра-

вом берегу Волги, и перед ней непрестанно служились молебны и панихиды) связаны между собой. Но как бы то ни было, Сталинградское знамение ясно указывало всем, что помощь Божия не оставит русский народ в самые критические моменты его истории. Дальнейшее развитие событий – окружение врага и контрнаступление советских войск – служило ярким подтверждением тому.

После всего случившегося легендарного командарма, впоследствии прославленного маршала Чуйкова, можно было увидеть в православных храмах. Герой Сталинградской битвы стоял в церкви, ставил свечи перед иконами... Наверняка вспоминались ему ночь перед битвой и дивный Лик Богородицы, показавшийся на просветленном осеннем небе!

Кто помогает русским?

В 1941 году Василия Григорьевича Казанина взяли на фронт. Воевал под Смоленском, участвовал в наступлении на Великие Луки. Неоднократно ходил в разведку, пять раз был ранен. Одна из пуль прошила его тело насквозь, в нескольких сантиметрах ниже сердца. Освобождал Кенигсберг. Немцы тогда засели в дотах. Снаряды, как мячики, отскакивали от каменных бастионов. Наши несли огромные потери.

Потом принесли Казанскую икону Божией Матери. Священники отслужили молебен и двинулись крестным ходом к передовой во весь рост. Со стороны немцев шла стрельба. Вдруг она прекратилась, противник как будто оцепенел. Наши войска начали общий штурм Кенигсберга. Выходя из своих убежищ, немцы тысячами сдавались в плен. Позднее они рассказывали, что у них отказало оружие, а в небе явилась Пречистая, и они поняли, Кто помогает русским...

После войны Василий Григорьевич по зову души поступил в Псково-Печерский монастырь и подвизался в монашеских трудах под именем схимонаха Иринарха.

Царица Небесная не оставит

Наступил страшный 1937 год. Отцу Сергию в то время исполнилось сорок четыре года. Детей у них с женой было четверо, ожидали появления пятого. Детей своих отец Сергий очень любил и когда говорил о них, лицо его светилось какой-то особенно нежной улыбкой. Как-то вечером он был у нас, и моя мама спросила его:

– Отец Сергий, как вы, имея такую большую семью, решились стать священником? А если

вас возьмут и сошлют, на кого вы оставите своих детей?

Отец Сергий вздрогнул, ясными глазами посмотрел на мою маму и ответил:

– На Царицу Небесную! Если я погибну, то за Ее Сына, – так неужели же вы можете допустить такую мысль, что Она оставит моих детей? Никогда. Спасет и защитит!

Через два месяца отца Сергия арестовали, и он погиб. А как же дети?

В 1956 году я встретила его дочь Таню и сына Алешу. Они мне рассказали, что их старший брат стал офицером и без единого ранения прошел всю войну. Сестра Вера блестяще закончила институт и получила ответственное место на одном из уральских заводов. Туда она увезла и мать. Сама Таня закончила Полиграфический институт и осталась жить в Москве, в семье своего бездетного дяди. Алеша с отличием закончил вуз.

Третий сын отца Сергия, родившийся сразу после его смерти, был назван в его честь Сергеем. По словам Алеши, это очень одаренный юноша, он перешел в десятый класс.

Дальнейшей судьбы детей отца Сергия я не знаю, так как больше никого из них не встречала, но твердо знаю, что они до самой своей смерти останутся под Покровом Царицы Небесной.

Небесная Воспитательница дочерей

Муж одной женщины был убит в Великую Отечественную войну, когда двум ее девочкам было пять и шесть лет. Вдове пришлось работать, а детей оставлять одних почти на целый день. Окружавшая их обстановка так портила их, что они стали воровать.

Но вдова была благочестива. Видя свое бессилие хорошо воспитать дочерей, она привела их в храм, поставила на колени перед чудотворной иконой Божией Матери и, упав сама на колени, обратилась к Божией Матери с горькими слезами и горячей просьбой:

– Божия Матерь, Ты видишь мое горе и мое бессилие воспитать дочерей в честности и вере. Я ничего не могу сделать с ними. Тебе поручаю их. Сделай с ними, что хочешь. Если хочешь, пусть умрут они, но если будут живы, то Сама воспитай их.

Я встретила их лет через пятнадцать. Все, кто их знал, хвалили их за трудолюбие, благонравие и благочестие. «И как сумела мать так воспитать их?» – постоянно слышала я о них от окружающих.

«Прошу так в первый раз...»

В результате тяжелых жизненных испытаний мое здоровье совершенно расшаталось. Я стал страдать хроническим расстройством желудка. Но особенно опасным было состояние полного нервного истощения. Я потерял способность читать или беседовать больше десяти минут. Появились сильнейшие головные боли. Доктора сказали мне, что положение мое серьезно и мне необходимо длительное лечение: полный покой и отдых в санаторных условиях. Ни того, ни другого я не имел возможности получить. Ужасало то состояние бездеятельности (в тридцать лет!), на которое я был обречен.

Я жил тогда в Муроме. В один из больших праздников, посвященных Пресвятой Богородице, я стоял на праздничной всенощной. В первый раз в жизни я обратился с горячей мольбой к Божией Матери: «Я могу перетерпеть постоянную болезнь желудка, если Господу угодно послать мне этот крест, но жить без труда, без чтения Священного Писания и духовных книг, без возможности общаться с людьми я не могу. Пресвятая Богородица, прошу Тебя, прошу так в первый раз – дай мне возможность работать, читать и общаться с людьми».

Когда я подошел к священнику, поцеловал праздничную икону Богородицы, получил помазание елеем и вкусил благословленного хлеба, то почувствовал: что-то особенное произошло во мне, мысли в голове стали совершенно ясными, как бы какая-то сила вселилась в меня. С того момента ни малейших следов болезни головы и нервов у меня не осталось. Болезнь желудка у меня осталась, но я терпеливо переношу ее, помня слова Господа из послания Апостола Павла: *Сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9).

Немая заговорила

В деревне жила благочестивая крестьянская семья – муж, жена и взрослая глухонемая дочь, которая могла лишь мычать. Была у них корова. Среди суровой морозной зимы корова должна была отелиться, а хлев был холодный. Боялись, как бы не замерз теленок, если корова отелится ночью. В один из вечеров муж хотел идти сторожить корову ночью, но жена его отговорила: «Погоди, еще рано сторожить».

Ночью они слышат с печи голос дочери: «Идите скорее в хлев!» Вскочили, побежали в хлев, не обратив внимания на то, что дочь заговорила.

В хлеву нашли только что родившегося теленка, принесли в хату и тут только подумали: почему заговорила дочь и кто ей сказал про теленка?

Дочь рассказала им, что ей явилась Сама Божия Матерь и велела разбудить их и послать в хлев. С тех пор немая стала говорить свободно.

«Божия Матерь пришла к нам!»

Снег, снег, снег... Он слепит глаза, а я во всю мочь бегу по улице поселка. Мне шестнадцать лет, я секретарь школьной комсомольской ячейки. Сегодня наш кружок самодеятельности ставит спектакль в заводском клубе и я играю главную роль. Выучила ее назубок, а вот костюм не готов и приходится торопиться.

Дома никого нет, отец в командировке, мама, верно, ушла к бабушке.

Открываю сундук и вытаскиваю необъятной ширины театральную юбку. К ней надо пришить оборку и позумент. Эх! Хотя бы Катя пришла помочь! Из всех подруг Катя – самая любимая; она – дочь священника, а вот я в Бога никогда не верила, да и как можно верить, если религия – дурман? Катя тоже участвует в самодеятельности, только ей не везет: она хочет играть главные роли, а достаются ей самые незначительные. Но

она вышла из положения: выучивает то, что нравится, и разыгрывает для себя. Над ней посмеиваются, а Кате хоть бы что! Ну, надо быстрей шить, а то за мной скоро девочки с ребятами зайдут, чтобы вместе идти в клуб. Что это у меня голова начала болеть так сильно и в жар бросает?.. Какая бесконечная оборка, а голова до того болит, что пальцы не слушаются.

Нет, не могу больше шить, лягу, а то мне все хуже и хуже...

За дверью слышны голоса, топот ног, и в комнату вваливается шумная ватага участников спектакля. Увидев меня лежащей, они бестолково суетятся возле кровати. Но вот кто-то ставит мне градусник, кто-то стаскивает с моих ног валенки, которые я не могла снять, и накрывает меня одеялом.

– Василь, – слышу голос Кима, – беги за врачом. Майя, разыщи Люсину маму. Катя, вытащи градусник. Сколько? 41! Ой-ой-ой!

Пришла мама. Мне так плохо, что я ничего не могу ей сказать. Ким сует мне в рот таблетку:

– Проглоти, сестра из поликлиники прислала, а врач уже ушел: сегодня ведь суббота.

Я с отвращением выплевываю горькое лекарство и плачу от боли, от тяжести во всем теле и от какой-то гнетущей тоски.

Все уходят в клуб. Катя задерживается и говорит маме:

– Надежда Андреевна, я после спектакля прибегу к вам и буду ночевать с Люсей, так что вы можете спокойно идти в ночную смену.

Да, Кате придется сегодня играть и свою, и мою роль.

В ушах страшный звон... Как мне плохо! Я, верно, умираю... Мама кладет мне на лоб мокрое полотенце, но я его сбрасываю и мечусь по кровати.

Простыни жгут тело, подушка тоже раскаленная. Хотя бы немного прохлады!..

А откуда это такой свет появился в комнате? Яркий и вместе с тем мягкий, нежный. Что это? В самом центре света – Казанский образ Божией Матери. Я его хорошо знаю, такой висит у бабушки. Только это не изображение, а Святая Дева живая, и волны радости идут от Нее ко мне.

– Мама, – неожиданно громко говорю я, – Божия Матерь пришла к нам.

Мама подходит ко мне и плачет:

– Деточка, это тебе перед смертью кажется – ты умираешь.

А сияние все торжественней, все ярче, и в его свете справа от Божией Матери я вижу Лик Христа. Он как бы написан на полотенце, мне даже

золотые кисти видны на краю полотенца. И вместе с тем я чувствую, что Лик живой и смотрит на меня кроткими, необыкновенными глазами.

– Мама, Сам Бог здесь, – шепчу я, и откуда-то издалека слышу ее плач и причитания.

Мощная радость охватывает все мое существо. Я теряю представление о времени, о том, где я. Мне хочется только одного: чтобы это никогда не кончалось. Два Лика в неземном сиянии и я... И больше ничего не надо...

Но свет погас так же внезапно, как появился. Лежу долго и не шевелюсь.

Что-то новое вошло в меня, я – как наполненная до краев чаша...

Прижимаю руки к груди и встаю. Но как же так, ведь я была очень больна, умирала, а сейчас совершенно здорова? Мама испуганно подходит ко мне:

– Люсенька, что с тобой? Ляг, родная.

– Нет, мамочка, у меня все прошло, потрогай: руки холодные и голова, и ничего не болит. Дай, я помогу тебе собрать вещи и скорей иди на завод, а то опоздаешь. Не беспокойся, я совершенно здорова.

Мама уходит, а я жду Катю. Только ей одной я могу рассказать о том, что произошло со мной, больше никому. Ах, скорей бы она пришла!

Скрип снега под окном, топот быстрых Катиных ног – и вот она сама на пороге. На платке и шубе – снежинки, лицо в гриме, а глаза тревожно смотрят на меня.

– Катя, Катя, ты знаешь, что случилось? – кричу я. – Ты только послушай!

Мы проговорили всю ночь, а рано утром Катя повела меня к своему отцу. Первый раз в жизни я исповедалась и причастилась...

Так началась моя новая жизнь.

Тихвинская икона Божией Матери

В молодости я был атеистом, родители – верующие. Незадолго до смерти отца я видел сон, будто бы стою я на коленях перед иконой Божией Матери и молюсь.

Вызванный телеграммой к умирающему отцу, я не застал его уже в живых. Мать сообщила мне о последних днях жизни моего отца. Он сокрушался, что его сын Костя живет без Бога... Но за несколько часов до смерти он, радостный, говорит: «Ну, теперь я умираю спокойно, я видел во сне, что мы с Костей вместе перед иконой Божией Матери молились на коленях. Значит, сын придет к вере в Господа». Услышав это, я рассказал матери о своем сне и с того вре-

мени с помощью Царицы Небесной стал верующим. Но это еще не все. Через несколько месяцев мне пришлось быть в Параклите (это мужской монастырь в семи километрах от Троице-Сергиевой Лавры). Когда я вошел в храм, то с правой стороны у колонны увидел образ Божией Матери, который я видел во сне. Я опустился перед Царицей Небесной на колени и долго плакал перед Ней. Это была Тихвинская икона Божией Матери.

«Ничего не буду у Нее просить...»

У меня начиналось серьезное заболевание горла, которое, судя по предыдущим случаям, должно было дней на десять сделать меня нетрудоспособной и пройти полностью не раньше, чем через месяц.

Наступил праздник Рождества Богородицы. Я стояла за всенощной в храме в Сокольниках, где находится Иверская икона Божией Матери (Хозяйки Москвы, как Ее называют). Я тогда как-то особенно переживала этот праздник и думала: «Если мы так торжественно справляем дни рождения своих близких, то каково же значение для нас Дня Рождения Девы Марии – Матери Самого Господа, Сына Божиего, Спасителя и Искупителя человеческого рода?!». У меня было жела-

ние преклониться перед Богородицей, величать Ее со всей Церковью и просить принять лишь безмолвное почитание Ее как образа Несравнимой ни с кем из людей Святой Красоты и Духовного Величия. И хотя я чувствовала себя уже серьезно заболевшей, решила, что в этот день не буду ничего просить у Нее.

После прикладывания к иконе, елеепомазания и вкушения благословенного хлеба я вдруг почувствовала, что горло перестало болеть.

Вначале я не поверила своему исцелению и чутко прислушивалась к своему состоянию. Но и в тот вечер, и на другой день, и позже я уже не замечала никаких признаков болезни.

Чудо на тропинке

Одна моя молоденькая приятельница рассказала о себе такой случай. Училась она и работала в Москве, а жила за городом, где-то около Немчиновки. Домой возвращалась поздно, а возвращаться приходилось пустынной дорогой и в одном месте надо было идти лесом. Самое страшное было то, что там пошаливали – раздевали, грабили и даже насиловали.

Девушка очень чтила Царицу Небесную и особенно любила Ее образ «Нечаянная радость».

Во всех своих бедах она молилась перед этой иконой.

Как-то зимой приехала она поздно. Идет одна, вошла в лес и спешит по узенькой тропинке, протоптанной в глубоком снегу. Вдруг видит: навстречу ей идет мужчина. Ночь была лунная, было видно, что он смеется и протягивает руки, чтобы схватить ее. Ужас на нее напал непередаваемый и омерзение.

– Царица Небесная, Нечаянная Радость, спаси, – прошептала она, и такое сразу спокойствие овладело ей, что от страха и следа не осталось.

А мужчина подходит ближе и с удивлением смотрит, но не на девушку, а на Того, Кто сзади ее. И вдруг сворачивает прямо в снег и очень быстро уходит.

Девушка не смела оглянуться, но она почувствовала за своей спиной Спутника, а подойдя к концу леса, все-таки оглянулась – никого не было, только уж очень далеко темнела фигура уходящего человека, который хотел на нее напасть.

Заступница усердная

оя бабушка была верующей. И я, будучи девочкой, наблюдала, как она молится, стоя перед иконами. Молилась

она всегда беззвучно, какие молитвы читала – так и не знаю, да в то время особенно и не интересовалась этим (это были шестидесятые годы). Когда бабушка умерла, иконы куда-то подевались.

Прошло лет десять. Приехал ко мне брат из Москвы и стал что-то делать в сарае. Когда мама зашла туда, он держал в руках икону, стирая с нее пыль. Он сказал, что эта икона могла бы стоить больших денег. Мама сказала, чтобы брат образ положил на место, потому что продавать такие иконы за деньги – большой грех. Он послушался.

Прошло еще лет пять. Я заболела. Мне пришла мысль о том, что надо бы повесить иконы. Я нашла в сарае ту икону – это была Казанская икона Пресвятой Богородицы – и еще одну – Спасителя. Обе иконы я поставила у себя дома и молилась, прося помощи в болезни. Болезнь отступила.

Прошло некоторое время. Один знакомый обратил внимание на мою икону и предложил отвезти ее в Москву и продать. Я отдала. Он уехал, а через две недели вернулся и вернул икону. Я не узнала свою икону. Написана икона на дереве, и была темно-коричневой. Теперь же я видела просто светло-желтую досочку, на которой еле-еле

проступали какие-то контуры. Мой знакомый сказал, что икона ничего не стоит. Но я почему-то в душе даже немного обрадовалась, хотя веры особенной у меня в это время не было и приходила я к Богу с молитвой только тогда, когда заболевала, а потом забывала обо всем.

Прошло еще три года. Того человека, который возил икону, посадили в тюрьму, а я снова – и на этот раз очень сильно – заболела. Наступило 3 ноября. Я снова очень плохо себя чувствовала, а в ночь на 4 ноября в половине третьего мне стало совсем плохо. И слышу голос: «Поднимай детей, ты умираешь!» Все во мне задрожало, я перестала чувствовать свое тело. У меня два сына. Старшему в это время было четырнадцать лет, младшему – восемь. В общем, я не знала, что делать. Ма̀ма побежала вызывать «скорую». Приехала женщина-врач, сделала внутримышечный укол и уехала. Лекарство не подействовало, и мне становилось все хуже. Тогда почему-то (теперь-то я понимаю почему) пришла в голову мысль. Я сказала старшему сыну, чтобы он взял свечи и зажег их перед Казанской иконой Пресвятой Богородицы, перед той многострадальной иконой, за которую все очень хотели взять деньги. Сказала детям, чтобы на коленях просили у Божией Матери моего помилования. Они со слезами умоляли Пресвятую

Богородицу. Я почувствовала, что мое тело становится мягким и отрывается от пола, хотя я в это время стояла. Крикнула: «Дети, держите меня!» Они вцепились в меня и еще больше стали просить Божию Матерь.

Мама моя опять побежала вызывать «скорую». На этот раз я почему-то знала, что должен приехать мужчина. Когда он вошел, я уже знала, что все произошло оттого, что я хотела продать нашу Заступницу, нашу Матерь за деньги. Времени было без пяти минут пять – утро. И тут в душе совершилось истинное покаяние и пошла молитва – как бы внутренний голос говорил, он сказал мне, что через две минуты будет лучше. Я поняла, что по моим молитвам и раскаянию, а больше – по молитвам моих детей я прощена. Врач сделал мне внутривенный укол и уехал, сам не понимая, что со мной, даже спросил маму, не лечусь ли я у психиатра. А я стала потихонечку оживать. Молясь перед Казанской иконой Пресвятой Богородицы, я стала замечать, что образ принимает новые очертания. А через месяц икона приняла свой прежний вид, и образ Спасителя Младенца – просто дивный.

Прошло три года. Много за это время изменилось в моей жизни. Господь дал мне опытного духовного наставника. Совсем недавно (так же, как тогда, под 4 ноября) под праздник Казан-

ской иконы Божией Матери икона позвала меня в дорогу. Аккуратно завернув икону, я повезла ее в храм. Там она теперь и находится. Я поняла, что нельзя держать такую святыню дома – пусть люди молятся и знают, как щедр Господь и многомилостив к нам, грешным.

«Пресвятая Богородица, спаси меня!»

Рассказала об этом молодая девушка, продавщица из книжного магазина. Она изредка бывала в церкви, немножко умела молиться. Как-то вечером легла она спать. В комнате она была одна. И вот слышит: за дверью ее комнаты шаги, да какие-то странные – шлепающие. Она насторожилась. Слышит, скрипнула дверь. А ее как сковало. У нее даже не было сил повернуться посмотреть, а шаги все ближе к ее кровати. Потом что-то грузное, черное, липкое навалилось на нее сзади и стало душить. Она стала задыхаться и поняла, что сейчас погибнет. И тут она вспомнила молитву и стала молиться Матери Божией: «Пресвятая Богородица, спаси меня». Шептала молитву все чаще и чаще. И вот как будто фыркнуло то, что ее душило, с такой ненавистью, злобой, поднялось и стало удаляться. Ушло за дверь, и шаги стихли...

«Матушка, мне еще больно»

У меня есть моя младшая сестра, 1949 года рождения. Она родилась с врожденным пороком сердца, и ее постоянно преследовали болезни. Тем не менее она вышла замуж, родился сын. С возрастом у нее стало чаще болеть сердце. У нее оказался перекрыт сердечный клапан, и живет она за счет расширенной аорты. Все чаще ее стали преследовать головные боли. Таблетки пила каждый час. Ей посоветовали лечь на обследование. Компьютерное обследование показало, что у нее опухоль мозга: на мозжечке и на трех шейных позвонках. Профессор в Москве сказал, что они такие операции не делают. Был понедельник, а к четвергу врачи готовили документы на выписку. И еще сказали ей, что жить ей осталось три месяца.

Как раз в это время я встретила одну матушку. Она мне посоветовала с могилки блаженной Матроны взять песочек и сказала: «Будете молиться Господу, Матушке Богородице, блаженной Матроне, и должно пройти». Я сделала, что нужно было.

Сильно верующими мы не были, сестра церковным человеком не была, но согласилась пить освященную водичку и молиться.

И мы с сестрами стали усердно молиться Господу Богу Иисусу Христу, Божией Ма́тери (перед

Казанской Ее иконой) и Святителю Николаю. Читали акафисты, молитвы. Через три дня профессор ей говорит: «Мы посоветовались и решили операцию вам все-таки сделать». Операцию назначили через неделю. Мы еще усерднее стали молиться. Операцию откладывали три раза и сделали ее только через месяц. Она продолжалась шесть с половиной часов, под местным наркозом: врачи опасались за сердце. Сестра все ощущала, все слышала. Когда ее из операционной повезли, она еще и улыбалась. Профессор говорил, что это была уникальная операция.

Мы с сестрой стали ухаживать за ней по суткам. Прошло четыре недели после операции. Швы ей не снимали, лежала она на одном боку. Лекарств принимала очень много...

Через каждые два часа ей делали уколы, она все терпела и только говорила: «Я все вытерплю, только бы мне остаться живой». Мы старались каждую свободную минутку читать около нее молитвы.

Однажды во время моего дежурства в два часа ночи она заплакала и говорит: «У меня печень болит, такая боль, что не могу терпеть». Я – к медсестре, а она говорит: «Не могу делать укол: только полчаса прошло». Я стала читать Акафист Богородице, Казанской Ее иконе, а сестре

сказала: «Читай «Богородице, Дево» сколько можешь. Читай, проси Заступницу. Пусть Она маленечко тебе поможет!»

Она про себя стала читать эту молитву. И вдруг говорит: «Матушка, милая, мне еще больно». Потом открывает глаза и говорит: «Ты веришь, что я в своем сознании?» Я говорю: «Конечно, верю». Она говорит: «Я сейчас буду спать, а завтра утром что-то очень важное тебе расскажу».

Через некоторое время пришла медсестра и удивилась: «Что ты ей дала?» Я говорю: «Ничего». А медсестры, конечно, знали, что мы молимся, да и иконки стояли над кроватью у стены.

Утром в шесть часов она проснулась, улыбнулась и сказала: «Ты веришь, Божия Матерь ко мне приходила. Когда я молилась, я не увидела, но ясно ощутила, что подошла ко мне Женщина Небесной Красоты и Свою ручку положила мне на бок, нажала и повела вниз. Боль пошла за Ее ручкой, но еще не полностью ушла. Тогда я и сказала: «Матушка, мне еще больно», для того, чтобы ты поняла, что я в сознании и это правда. Она еще раз нажала и повела вниз ручкой – и боль прекратилась. Потом Она мне сказала: «Спи». И я уснула. Сон у меня был как у здорового человека».

СВЯТЫЕ УГОДНИКИ БОЖИИ ПРИХОДЯТ НА ПОМОЩЬ

Святитель Николай

«Вместо тебя Святитель Николай стоит»

То были тяжелые годы гражданской войны. В. П. – тогда молодая девушка – стояла в саду у своего дома, и в нее целился из ружья мужик (тогда по всей России крестьяне расправлялись с помещиками). Девушка с трепетом прижала руки к груди и с великой верой и надеждой горячо твердила:

– Батюшка, Святитель Христов Николай, помоги, защити.

И что же? Крестьянин бросает ружье в сторону и говорит:

– Сейчас же уходи куда хочешь и на глаза не попадайся.

Девушка забежала домой, взяла кое-что, побежала на станцию и уехала в Москву. Там родные устроили ее на работу.

Прошло несколько лет.

Однажды – звонок в дверь. Соседи открывают – стоит худой, оборванный деревенский мужик, весь трясется. Спрашивает, здесь ли живет В. П. Ему отвечают, что здесь. Приглашают войти. Пошли за ней.

Когда она вышла, этот человек повалился ей в ноги и с плачем стал просить прощения. Она растерялась, не знала, что делать, стала его поднимать, говоря, что не знает его.

– Матушка В. П., ты меня не узнаешь? Я тот самый, который хотел тебя убить. Поднял ружье, прицелился и только хотел выстрелить – вижу, что вместо тебя стоит Святитель Николай. В него я не мог стрелять.

И опять повалился ей в ноги.

– Вот сколько времени я болел и решил тебя отыскать. Пешком пришел из деревни.

Она ввела его к себе в комнату, успокоила, сказала, что все простила. Накормила его, переодела во все чистое.

Он сказал, что теперь спокойно умрет.

Он сразу ослаб и слег. Она позвала священника. Крестьянин исповедался и причастился. Через несколько дней он мирно отошел ко Господу.

Как же она над ним плакала...

«Скорый на помощь»

нашей семье долго жила домработница – благочестивая женщина. Работа ее была оформлена договором, и мы платили за нее страховые взносы.

Когда женщина состарилась, она уехала жить к своим родным. Когда же вышел новый закон о пенсиях, старушка приехала к нам, чтобы взять у нас документы, необходимые для получения пенсии.

Я тщательно берегла эти документы, но когда стала их искать, то никак не могла найти. Три дня искала, перерыла все ящики, все шкафы – и нигде не могла найти.

Когда же снова пришла старушка, я с горечью рассказала ей о моей неудаче. Сильно огорчилась старушка, но сказала со смирением: «Давайте помолимся Святителю Николаю, чтобы он помог нам, а уж если и тогда не найдете, то, видно, надо мне примириться и забыть о пенсии».

Вечером я усердно помолилась Святителю Николаю, и в тот же вечер под столом у стены заметила какой-то бумажный сверток. Это были те самые документы, которые я искала.

Оказывается, документы завалились за ящик письменного стола и вывалились оттуда лишь после того, как мы горячо помолились Святителю Николаю.

Все обошлось благополучно, и старушка стала получать пенсию.

Так услышал нашу молитву и помог в беде скорый на помощь Святитель Николай.

«Куда идешь, девушка?»

Моя знакомая, Елена, сейчас уже старушка, пенсионерка. Вот какой случай был с ней в дни ее молодости, когда она в составе геологической экспедиции обследовала Соловецкие острова. Дело было поздней осенью, и море начало покрываться льдинами. Надеясь на то, что она еще сможет вернуться к своей базе, Е. поехала одна на один из островов для завершения работы, думая вернуться к вечеру.

Возвращаясь вечером, увидела, что льда в море так много, что на лодке не переправиться. Ночью ветер и льдины унесли ее лодочку и на следующий день прибили ее к какому-то незнакомому берегу. Е. была с детства верующая и все время молилась Святителю Николаю о спасении. Она решила идти вдоль берега, надеясь встретить хоть какое-то жилье.

Встретился ей старичок и спросил ее:

– Куда ты идешь, девушка?

– Иду вдоль берега, чтобы найти жилище.

– Вдоль берега не ходи, родная, ты на сотни верст тут никого не найдешь. А видишь вон там горку, пойди, взберись на нее и тогда увидишь, куда тебе дальше идти.

Посмотрела Е. на горку, а затем обернулась к старичку, а его уже перед ней не было. Е. поняла, что сам Святитель Николай указал ей путь, и пошла к горке. С нее она заметила вдалеке дымок и пошла на него. Там нашла хижину рыбака.

Удивился рыбак ее появлению в этом совершенно безлюдном месте, подтвердил, что действительно на сотни километров по берегу она не нашла бы жилища и наверняка погибла от холода и голода. Так спас Святитель Николай неосторожную, но благочестивую девушку.

«Скорый Помощник в беде сущим»

Я знала одну благочестивую семью рабочего, состоящую из мужа, жены и семерых детей. Жили они под Москвой. Дело было в начале Великой Отечественной войны, когда хлеб выдавался по карточкам и в очень ограниченном количестве. При этом месячные карточки при утрате не возобновлялись.

За хлебом в этой семье ходил в магазин старший из детей, Коля, тринадцати лет. Зимой, в день Святителя Николая, встал он пораньше и

пошел за хлебом, которого хватало лишь для первых покупателей.

Пришел он первым и стал ждать у дверей магазина. Видит – идут четыре парня. Заметив Колю, они направились прямо к нему. Как молния, пронеслась в голове мысль: «Сейчас отнимут хлебные карточки». А это обрекало на голодную смерть всю семью. В ужасе он мысленно возопил: «Святитель Николай, спаси меня».

Вдруг появился рядом старичок, который подошел к нему и говорит: «Пойдем со мной». Берет Колю за руку и на глазах у ошеломленных и оцепеневших от удивления парней уводит его к дому. Около дома он исчез.

Святитель Николай остается все тем же «скорым помощником в беде сущим».

«Что ты спишь?»

Вот что рассказал одному священнику участник Великой Отечественной войны по имени Николай.

– Мне удалось бежать из немецкого плена. Я пробирался через оккупированную Украину по ночам, а днем где-нибудь прятался. Однажды, пробродив ночь, я заснул под утро во ржи. Вдруг кто-то будит меня. Вижу перед собой старичка в священническом одеянии. Старичок говорит:

– Что ты спишь? Сейчас придут сюда немцы.

Я испугался и спрашиваю:

– Куда же мне бежать?

Священник говорит:

– Вот видишь там кустарник, беги скорее туда.

Я повернулся, чтобы бежать, но тут же спохватился, что не поблагодарил своего спасителя, обернулся... а его уже нет. Понял я, что сам Святитель Николай – мой святой – был моим спасителем.

Изо всех сил я бросился бежать к кустарнику. Перед кустарником, вижу, река течет, но не широкая. Бросился я в воду, выбрался на другой берег и спрятался в кустах. Гляжу из кустов – идут по ржи немцы с собакой. Собака ведет их прямо к тому месту, где я спал. Покружилась она там и повела немцев к реке. Тут я потихоньку по кустам стал уходить все дальше и дальше.

Река скрыла мой след от собаки, и я благополучно избежал погони.

«И ты на это смотришь?»

Моя бабушка рассказывала мне, как Святитель Николай спас нашу семью в военной Москве 1943 года.

Оставшись одна с тремя распухшими от голода детьми, не имея возможности приобрести продовольствие даже по карточкам, она увидела на кухне потемневший от времени образ Святителя Николая. В отчаянии она обратилась к нему: «И ты на это смотришь?»

После этого она выбежала на лестницу, решив больше не возвращаться домой. Не успела она добежать до парадной двери, как увидела на полу две десятирублевые ассигнации. Лежали они крест-накрест. Эти деньги спасли тогда жизнь трех ее малюток, одной из которых была моя мама.

«Святитель Николай, помоги, родненький!»

Мария Петровна поверила в Бога, а особенно в помощь Святителя Николая, после одного случая.

Она собралась к двоюродной сестре в деревню. Раньше у нее не бывала, но в июле дочка с зятем уехали в Крым, оба внука ушли в туристический поход, и, оставшись в квартире одна, Мария Петровна сразу заскучала и решила: «Поеду к своим в деревню». Накупила гостинцев и послала телеграмму, чтобы завтра ее встречали на станции Лужки.

Приехала в Лужки, огляделась, а встречать никто не вышел. Что тут делать?

– Сдай, милаша, свои узелки к нам в камеру хранения, – посоветовала Марии Петровне станционная сторожиха, – а сама иди пряменько вот этой дорогой километров восемь, а то и десять, пока не повстречается тебе березовая роща, а возле нее на бугорочке, отдельно от всех, две сосны. Сворачивай прямо на них и увидишь тропочку, а за ней – гать. Перейдешь гать и снова на тропку выходи; она в лесок приведет. Чуток пройдешь меж берез и прямо на ту деревню, что тебе нужна, и выйдешь.

– А волки у вас есть? – опасливо спросила Мария Петровна.

– Есть, дорогуша, не утаю, есть. Да пока светло, они не тронут, а под вечер, конечно, пошалить могут. Ну, авось проскочишь!

Пошла Мария Петровна. Она была деревенская, но за двадцать лет жизни в городе отвыкла много ходить и быстро устала.

Шла она, шла, не то, что десять, а все пятнадцать километров прошла, а ни двух сосен, ни березовой рощи не видно.

Солнышко за лес закатилось, холодком потянуло. «Хоть бы живой человек повстречался», – думает Мария Петровна. Никого! Жутко стало:

а ну как волк выскочит?.. Может, две сосны она уже давно прошла, а может, они еще далеко...

Совсем стемнело... Что делать? Возвращаться? Так до станции только к рассвету доберешься. Вот беда-то!

– Святитель Николай, погляди, что со мной стряслось, помоги, родненький, ведь меня волки на дороге загрызут, – взмолилась Мария Петровна и от страха заплакала. А кругом тишина, ни души, только звездочки на нее с темнеющего неба смотрят... Вдруг где-то сбоку громко застучали колеса.

– Батюшки, да ведь это через гать кто-то едет, – сообразила Мария Петровна и бросилась на стук. Бежит и видит, что справа две сосны стоят – и от них тропочка. Проглядела! А вот и гать. Счастье какое!

А по гати стучит колесами небольшая таратайка, запряженная в одну лошадь. В таратайке старичок сидит, только спина видна и голова – как одуванчик беленький, а вокруг нее – сияние...

– Святитель Николай, да ведь это ты сам! – закричала Мария Петровна и, не разбирая дороги, бросилась догонять таратайку, а она уже в лесок въехала.

Бежит Мария Петровна что есть мочи и только одно кричит:

– Подожди!..

А таратайки уже и не видно. Выскочила Мария Петровна из лесочка – перед ней избы, у крайней старики на бревнах сидят, курят. Она к ним:

– Проезжал сейчас мимо вас дедушка седенький на таратайке?

– Нет, милая, никто не ехал, а мы тут, поди, уже час как сидим.

У Марии Петровны ноги подкосились – села на землю и молчит, только сердце в груди колотится и слезы подступают. Посидела, спросила, где сестрина изба стоит, и тихо пошла к ней.

Спасение матери и младенца

Вдоль всего села, где жила моя бабушка, протекает река Велетьма. Сейчас река стала мелкой и узкой, самые глубокие места детям по колено, а раньше Велетьма была глубокой, полноводной. И берега реки были топкие, болотистые. И надо же было такому случиться – соскользнул с бревна в это болото на глазах матери ее трехлетний сынишка Ванечка и сразу пошел ко дну. Бросилась к нему Елизавета, прыгнула в болото, схватила сына. А сама

плавать не умеет. Опомнилась, да поздно. И стали они оба тонуть.

Взмолилась она к Николаю Чудотворцу, прося о спасении душ грешных. И произошло чудо.

Словно волна, большой сильный поток приподнял мать с младенцем над болотом и опустил их на сухое поваленное дерево, перегородившее топкое место, словно мост. Мой дядя Ваня жив до сих пор, ему сейчас за семьдесят.

«Теперь мне нужно помочь!»

Когда восстанавливался Никольский храм в Зеленограде, пришла на восстановительные работы старушка лет семидесяти и говорит, что пришла помогать. Там удивились: «Куда тебе помогать?» Она говорит: «Нет, поставьте меня на какую-нибудь физическую работу».

Они посмеялись, а потом смотрят: она и правда начала что-то таскать, старается встать на самые тяжелые места. Спросили, что побудило ее к этому.

Она рассказала, что на днях вдруг заходит старичок в ее комнату и говорит: «Слушай, ты сколько просила меня о помощи, а теперь мне нужно помочь, я нуждаюсь в помощи»... Она удивилась. Потом вспомнила, что дверь-то у

нее в комнате была закрыта. По образу она узнала Святителя Николая и поняла, что это он к ней приходил и позвал ее помогать. Она знала, что восстанавливается Никольский храм, и вот пришла...

«Сошел с иконы, как по лесенке»

У нашей подруги Аллы прабабушка была очень верующим человеком. У нее было много больших старинных книг, икон. Однако дочь ее выросла после революции неверующим человеком.

Когда ей было пятьдесят с лишним лет, у нее случилась прободная язва желудка. Состояние было тяжелое, она могла умереть.

Сделали операцию и вскоре выписали из больницы. Врачи ее предупредили, что если она есть не будет, то умрет. Тем не менее она ничего не ела: не могла и не хотела. И потихонечку слабела и слабела.

В углу, где была ее постель, находился святой уголок. И там – икона Святителя Николая.

Однажды она вдруг видит, как с иконы сходит, как бы по лесенке, сам Святитель Николай, но такого же малого роста, как он изображен на иконе. Приблизившись к ней, он стал ее утешать и уговаривать: «Дорогая моя, кушать надо, а то

ведь погибнуть можно». Потом он взошел к божнице и встал на свое место в иконе.

В тот же день она попросила есть и после этого начала поправляться.

Прожила она до восьмидесяти семи лет и ушла на тот свет истинной христианкой.

«Ты не ангел ли Божий?»

Прихожанка нашего храма Екатерина рассказала случай, который с ней произошел в 1991 году. Она из города Солнечногорска. Однажды зимой она прогуливалась по берегу озера Сенеж и решила отдохнуть. Присела на скамейку полюбоваться озером. На этой же скамеечке сидела бабушка, и у них завязался разговор. Разговорились о жизни. Бабушка рассказала, что сын ее не любит, сноха очень обижает, «прохода» ей не дают.

Екатерина – женщина благочестивая, православная, и, естественно, разговор зашел о помощи Божией, о вере, о Православии, о жизни по Закону Божиему. Екатерина сказала, что к Богу надо обратиться и у Него искать помощи, поддержки. Бабушка ответила, что никогда в церковь не ходила и молитв не знает. А Екатерина утром, сама не зная зачем, положила Молитво-

слов в сумку. Она вспомнила об этом, достала Молитвослов из сумки и подарила бабушке. Старушка на нее удивленно посмотрела: «Ой, а ты, милочка, не исчезнешь сейчас?» «Что с вами?» – спросила Екатерина. «Да ты не Ангел ли Божий?» – испугалась старушка и рассказала, что с ней произошло неделю назад.

В доме создалась такая обстановка, что она почувствовала себя совершенно лишней и решила покончить жизнь самоубийством. Пришла к озеру и присела на скамейку, перед тем как броситься в прорубь. Подсел к ней старичок очень благообразного вида, седой, с вьющимися волосами, с очень добрым лицом, и спрашивает: «Куда это ты собралась? Топиться? Ты не знаешь, насколько там страшно, куда ты собралась! Там в тысячу раз страшнее, чем твоя жизнь сейчас». Помолчал немного и снова спросил: «А почему ты в храм не ходишь, почему не молишься Богу?» Она ответила, что никогда в храм не ходила и молиться ее никто не учил. Старичок спрашивает: «А грехи у тебя есть?» Она отвечает: «Какие у меня грехи? Грехов у меня особых нет». И старичок начал напоминать ей ее грехи, недобрые дела, называл даже те, о которых она забыла, о которых никто не мог знать, кроме нее. Она только и могла, что удивляться и ужа-

саться. Наконец спросила: «Ну как же я буду молиться, если молитв никаких не знаю?» Старичок ответил: «Приходи сюда через неделю, и будут тебе молитвы. Ходи в церковь и молись». Старушка спросила: «А как вас зовут?», а он ответил: «У вас меня зовут Николаем». В этот момент она отвернулась зачем-то, а когда обернулась – рядом никого не было.

Преподобный Серафим Саровский

Мина

– Батюшка! – сказал я, – нам всем давно хотелось знать, каким путем Господь привел вас к монашеству, но все как-то не решались спросить вас об этом.

Мы все знали, конечно, что отец Николай в прошлом был моряком, командиром одного из боевых кораблей Русского флота, перед ним открывалась блестящая будущность, он был лично известен Государю. Его родной дядя – Акимов – был председателем Государственного Совета. Какая-то неизвестная, но, по-видимому, чрезвы-

чайно серьезная причина заставила отца Николая изменить свою жизнь и стать иноком.

Естественно, это обстоятельство нас крайне интересовало.

Батюшка ответил не сразу.

– Хотя воспитывался я и в православной семье, но от Церкви и ее учения был далек. Светская жизнь с ее постоянными соблазнами и пустотой заглушала то немногое, что сохранилось с детских лет.

Во время первого кругосветного плавания у меня было множество новых встреч. Тогда же я познакомился с так называемыми эзотерическими тайными учениями Востока. Не буду говорить, как и где это случилось. Скажу только, что с этого времени жизнь моя пошла совсем по другому руслу. На моем пути начали появляться те, кому я безраздельно верил как носителям высших знаний и чьи слова были для меня абсолютным законом. Словно оправдывалось одно из основных положений эзотеризма: «Когда ученик готов, учитель всегда найдется».

Я всей душой и искренне стремился быть проводником добра, которого, как казалось мне тогда, я был испытанным служителем. И Господь – так крепко верую я теперь, многогрешный, – видя мою искренность и не желая гибели

моей души, чудным образом спас меня. А случилось это так.

Как-то получаю неожиданно срочный вызов в Морское министерство. Разговор был короткий.

– На вас, – сказали мне там, – возложена чрезвычайно ответственная задача. Нам крайне необходимо доставить в один из дальневосточных портов груз мин. Груз совершенно секретный. Приняты все меры, чтобы заинтересованные державы, особенно же Англия, об этом не узнали. На этот раз вы будете командовать грузовым кораблем, груженным для маскировки лесом. О маршруте и тех портах, в которые вы только и имеете право заходить для погрузки угля, узнаете по выходе в море. Вы понимаете, конечно, какое доверие вам оказывается, и сделаете соответствующие выводы.

Через две недели все было готово к походу. Мои личные сборы были короткими.

Самое необходимое было уложено, и я только попросил свою няню упаковать книги, которые я отобрал для себя, главным образом по интересовавшим меня тогда вопросам.

Но вот мы и в море. Благополучно прошли Балтику и вышли на широкий простор океана. И вот здесь-то и началось...

На этом месте рассказа голос отца Николая дрогнул и в нем явно почувствовалось трудно сдерживаемое волнение, невольно передавшееся и нам.

– Океан, – продолжал свою речь батюшка, – встретил нас штормом, какие нечасто приходилось видеть и нам, морякам. Двое суток боролись мы со стихией, напрягая все силы в этой борьбе, но буря не ослабевала.

Измученный, спустился я к себе в каюту, чтобы согреться хотя бы стаканом горячего чаю. В каюте был большой беспорядок, так как из-за качки многие вещи, в том числе и книги, выпали на пол и хаотично перемещались по нему.

С трудом балансируя на ногах, я машинально поднял первую валявшуюся под ногами книгу, раскрыл ее – мне сразу бросились в глаза портрет какого-то старца в монашеском одеянии и заглавие книги: «Сказание о жизни и подвигах старца Саровской пустыни иеромонаха Серафима». Откуда и каким образом попала эта книга ко мне, я в эту минуту совершенно не думал. Вид согбенного старца как-то особенно привлек мое внимание. Мне никогда прежде не встречалось имя иеромонаха Серафима. Да и вообще о наших подвижниках я знал очень мало.

С трудом укрепившись на койке, я стал читать. Передо мной раскрылся новый и доселе совершенно неведомый для меня духовный мир.

Тихий свет и мир душевный, который так жадно искал я до сих пор и не находил, теперь невыразимой сладостью и неведомо как овеял мою душу.

Я кончил читать, еще раз взглянул на портрет старца и невольно прижался губами к его изображению. Впервые за много лет из моих глаз полились слезы...

Шторм как будто начал затихать. Я задремал, как вдруг кто-то осторожно стал меня будить. Это был мой помощник. Бледный и встревоженный, он прошептал: «У нас большая беда. Мина сорвалась с гнезда и катается по трюму».

Мы сбежали вниз. При каждом крене судна ясно слышался глухой удар о борт одной из мин, сорванной со своего гнезда ударами волн.

Взрыв мог последовать каждую минуту и уничтожить корабль со смертоносным грузом и всей его командой, не сознававшей в полной мере опасности. Что было делать? Корабль был загружен лесом, добраться до трюма корабля, да еще в условиях такой непогоды, было совершенно невозможно. Если бы совершилось чудо и корабль бы не погиб, нужно было бы немедлен-

но идти в ближайший порт, которым мог быть только английский и куда заходить было категорически запрещено секретным приказом. Я принял единственно возможное решение – нарушить приказ и идти в порт, пытаясь спасти людей. О своих переживаниях мне тяжело и сейчас вспоминать, а что было тогда?

Единственным светлым лучом был батюшка Серафим. Я слишком хорошо знал, что случайностей в мире нет, что Господь именно в эту минуту неведомым мне путем послал Своего Небесного Хранителя в лице отца Серафима. Всю силу моей слабой молитвы вложил я тогда, прося угодника Божия спасти нас от верной гибели.

И чудо совершилось несомненное и великое. Мы дошли благополучно до одного из ближайших английских портов, и здесь вновь милость Божия и молитвы старца Серафима чудесно охраняли нас.

Несмотря на самый тщательный осмотр нашего судна портовыми властями, ничего найдено не было. Нечего и говорить, что после осмотра мы разобрали лес над нашим смертоносным грузом, и здесь я воочию убедился, как велика была опасность: наша жизнь буквально висела на волоске. Не беседовал бы я сейчас с вами, если бы не помог преподобный Серафим.

Чудесное обращение юноши

У одного священника был сын Николай, который после поступления в университет стал терять веру, перестал молиться и посещать церковные службы. Наступил канун Рождества Христова.

– Коля, сходил бы ты ко всенощной – ведь завтра великий праздник, – сказала ему мать. – Как мы были бы рады с папой, если бы ты пошел в церковь.

Сын раздраженно ответил:

– Я уже много раз вам говорил, что мне нечего там делать... Что я получу в этой тесноте и духоте?

– Смотри, Коля, как бы не наказал тебя Господь за такие слова, – сокрушенно сказала мать.

В тот же вечер с сыном случилось следующее: он протянул руку, чтобы что-то взять с полки, и вскрикнул от боли. Рукой нельзя было шевельнуть от боли под мышкой.

Боль все усиливалась, и под мышкой стала быстро расти опухоль.

Приглашенный утром доктор констатировал тяжелое заболевание, которое называется «сучье вымя». Доктор сказал, что надо ждать, пока опухоль полностью созреет, и тогда можно будет прибегнуть к операции.

Для Коли началось время тяжелых мучений и бессонных ночей. Однако Коля не забыл, что болезнь его началась после того, как мать предрекла ему Божие наказание. Он еще не совсем утратил веру, и совесть его проснулась.

Он заметил у матери новый образ преподобного Серафима, который только что был прославлен. Вечером он попросил у матери:

– Дай мне на ночь образ преподобного Серафима.

Ночью матушку разбудил крик Коли. Вбежав в комнату, мать увидела такую картину: Коля сидит на кровати, а кровать и пол перед ним залиты гноем.

Коля был взволнован и говорил сбивчиво:

– Ко мне сейчас приходил преподобный Серафим и сказал, что если я не покаюсь и не изменю жизнь, то погибну. Затем преподобный коснулся моей больной руки, и опухоль тотчас же прорвалась. Сейчас рука моя совершенно здорова.

Пережитое переменило душу и жизнь Коли. Он оставил университет и поступил в Духовную семинарию, а затем Академию. Окончив ее, он принял монашество с именем Серафима и впоследствии стал епископом Дмитровским – одним из благочестивейших людей нашего времени,

«богородичным старцем», как его называли за особое почитание Божией Матери.

«Вода-то ледяная...»

Покойная Лидия Николаевна в конце двадцатых годов рассказывала мне о своей поездке в Саров вскоре после прославления преподобного Серафима.

Супруг ее, Илья Михайлович, профессор, был человеком глубоко верующим. Он скончался в сане протоиерея. И. М. почитал преподобного Серафима задолго до прославления. Инициатива поездки в Саров и Дивеево принадлежала ему. Сама Л. Н. отнеслась к предстоящей поездке совершенно равнодушно, тем более что мужу предстояла научная командировка в Мюнхен.

Отъезд в Саров был назначен на начало июля. Накануне к вечеру Л. Н. почувствовала себя нехорошо – головная боль и острая боль в горле, температура 39. Л. Н. была подвержена ангинам с нарывами в горле, болезнь всегда протекала очень тяжело.

Однако Л. Н. решила скрыть болезнь от мужа, чтобы не сорвать поездку.

В дороге Л. Н. стало очень плохо: она не могла проглотить даже воду и начала задыхаться.

От станции до монастыря ехали на лошадях. Под влиянием свежего воздуха одышка стала меньше, но боль в горле все усиливалась.

Приехали незадолго до всенощной, остановились в монастырской гостинице. И. М. беседовал с монахом-гостинником, а Л. Н. пошла в номер и решила, что, конечно, ко всенощной не пойдет и сразу же ляжет.

И. М. возвратился и сказал, что, прежде чем идти ко всенощной, надо пойти на колодчик преподобного и там искупаться. Далее, рассказывала Л. Н., она уже не имела своей воли, все как бы происходило помимо нее.

Пошли к колодчику, Л. Н. вошла в женскую половину купальни и, первое, что услышала, было: «Вода-то ледяная, прямо обжигает». Л. Н. подумала: «Безумие с высокой температурой лезть в ледяную воду». Однако разделась, перекрестилась и окунулась. Вода действительно «ожгла». Л. Н. быстро оделась и вышла из купальни. И. М. задержался. Дожидаясь его, Л. Н. осмотрелась вокруг. Только в этот момент она ощутила ту неизъяснимую благодать, которой проникнуто это место. И. М. сказал, что он зайдет в гостиницу, а Л. Н. посоветовал медленно идти к собору и там его дожидаться. Л. Н., дойдя до собора, встретила И. М. у входа. Они во-

шли в храм, взяли свечи, приложились к раке преподобного. Началась всенощная.

– Встанем поближе к выходу, – попросила Л. Н., – чтобы можно было выйти, если я устану.

Все было для Л. Н. как бы в полусне, она не помнила начала службы и была удивлена, когда во время шестопсалмия И. М. спросил ее:

– Ты не устала, может быть, выйдешь и посидишь на свежем воздухе до «Хвалите»?

– Нет, совсем не устала.

Лишь во время чтения канона до ее сознания дошло, что горло не болит и она ощущает необыкновенную бодрость и легкость во всем теле. «Вероятно, температура высокая, поэтому нет слабости, но горло почему не болит?» – подумала она.

После великого славословия И. М. опять предложил:

– Пойдем в гостиницу, служба продолжительная, ты, наверно, устала.

– Нет, нет, я хорошо себя чувствую, достоим до конца.

Всенощная кончилась. Богомольцы стали расходиться, вышли и они. В гостинице подали чай, и Л. Н. впервые с начала болезни не только выпила чашку чая, но и поела монастырского хлеба.

Втайне от мужа измерила температуру – нормальная. Ночь проспала как убитая. Утром перед началом Литургии поведала мужу о своей болезни и исцелении. Оба они горячо молились у раки преподобного.

Несколько дней, проведенные в Сарове, были для Л. Н. исполнены неизъяснимого блаженства. В память об исцелении сохранилась небольшая иконочка. Преподобный Серафим изображен на ней молящимся на камне (вырезка из какого-то журнала начала XX века). И. М. наклеил иконочку на картон, и она сопровождала их на всех путях их многотрудной жизни.

Тулупчик

Однажды, когда я посетил Саровскую обитель, на ночь мне дали укрыться тулупчиком, который при жизни преподобный Серафим носил на себе.

Я всю ночь не мог заснуть, так как было слышно райское пение. Утром я сказал монаху, что не спал и слышал необыкновенное райское пение.

Монах сказал: «Этот тулупчик всегда, кому бы мы ни давали его, чтобы укрыться, вызывает то же явление, которое пережили вы».

«Выпей воды из моего источника...»

Около 1950 года я тяжело заболела печенью. Раза два-три в год бывали тяжелейшие приступы из-за прохождения камней. Особенно тяжелым для меня был 1953 год: приступы болей были ежедневными. С трудом я выдерживала восьмичасовой рабочий день на довольно ответственной работе.

О переходе на инвалидность или на пенсию я не могла и думать, так как у меня на руках была больная мать, которая жила за городом. Частые поездки к ней с тяжелыми сумками еще более усиливали боли.

Наконец наступило лето и долгожданный отпуск. Однако перед отпуском пришлось волноваться, и в первые же дни отпуска начался приступ, который длился пять суток. Я оказалась без врачебной помощи и каких-либо обезболивающих средств. Камни вышли, началось общее воспаление печени. Слабость была такая, что я лишь с трудом могла обслуживать свою больную мать.

Вечером, лежа в постели, я любила перечитывать мою любимую книгу «Житие преподобного отца Серафима Саровского». Однажды, читая

о многочисленных исцелениях, им совершенных, я мысленно обратилась к нему приблизительно с такими словами: «Ты стольких исцелил, почему же не исцелишь меня, ведь ты видишь, как я страдаю, а я должна работать для других».

В тот же момент внутренним зрением я увидела около себя батюшку Серафима. Он приложил свой большой медный крест к моей больной печени, и так же внутри себя я услышала его голос: «Теперь выпей святой воды из моего источника, и тогда ты будешь совсем здорова».

Я очнулась от пережитого. Я привыкла анализировать свои духовные переживания, чтобы не впасть в соблазн, поэтому подумала, что все это плод моего воображения под влиянием только что прочитанного. Больше всего меня смутили его последние слова – «выпей воды из моего источника». Откуда я возьму эту воду, находясь в Москве и зная, что к источнику вход запрещен?!

Но слова дивного старца исполнились на следующий же день: я получила пузырек воды, привезенный в этот день из Сарова. Эту воду достали совершенно «случайно».

Одним словом, чудо со мной случилось, я выпила этой воды, и с тех пор я не испытываю болей и не перестаю благодарить дорогого старца за чудесное исцеление.

«Стой хорошо, не падай...»

тот рассказ я слышала от покойной Олимпиады Ивановны. Передавая его, она волновалась, а сын, о котором шла речь, сидел рядом с ней и утвердительно кивал головой, когда она обращалась к нему за подтверждением. Вот что я от нее услышала:

– Ване было семь лет. Шустрый он был, понятливый и большой шалун. Жили мы в Москве, на Земляном валу, а Ванин крестный – наискосок от нас, в пятиэтажном доме.

Как-то вечером я послала Ванюшу к крестному – пригласить на чай. Перебежал Ваня дорогу, поднялся на третий этаж, а так как до звонка на двери достать не мог, то стал на лестничные перила и только хотел протянуть к звонку руку, как ноги соскользнули и он упал в пролет лестницы.

Старый швейцар, сидевший внизу, видел, как Ваня мешком упал на цементный пол. Старик хорошо знал нашу семью и поспешил к нам с криком:

– Ваш сынок убился!

Мы бросились к Ване, но, когда подбежали к дому, увидели, что он сам медленно идет нам навстречу.

– Ванечка, голубчик, ты жив? – схватила я его на руки. – Где у тебя болит?

– Нигде не болит. Просто я побежал к крестному и хотел позвонить, но упал вниз. Лежу на полу и не могу встать. Тут ко мне подошел старичок – тот, что у нас в спальне на картинке нарисован. Он меня поднял, поставил на ноги, да так крепко, и сказал: «Ну, хлопчик, стой хорошо, не падай». Я пошел, вот только никак не могу вспомнить, зачем вы меня к крестному посылали.

После этого Ванюша мой сутки спал крепко-крепко, а когда встал, был совершенно здоров.

В спальне же у меня висел большой образ преподобного Серафима Саровского.

«Кто он, этот старичок?»

Переслал мне один знакомый письмо на французском языке, в котором одна эльзаска просила его прислать ей что-нибудь о Русской Православной Церкви: молитвенник или что-либо подобное. В ответ на письмо что-то послали ей, и этим дело ограничилось.

Позже я был в Эльзасе и зашел познакомиться с ней, но ее не было тогда дома – она была за городом. Я познакомился с ее свекровью, ста-

рушкой большого христианского милосердия и сердечной чистоты.

Она рассказала мне следующее. Их семья из старого дворянского рода Эльзаса, протестантского вероисповедания. Надо сказать, в этой области Эльзаса селения смешанного вероисповедания: наполовину – католики, а наполовину – протестанты. Храм же у них общий, и в нем они совершают свои богослужения по очереди. В глубине – алтарь римский, со статуями и со всем надлежащим. А когда служат протестанты, задергивают католический алтарь занавесом, выкатывают свой стол на середину и молятся.

Недавно в Эльзасе среди протестантов началось движение в пользу почитания святых. Это произошло после знакомства с книгой Саббатье о католическом святом Франциске Ассизском. Сам протестант, он пленился образом жизни этого праведника, посетив Ассизи. Семья моих знакомых тоже была под впечатлением этой книги. Продолжая оставаться протестантами, они чувствовали, однако, неудовлетворенность. Они стремились к почитанию святых и к Таинствам. Когда пастор обучал их, они просили его не задергивать католический алтарь, чтобы хотя бы видеть статуи святых. Мысль их искала Истинной Церкви.

И вот однажды молодая женщина, будучи больной, сидела в саду и читала о жизни Франциска Ассизского. Сад был весь в цветах. Тишина деревенская... Читая книгу, она забылась в тонком сне. «Сама не знаю, как это было», – рассказывала она потом. – Идет ко мне сам Франциск, а с ним сгорбленный, весь сияющий старичок, как патриарх. Он был весь в белом. Я испугалась. А Франциск подходит совсем близко и говорит: «Дочь моя! Ты ищешь Истинную Церковь – она там, где он. Она все поддерживает, но ни от кого не просит поддержки».

Белый же старичок молчал и лишь одобрительно улыбался словам Франциска. Видение кончилось. Она как бы очнулась. А мысль подсказала ей почему-то: «Это связано с Русской Церковью». И мир сошел в ее душу.

После этого видения и было написано письмо, упомянутое вначале. Через два месяца я снова был у них, и на этот раз от нее самой узнал еще и следующее. Они приняли к себе русского работника. Желая узнать, хорошо ли он устроился, хозяйка зашла к нему и увидела на стене в углу иконку и узнала на ней того старца, которого она видела в легком сне вместе с Франциском. В удивлении и страхе она спросила: «Кто он, этот старичок?» «Преподобный Серафим, наш православный святой», – ответил ей работник. И только

тогда она поняла смысл слов святого Франциска, что истина – в Православной Церкви.

Книга

У меня есть жизнеописание преподобного Серафима Саровского. Книгу я эту очень люблю. Я не только сама часто перечитывала ее, но и друзьям и знакомым давала почитать. Книга стала до того потрепанной, что я решила никому больше ее не давать.

Как-то пришел мой хороший знакомый. Увидел на полке книгу – и так неотступно принялся просить ее, что я не выдержала и отдала.

– Даю с условием, – сказала я, – чтобы вы никому ее больше не давали. Видите, какая потрепанная, и от переплета одни кусочки остались.

– Книгу буду читать сам и никому, ни одному человеку ее не покажу, – заверил меня мой друг, но... не сдержал данного слова.

Книгу увидела его соседка и так просила дать почитать о любимом святом, что он отдал ей, строго наказав:

– Ни одному человеку не давайте, а то, если книга пропадет, что хозяйке говорить буду?

Соседка и ее дочь с великой радостью читали книгу и не спешили с ней расстаться.

За дочкой соседки ухаживал молодой инженер и сделал ей наконец предложение. Девушке он, видимо, очень нравился, но она отказала:

– Я верующая, а ты даже некрещеный. Ты не пойдешь со мною венчаться, в церковь меня пускать не будешь, а когда родятся дети, не позволишь воспитать их так, как воспитывала меня мама. Не пойду за тебя, слишком взгляды у нас разные.

Получив отказ, молодой человек еще несколько раз принимался ее уговаривать, а потом, улучив время, когда девушка была на работе, пришел к ее матери и стал просить, чтобы она повлияла на дочь.

Мать девушки отнеслась к гостю хорошо, но уговаривать дочь отказалась. Видя, что он очень расстроен, она пригласила его выпить чаю и пошла на кухню приготовить все для этого нужное.

Пока она хлопотала, молодой человек сидел за столом и перелистывал лежавшее там жизнеописание преподобного. Когда же хозяйка села с ним за стол, он стал просить ее дать прочесть эту книгу. Никакие уговоры не действовали. Тогда, поблагодарив за чай и попрощавшись, он схватил книгу и выскочил за дверь, пообещав на ходу скоро вернуть ее.

Бедная женщина боялась попадаться на глаза моему другу, так как дни шли, а молодой чело-

век не появлялся. Наконец она созналась в том, что произошло, и оба они с тоской думали о том, как быть.

Прошел месяц, другой. Настала пятая неделя Великого поста. Неожиданно молодой человек явился в дом любимой девушки.

– Дорогие мои, – радостно воскликнул он, – я теперь ваш, я вчера крестился, а сделал все это преподобный Серафим. Когда я у вас начал смотреть эту книгу, она меня так заинтересовала, что я не мог уже от нее оторваться. Потом мне захотелось узнать еще что-нибудь о вере, о Христе. Я начал читать, поверил и наконец крестился. А книга цела, вот она.

И он положил ее на стол. Книга была приведена в полный порядок и переплетена в дорогой и красивый переплет. В таком чудесном виде она и была возвращена мне. Я решила подарить ее жениху и невесте.

Хлеб

дна пожилая инокиня из скита Серафимо-Дивеевского монастыря рассказала такой случай.

– Нет у нас транспорта, а зимой никто к нам не едет. Бывает, месяцами никакой попутки, все позаметает. Вот съели мы давно весь хлеб,

едим одни сухарики, долго уже их едим. Я и говорю батюшке (они все преподобного Серафима называют «батюшка» или «батюшка Серафим»): «Батюшка Серафим, хоть бы хлебушка нам прислал, а то уже девочкам наскучили сухарики» (а у них в скиту почти все – очень молодые девчонки).

Через пару часов въезжает к ним машина, полная хлеба, вылезает из нее известный им человек из Дивеева – и прямо к этой инокине:

– Принимай, матушка, хлеб.

А сам волнуется, чуть руки не трясутся, и рассказывает:

– Еду я из Дивеева, везу хлеб в... (и называет другой скит). Вдруг голос: «Вези в... (называет их скит)». Я спрашиваю шофера: «Слышал ли что-нибудь?» Он говорит: «Нет».

Через некоторое время голос повторил то же, но более строго. Тот опять к водителю машины: «Как же так, я слышу, а ты нет?»

Прошло еще немного времени. Батюшка Серафим уже совсем строго на него прикрикнул, так что тот сразу развернул водителя, и вот они здесь.

«Больше не будет болеть»

Не так давно у одной девочки (в том скиту при Серафимо-Дивеевском монастыре есть и девочки лет по десять-двенадцать)

очень заболел зуб, вся щека распухла. А у нее было послушание прибираться в храме. Подметает она, в храме – никого, а зуб так болит, что голова разламывается, щека раздулась. От боли она даже села и заплакала. Вдруг выходит из алтаря какой-то дедушка, как на иконе, а одежда вся белая и сам весь светлый. Подошел и говорит: «Ты что это плачешь?» Она говорит: «Зубик болит». Он погладил ее по щеке и говорит: «Больше не будет болеть». И опять ушел в алтарь, прикрыв за собой дверь. Боль тут же прошла, как и не бывало. Девочка все рассказала.

Интересно, что дверь, которую старец за собой прикрыл, все время болталась на петлях очень свободно, сама от ветра открывалась, а после этого не знали, как ее и открыть, еле сдвинули с места, хотя внешне ее ничто не держало.

Сухарик

Хочу рассказать о чуде, которое недавно произошло со мной. Проснувшись, я почувствовала сильную боль в правом боку.

Подумала, что опять начинается радикулит. Намазала мазью, одела, как обычно, повязку. Но к вечеру боль усилилась. Натирала, завязывала – ничто не помогало. Боль становилась

невыносимой, надо было вызывать врача. Я понимала, что меня сразу же положат в больницу, а мне этого очень не хотелось. И я решила терпеть. Но день ото дня боль усиливалась, так что невозможно было ни лежать, ни сидеть, ни ходить. Есть и пить не хотелось. Я все-таки терпела, а утром и вечером, как обычно, молилась. Ночью на второй неделе боль стала такой, что сил терпеть уже не было. И я взмолилась: «Господи! Сил моих больше нет. Помоги!»

И тут же вспомнила о сухарике из Дивеева, освященном в котелке преподобного Серафима Саровского. Этот бережно хранимый котелок сейчас находится в алтаре церкви в Дивееве. Батюшка Серафим при жизни своей в благословение раздавал всем сухарики, которые имели целительную силу. И сейчас дивеевские монахини кладут сухарики в батюшкин котелок и потом раздают паломникам. А привезла сухарики в Клин одна верующая женщина, которая дала два сухарика моей соседке, а та один сухарик мне отдала.

И вот, вспомнив о нем, я насилу встала, нашла сухарик, отыскала молитву преподобному Серафиму, опустилась на колени, прочла ее три раза и попросила батюшку помочь мне. Взяла сухарик и съела половиночку. Легла и жду – что будет.

Вот тут и произошло со мной чудо. Я почувствовала, что как бы вишу сантиметрах в десяти от кровати и тяжести одеяла не чувствую. И боли нет. На глаза как бы черная тень легла, и я заснула.

Проснулась или очнулась от звонка в дверь. Встала, пошла, открыла дверь, пошла обратно – и тут только поняла, что боли почти нет. Через неделю боль совсем исчезла, будто ее и не было. Одновременно исчезла привычная боль от бедра до пятки в левой ноге. Так по молитве к Серафиму Саровскому я поправилась. В нашей Скорбященской церкви есть его икона. Я сразу и пошла к ней благодарить батюшку Серафима и Господа.

«Езжай к Всецарице»

Было это во время поездки в Дивеево. В то время у меня были сильные головные боли. Зашла на могилки Н. М. Мотовилова, схимонахини Марфы, Елены Мантуровой и первой игумении – матушки Александры. Приложились мы по очереди ко всем крестам. И так получилось, что в последнюю очередь подошли к могилке монахини Елены. Я ее на панихидах всегда поминаю. Запала она мне в душу, когда я читала «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Когда целовала крест – как будто родного че-

ловека обняла: стояла и плакала. А когда выплакалась, так легко стало. Отошли мы немного. Идет навстречу монахиня. Остановилась напротив меня и приветствует нас: «Христос воскресе!» Это было на Крестопоклонной неделе Великим постом. Мы удивились: вроде пост – и такое приветствие. Монахиня объяснила нам, что батюшка Серафим так всех приветствовал. Спросила, как нас зовут. Мы ответили. И вдруг говорит мне: «Вот, Еленушка, в Москве есть храм «Всех святых» на Красносельской. Там есть икона «Всецарица», привезена с Афона. Она исцеляет от всех заболеваний, даже от рака. Поезжай туда, купи иконку, Акафист и по возможности читай каждый день, и все у тебя будет хорошо».

И я молилась батюшке Серафиму, чтобы он меня вылечил, плакала сильно, жаловалась.

Долго я не могла съездить к «Всецарице». Все же месяца через четыре съездила. Приехали на Акафист. Я все сделала, что мне матушка велела: купила Акафист, иконку. А службы в тот день почему-то не было. Я очень расстроилась. Но матушка, что работает в церкви, видя, что я вся в слезах, говорит: «Вы не расстраивайтесь, закажите молебен на завтра. А сейчас сами прочитайте Акафист». Мы приложились к иконе «Всецарица», и в тот момент какой-то трепет по

мне прошел, что-то со мной произошло необыкновенное. Потом читали Акафист. А он не читался: как-то само собой мы начали его петь.

С нами ездила моя племянница Светлана. Перед дорогой она не могла нормально говорить – голос пропал. Пока ехали, она только «шипела». Мы еще смеялись над ней. А когда пели Акафист, она пела вместе со всеми, но никто не обратил на это внимания – не до того было.

После Акафиста матушки и маслица нам дали, и водички освященной. Царица Небесная так устроила. И когда вышли из храма, племянница мне и говорит: «Ты ничего не замечаешь?» Я отвечаю: «Нет». – «Мой голос, я говорю».

Помогла и мне наша Заступница. С тех пор таких сильных болей у меня не было. А до того очень мучилась – на обезболивающих уколах держалась.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

«Благодари батюшку...»

Нас у отца с матерью было двое: я и сестра Настенька, с которой мы очень дружили, но характера были разного – она на кава-

леров заглядывалась и рано замуж вышла, а я о монастыре мечтала и все старалась черным платочком покрыться. Особенно хотелось мне попасть в Иоанновский монастырь. Он был под покровительством отца Иоанна Кронштадтского, и сам батюшка часто бывал там, а я его с детских лет почитала и любила.

Он у нас и дома бывал, хотя люди мы были самые что ни на есть простые – отец курьером при банке служил.

Так вот, мечта моя сбылась: приняли меня в Иоанновский монастырь. Находился он в Петербурге на самом краю города, на берегу небольшой речки Карповки, и был очень красивый и благоустроенный: его строили купцы в знак своей любви к отцу Иоанну и денег на него не пожалели.

А когда отводили монастырскую землю, то игумения попросила дорогого батюшку, чтобы разом дали земли и под сестринское кладбище, но батюшка грустно так головой покачал и сказал:

– Не потребуется оно вам.

Игумения очень удивилась, но спрашивать не посмела. А ведь так оно и вышло – не успела ни одна сестра в монастыре умереть, как все по белу свету разбрелись...

Монастырь у нас был городской, богатый, и послушания у нас были, конечно, не такие, как в сельских монастырях.

Пришла я в монастырь здоровая, веселая, молоденькая. Проверили мои способности, чтобы знать, на какое послушание ставить. Я рисовала неплохо и петь могла. Определили меня в рисовальный класс и на клирос петь первым голосом поставили. И такая на меня тягость от этого пения нашла, что и сказать не могу, а петь приходилось много.

Вот как-то приехал к нам дорогой батюшка. Окружили мы его по обычаю, а он так ласково с нами беседует.

Увидел меня, спрашивает:

– Как, Варюша, живешь, не скучаешь?

А я не утерпела да и говорю:

– Хорошо, не скучаю, а вот на клиросе до самой смерти петь не люблю...

Отец Иоанн пристально так на меня посмотрел и сказал:

– В монастыре надо трудиться и без ропота нести послушание. А пение ты полюбишь, еще октавой петь будешь.

– Вы что? – говорю. – Какая октава? У меня же первый голос.

А он только усмехнулся, и все. Идет время, пою я на клиросе, мучаюсь, но пою. Осенью ушел от

нас старый регент, а на его место нового назначили. Был он знаменит на весь Петербург, а к нам пришел по любви к дорогому батюшке.

Послушал он нас, всех клирошанок, по отдельности каждую и говорит мне:

– Почему вас заставили первым голосом петь... У вас ведь бас. И с этими словами задал он мне тон, и я запела, да так легко и свободно, что от радости рассмеялась и начала я в басах петь, потом у меня октава открылась. Регент очень мой голос ценил, и петь я стала с большой охотой, только дорогого батюшку вспоминала, как он мою октаву провидел.

А то был со мной еще такой случай. Появилась у меня на шее опухоль. Сначала небольшая, а потом стала увеличиваться, уже и голову опускать трудно стало, и чувствовать я себя плохо стала.

Показала опухоль матушке игумении, она забеспокоилась и сказала, что повезет меня к доктору.

Не прошло и двух дней, как приезжает к нам в монастырь отец Иоанн. Мы его торжественно встретили и сразу пошли молебен петь – так уж было заведено, что батюшка по приезде первым делом молебен служил.

Иду я с клирошанками в церковь, а игумения меня останавливает, подводит к отцу Иоанну и говорит:

– Дорогой батюшка, помолитесь о Варваре, она ведь у нас заболела, – и с этими словами подняла мой апостольник и показывает на опухоль.

Батюшка внимательно посмотрел, потом рукой по ней провел и говорит:

– Ничего, Бог даст, пройдет. Иди, Варюшка, пой!

После молебна батюшка долго с нами беседовал, затем меня позвали в трапезной помогать, и к себе в келью я вернулась позже обычного. Стою, раздеваюсь, апостольник сняла и по привычке опухоль свою разгладить хочу, тронула ее рукой – а ее нет! Я к зеркалу – гладкая шея. Глазам своим не верю – ведь с кулак была.

Едва утра дождалась – и скорее к игумении. Посмотрела она на мою шею, перекрестилась и только сказала:

– Благодари дорогого батюшку!

«Скоро выйдешь замуж»

У нас в Иоанновском монастыре было такое правило: в определенные дни и часы недели нас могли навещать наши родные и знакомые. Вот как-то к одной из сестер пришла ее знакомая молодая девушка. По всему было видно, что она не в себе: бледная, расстро-

енная и отвечает невпопад. Дивимся мы на нее, но расспросить ничего не успели: дорогой батюшка приехал. Обрадовались мы и скорее побежали на лестницу дорогого гостя встречать. И девушка эта вместе с нами вышла. А батюшка поднимается по лестнице такой озабоченный, но со всеми ласково здоровается. А когда поравнялся с этой девушкой, сказал:

– Из-за тебя ведь приехал, а уж торопился как...

Мы, конечно, ничего из этих слов не поняли, а девушка, видим, смутилась и как бы испугалась. А он продолжает ей говорить:

– Сейчас молебен служить будем, а потом я с тобой поговорю. Никуда уходить не смей, слышишь? – уже грозно сказал он и пошел облачаться.

Помолились мы, и девушка с нами. Потом батюшка вышел, взял ее за руку и говорит:

– Ты, безумная, что это задумала? А? Ну-ка, иди сюда.

Отошли они в сторону, и долго он ей что-то говорил, а девушка страшно плакала.

Потом батюшка повеселел, благословил ее и, слышим, говорит:

– Ну, успокоилась?

А она благодарит его, руки целует и в ноги ему поклонилась. Попрощался отец Иоанн со всеми и сказал:

– Больше у меня сегодня здесь нет дел, – и уехал.

Ну, мы, конечно, давай девушку расспрашивать, о чем с ней говорил наш дорогой батюшка. И она нам рассказала, что был у нее жених и что уже свадьбу назначили, но он увлекся другой, а ее бросил. Горевала она ужасно и решила себя жизни лишить – под поезд броситься. Долго не могла с силами собраться, чтобы это сделать. А в тот день, когда к нам прийти, она твердо решила с собой покончить. Но очень ей было тяжко, и она зашла напоследок к нам, чтобы от нас поехать на вокзал.

А дорогой батюшка почувствовал ее горе, приехал и принялся бранить, что она на такой шаг решилась. Когда она пообещала не делать задуманного, он ей сказал:

– Ты скоро выйдешь замуж за хорошего человека, и детки у вас будут.

Веселая от нас ушла, радостная. А потом вскоре после этого действительно замуж вышла и хорошо жила со своим мужем, и дети у них были.

Непонятная молитва

Мой отец с большим предубеждением относился к отцу Иоанну Кронштадтскому. Его чудеса и необыкновенную попу-

лярность он объяснял гипнозом, темнотой окружавших его людей, кликушеством и т. п.

Жили мы в Москве, отец занимался адвокатурой. Мне в то время минуло четыре года, я был единственным сыном и в честь отца был назван Сергеем. Любили меня мои родные безумно. По делам своим отец часто ездил в Петербург. Так и в тот день он туда поехал и по обычаю остановился у брата своего Константина.

Брата и невестку он застал в волнении: заболела их младшая дочь Леночка. Болела она тяжко, и хотя ей стало лучше, они пригласили к себе на дом отца Иоанна отслужить молебен. С минуты на минуту ждали его приезда.

Отец посмеялся над ними и уехал в суд, где разбиралось дело его клиента.

Вернувшись в четыре часа, он увидел у дома сани и огромную толпу людей. Поняв, что приехал отец Иоанн, он с трудом пробился к входной двери и, войдя в дом, прошел в зал, где батюшка служил молебен.

Отец стал в сторону и с любопытством наблюдал за знаменитым священником. Его очень удивило, что отец Иоанн, бегло прочитав поминание с именем болящей Елены, положенное перед ним, стал на колени и с большой горячностью стал молиться о каком-то неизвестном тяж-

ко болящем младенце Сергии. Молился он о нем долго, потом благословил всех и уехал.

– Он просто ненормальный, – возмущался мой отец после отъезда батюшки, – его пригласили молиться об Елене, а он весь молебен вымаливал какого-то неизвестного Сергия.

– Но Леночка уже почти здорова, – робко возражала невестка, желая защитить уважаемого всей семьей священника.

Ночью отец выехал в Москву.

Прибыв домой, он был поражен царившим там беспорядком, а увидев измученное лицо моей матери, испугался:

– Что у вас здесь случилось?

– Дорогой мой, твой поезд не успел, вероятно, отойти от Москвы, как заболел Сережа. Начался жар, конвульсии и рвота. Я пригласила Петра Петровича, но он не мог понять, что с Сережей, и попросил созвать консилиум. Первым делом я хотела телеграфировать тебе, но не могла найти твоего адреса. А Сереже делалось все хуже и хуже. Три врача не отходили от него всю ночь и наконец признали его положение безнадежным. Никто в доме не спал. Что я пережила, лучше и не говорить.

И вдруг вчера после четырех часов дня он начал дышать ровнее, жар спал, и он уснул. Потом стало

еще лучше. Врачи ничего не могли понять, а я тем более. Сейчас у Сережи только слабость, он уже кушает и сейчас в кроватке играет со своим мишкой.

Слушая мою мать, отец все ниже опускал голову: так вот за какого болящего младенца Сергия так горячо молился вчера отец Иоанн Кронштадтский!

Исцеление

Этот случай был в свое время опубликован в печати. На юге России жил состоятельный еврей – торговец и вместе с тем раввин местной синагоги. Его жена заболела раком пищевода. Болезнь под конец сделала пищевод непроходимым не только для пищи, но и для воды.

Местные врачи признали ее положение безнадежным, и она лежала крайне истощенная, в полном изнеможении.

В страхе перед смертью женщина стала умолять мужа спасти ей жизнь. Видя глубокое горе еврея, знакомые ему по торговле русские верующие люди стали советовать: «Пошлите телеграмму к отцу Иоанну Сергиеву – он всем помогает».

Раввин послушался и послал телеграмму и сколько-то денег. Скоро пришла телеграмма: «Молюсь. Будет здорова. Иоанн Сергиев».

Когда еврей сообщил содержание телеграммы жене, то та взволновалась и стала упрекать мужа: «Ты же сам раввин. Неужели ты сам не мог помолиться? Обязательно надо обращаться к православному священнику?»

Видя жену в таком состоянии, еврей растерялся и, чтобы успокоить жену, протянул ей стакан с водой. Женщина взяла его и, забыв, что она уже давно не могла пить, свободно выпила воду.

Тут только оба заметили происшедшее чудо. Жена после этого почувствовала голод и попросила есть. К большому удивлению мужа, ела она тоже без всякого затруднения.

Узнав о выздоровлении безнадежно больной, лечившие ее врачи были изумлены.

Можно было бы предположить, что женщина была больна не раком, а истерическим спазмом пищевода. Однако при последнем, как утверждали врачи, никогда не теряется проходимость пищевода для воды, как это было у жены раввина.

Отец Феодор

– Скитался я тогда, – рассказывал отец Феодор, – как тать в нощи, не зная, где главу приклонить. Укрывался, правда, у добрых людей, но невмоготу уже стало

вести такую жизнь, а тут услышал я, что недалеко от Питера на Финской земле сохраняется еще в полной силе наш древний православный русский Валаамский монастырь. Больно крепко захотелось мне уйти туда, поклониться угодникам Божиим Сергию и Герману да попросить совета у тамошних старцев. Уж очень духом пал, малодушествовать стал. Знал, конечно, что не снести мне головушки, если попадусь, да еще у самой границы: тут уж пощады не жди. Еще хорошо, если сразу убьют, а то замучают, запытают, поиздеваются перед смертью. А все-таки решился, пошел.

Нужно было пробираться по болоту, а там за небольшой речушкой уже была чужая сторона.

Ночь темная, дождь хлещет, а я иду да шепчу молитвы и батюшку Иоанна поминаю. По времени вижу, что давно пора бы дойти до речки, а ее и следа нет. Умаялся страшно, мокрехонький весь, а идти куда – не знаю, потерял направление. Забился я под какую-то елку и решил посидеть до утра, а там будь, что будет. Немного вздремнул и вдруг слышу: никак собака лает где-то. Открыл глаза – лай все ближе и ближе. Видно, учуяла меня – так и рвется. Понял я, что погибель моя пришла, упал на колени, тяжко сжалось сердце: умираю ведь без покаяния. Схвати-

ли меня и потащили куда-то. Ну, думаю, не жилец я на этом свете. Слышу, как один чекист говорит другому:

– Видно, это тот шпион, которого ждали.

Приволокли меня чекисты на свой пост, обыскали и в одном белье бросили в какой-то подвальчик. Над головой телефон трещит, обо мне, видно, сообщают. Через час машина загудела – начальство приехало. Открылась дверь, и входит чекист: маленького роста, глаза, как у хищного зверя горят, весь трясется от злобы.

– Ну, поп, песенка твоя спета, выкладывай начисто, с каким заданием переходил границу и кто тебя послал?

Молчу в ответ, все равно ведь не поверят, а только мысленно взываю к Господу, чтобы послал скорую кончину. Мое молчание окончательно взбесило чекиста, он выхватил револьвер и заорал:

– Говори, а то убью.

Я молчал. Рука с револьвером быстро приблизилась к моему лицу, щелкнул курок – осечка, еще раз – опять осечка. С проклятием ударил меня наотмашь.

Пришел я в себя только в машине. Как узнал потом, везли меня тогда в Ленинградское ГПУ на расправу – уж больно важный преступник попался в руки.

Ну вот, привезли меня, больного, израненного, и бросили в одиночку, а это, как вы сами догадываетесь, уже конец: оттуда выхода на свет Божий не было.

Об одном только вопию: чтобы Господь без мучений принял душу мою.

Забылся я сном, и видится мне батюшка Иоанн. Склонился он будто надо мной и ласково говорит: «Ты же хотел пострадать за Христа, вот Господь и посылает тебе по желанию твоему». Проснулся я, и легко мне стало: Господь надо мной, и батюшка меня не оставляет.

Немного дней прошло, уж не упомню сколько, только ночью пришли за мной и повели на допрос. Тащат меня под руки: ослабел я совсем и от боли, и от голода, а я только в сердце моем кричу:

– Батюшка Иоанн, ты при жизни не оставлял меня никогда, в час же смертный мой умоли Господа, да не убоюся принять от Него праведное воздаяние за грехи мои тяжкие.

Привели меня в какую-то комнату и кинули на табурет. Окно с решеткой, а под ним стол, куча бумаг на нем, лампа горит под абажуром, почти совсем закрывая лицо следователя. Вижу только, что не стар годами. Наклонился, перелистывает и читает, видно, мое дело.

Посидели мы так молча, а затем следователь, не поднимая головы и не глядя на меня, говорит:

– Ну, старик, говори всю правду, не лги, все равно ведь дознаемся. Какая организация послала тебя?

Я молчал.

– Ты думаешь, что мы не сумеем тебя заставить заговорить. Не знаешь разве, куда попал?

Перекрестился я и говорю:

– Знаю, что не поверите, но только никто меня не посылал, а пробирался я на Валаам, пожить хотел в монастыре.

Поднял тогда он свою голову и уставился на меня. Пристально так смотрит в глаза, а я на него, не могу оторваться, словно завороженный. И показалось мне, что и время как бы остановилось, и все окружающее будто в тумане, и мыслей никаких – только его глаза сверлят меня насквозь... Сколько так продолжалось, не упомню. Может, минуту, а может, и час... Собрал я все свои силушки и с великим трудом начал мысленно призывать Господа. Только вдруг опять слышу его голос:

– Скажи, старик, бывал ли ты в таком-то году летом в селе Троицком?

Меня так и обожгло. А нужно вам сказать, что скрывался я в то время, прихода давно уже не было, вот я тайком и ходил от деревни к де-

ревне, от села к селу, все по добрым людям. Требы совершал, утешал, как умел, народ наш многострадальный и плакал вместе с ним о потерянном благочестии. Любили меня люди, охотно прятали и передавали друг другу, и Господь хранил до времени.

Так-то я и попал в свое время в большое село Троицкое, около двух недель жил у добрых людей и собирался уходить в другое место, когда как-то поздно вечером застучали к моим хозяевам, а потом приходит ко мне на чердак, где я ночевал, мой хозяин и так смущенно говорит:

– Батюшка, уж не знаю, право, как тебе и сказать. Дело-то не совсем обычное. Есть у нас заведующий школой, завзятый такой коммунист, безбожник. Сынишка у него единственный все болеет: нога у него не действует, уж больше года гноится. И по докторам возили, и в больнице лежал, а все ничего не помогает. Да бабушка, вишь, у него есть, покойной жены заведующего мать, женщина верующая, тихая, безропотная, все плачет, что Господь за грехи отца наказывает сына. И надумалось ей, пока отец-то в отъезде, просить тебя, батюшка, прийти помолиться о внуке. Уж не знаю, как и быть. Школа-то посреди села, тут и милиция рядом сельская, и сельсовет. Как бы чего недоброго не случилось.

Больно и мне не хотелось идти, да вспомнил, что иерей же я и мой долг великий идти к страждущему по зову.

Пошли мы с бабушкой, а та по дороге все плачет и расспрашивает, не сержусь ли на нее, ведь один внук остался, дочь недавно схоронила, а теперь вот туберкулез ноги у внука и доктора грозят отнять ногу. Несчастье-то какое!..

Пришли мы наконец в школу. Вижу, лежит паренек лет пятнадцати, лицо худющее, одни глаза лихорадочно горят. Нога забинтована, и запах такой нехороший от нее. И жалко стало мне его до слез.

Вынул я епитрахиль, крест, маленькое Евангелие, а бабушка из сундука достала икону Царицы Небесной и Целителя Пантелеимона, и стал я молебствовать, со слезами вопия ко Господу об исцелении люто страждущего: сам-то болящий молчал, только временами застонет так жалостно, что за сердце хватает. Помолились мы, дал ему крест поцеловать – целует. Помазал ему голову елеем, благословил – и зашагали мы обратно домой.

А рано утром тревога. Прибегают сказать, что ищет меня милиция. Кто-то донес. Хорошо, что изба моих хозяев была почти на краю села. Позже от людей уже узнал, что хозяев-то моих арестовали, и так горько мне было, что из-за меня, греш-

ного, пострадали невинные люди. Доселе не могу забыть их, постоянно молюсь за них.

Вспомнилось мне все это сразу, как спросил меня следователь, был ли я в Троицком. Господи, неужели еще придется невинных людей выдать. Не допусти этой страшной пытки!

– Был, – отвечаю.

– А не был ли ты в школе? – опять (как ножом резанул!) спрашивает следователь. Вижу, что скрыть нельзя, все ему известно.

– Был и в школе, – отвечаю.

– Что ж, и молился там?

– Молился.

– Сам ли ходил или звал кто тебя?

– Горе звало великое, страдание человеческое безысходное.

Вздрогнул я, когда рванулся он со стула и стал шагать взад-вперед по комнате, как зверь лютый, только огонь от папироски ходуном ходит в зубах.

Вижу, что гнев-то закипает и вот-вот прорвется, а я от слабости и боли и страх как-то потерял. Знал, что жизни во мне на грош осталось. Походил он так и опять сел за стол.

– А помнишь, как мальчонку-то мазал маслом? Ведь это я был.

Совсем я потерялся от этих слов и только молился про себя.

– Ну вот, старик, где встретились. Счастье твое, что ко мне ты попал и по голосу узнал я тебя. Получишь разрешение на выезд из города – и немедленно беги как можно дальше отсюда. Помни, второй раз я тебя уже не смогу спасти.

– Вот какими непостижимыми путями Всемогущий Господь ведет человека ко благу, лишь бы он только не терял веры в Него, – закончил отец Феодор свой рассказ.

Святитель Иоасаф Белгородский

Тогда я учился в Санкт-Петербургской Духовной академии. Знаний у меня было много, а веры настоящей не было. На торжества по случаю открытия мощей святителя Иоасафа я ехал с неохотой и думал об огромном скоплении народа, жаждущего чуда. Какие могут быть чудеса в наше время?

Приехал – и зашевелилось что-то внутри: такое увидел, что невозможно было оставаться спокойным. Со всей России съехались больные, калеки – столько страданий и боли, что трудно смотреть. И еще: всеобщее ожидание чего-то чудесного поневоле передавалось и мне, несмотря на мое скептическое отношение к предстоящему.

Наконец, прибыл Император с Семьей и было назначено торжество. На торжествах я уже стоял с глубоким волнением: не верил и все же ждал чего-то. Трудно нам сейчас представить себе это зрелище: тысячи и тысячи больных, скрюченных, бесноватых, слепых, калек лежали, стояли по обеим сторонам пути, по которому должны были пронести мощи святителя. Особое мое внимание привлек один скрюченный: на него нельзя было смотреть без содрогания. Все части тела срослись – какой-то клубок из мяса и костей на земле. Я ждал: что же может произойти с этим человеком? Что ему может помочь?

И вот вынесли гроб с мощами святителя Иоасафа. Такого я никогда не видел и вряд ли увижу – почти все больные, стоящие и лежащие вдоль дороги, исцелялись: слепые прозревали, глухие слышали, немые начинали говорить, кричать и прыгать от радости, у калек выпрямлялись больные члены. С трепетом, ужасом и благоговением смотрел я на все происходящее – и не выпускал из виду того скрюченного. Когда гроб с мощами поравнялся с ним, он раздвинул руки – раздался страшный хруст костей, будто что-то разрывалось и ломалось внутри него, и он стал выпрямляться с усилием – и встал на ноги. Какое потрясение было для меня! Я подбежал к

нему со слезами, потом схватил какого-то журналиста за руку, просил записать...

В Петербург я вернулся другим человеком – верующим.

Святая Евфросиния, великая княгиня Московская

Мне тогда было около двенадцати лет. Жила я в Москве и любила по воскресеньям ходить в храм и утром и вечером, но домашние не разрешали мне ходить на вечерние службы. Тогда я, отстояв раннюю и позднюю обедни, шла в те церкви, которые не закрывались до вечера, а вечером шла на всенощную в свой храм.

Поесть мне было негде, и я ходила целый день голодная. Отец часто сердился на меня за мое хождение по церквям. Если днем я не приходила домой, то он не велел моей мачехе давать мне вечером есть. Та жалела меня и, отпирая мне вечером дверь, шептала: «У тебя под подушкой кусок хлеба и вареная картошка».

Раз в воскресенье, простояв обе обедни и походив по Кремлю, я зашла к раке преподобной Евфросинии, Великой княгини Московской. В церкви никого не было, кроме одной монахини, прибиравшей храм.

Я подошла к раке преподобной, встала на колени и начала молиться: «Матушка Евфросиния, помоги мне, сделай так, чтобы мне есть не хотелось». Поднялась я с колен, приложилась к иконе и обернулась назад.

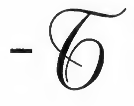
Посмотрела – и глазам своим не поверила. Передо мной стоит высокая, почтенная и величественная монахиня, а в руках держит такую большую просфору, каких я до тех пор не видела. Обомлела я, рот раскрыла, стою как вкопанная и молчу, устремив взгляд на монахиню.

А она так ласково говорит мне: «Вот тебе, девочка, просфора. Возьми ее и поешь».

Я взяла ее молча, не смея ни слова вымолвить, ни с места сойти, ни глаз своих отвести от монахини. А она повернулась и спокойной походкой, как бы плывя по воздуху, направилась к алтарю и исчезла в дверях. Тут только я опомнилась.

Пошла я затем в церковь, где, я знала, есть святая вода. Там я напилась и съела дарованную мне просфору. Такая она была вкусная, что и рассказать нельзя...

Святитель Антоний Воронежский

– Батюшка, помните Улиньку? Праведница она была, хотя и мало знали о ней. Тщательно скрывала свои подвиги от

посторонних и только иногда нет-нет да и приоткроется, и блеснет неземным светом духовная красота ее души.

– Несомненно, праведница, раба Божия, и молитва ее была сильна пред Господом, в чем не раз я убеждался на самом себе.

В Киеве она появилась еще до революции, но тогда немногие о ней знали. О жизни ее не было известно почти ничего, так как при всякой попытке поговорить с ней она начинала говорить иносказательно, причем разобрать смысл ее речей было совершенно невозможно. Однако, исповедуясь, она всегда ясно и четко называла свои грехи.

Был я в то время настоятелем храма, и было у меня много скорбей в то тяжелое время непрерывных гонений на Церковь Христову. А тут еще и семейное горе: тяжко заболела моя жена. Жизни ее угрожала опасность, необходима была серьезная операция. Погруженный в свои невеселые думы, шел я зимой, утопая в сугробах, в храм на богослужение.

На душе было скорбно и тягостно: я терял мать своих детей, которых сам не смог бы воспитать.

Во мгле вечерних сумерек неожиданно обрисовалась какая-то фигура. Еще немного – и я узнал в этой фигуре Улиньку. Как я обрадовался ей в эту минуту.

– Улинька, родная, помолись, горе у меня большое: жена умирает, дети остаются сиротами!

Улинька вздрогнула, вся как-то сжалась в комок, втянув голову, и через некоторое время уже совершенно разумно ответила:

– Буду молиться. Бог милостив, не оставит сиротами твоих детей.

Дома застал я еще более тревожную картину. Только что был профессор. Состояние больной стало настолько угрожающим, что к утру было решено оперировать. Больная тяжко страдала, не находя облегчения даже от наркотиков. Вы сами понимаете, как мне тяжело было терять близкого человека. Со слезами умолял я Господа пощадить меня и избавить от этого испытания. Как забылся я кратким сном, не помню, только вдруг представился мне так ясно покойный старец Нектарий, а с ним некий Святитель, схожий обликом с приснопамятным владыкой Антонием Воронежским. С воплем бросился я к старцу.

– Батюшка, что же это будет – жена умирает!

Старец слегка отстранил меня рукой: «Ничего, ничего, не бойся». А потом, подойдя к болящей, медленно начертал елеем на ее челе крест.

В ту же минуту я с криком проснулся.

Больная вздохнула: «Как мне легко, спокойно стало», – сказала она.

Утром операция оказалась ненужной.

Радостно спешил я в храм благодарить Господа за столь явное чудо. Подходя к церкви, я увидел, как из-под сугроба на чьей-то могиле вынырнула Улинька и буквально бросилась ко мне:

– Ну как с супругой?

– Чудо, Улинька, чудо! Господь исцелил ее. Ты молилась, Улинька?

– Ну, где мне молиться, – ответила она и забормотала что-то непонятное.

Святой Иоанн Креститель

Молодой иеромонах был назначен из-за нехватки священнослужителей в сельский приход вторым священником. Но еще не умерло в душе иеромонаха влечение к миру и земным радостям. Находило искушение – желание иметь семью.

Однажды его пригласили в одно селение окрестить ребенка, родившегося у молодой пары.

Придя в дом, он стал свидетелем семейного счастья. Заныло, затосковало сердце у молодого иеромонаха и исполнилось зависти к счастью молодой пары. Дух его настолько смутился, что он не посмел совершать Таинство Крещения в таком состоянии.

Под предлогом, что забыл Миро, он отказался крестить и обещал через некоторое время снова прийти или прислать другого священника.

До дома было около трех километров.

В душе иеромонаха бушевала буря.

Взмолился он ко Господу о помощи в искушении и стал горько плакать. Смотрит, идет ему навстречу старец в монашеском одеянии, с изможденным строгим лицом. Поравнявшись с иеромонахом, он остановился и сказал:

– Как ты посмел отказаться от совершения Таинства? Не думай, что твоя душевная и мысленная грязь могут осквернить Святое Таинство Крещения. Вернись немедленно и соверши Таинство.

Сказав так, старец стал невидим.

Молодой иеромонах почувствовал, что это был сам Иоанн Креститель. Пораженный словами и видением, иеромонах тотчас же вернулся, чтобы окрестить младенца.

В душе его не осталось ни тени нечистых помыслов, и он при полном благоговении совершил Таинство Крещения.

Это чудесное явление Иоанна Крестителя и его слова подтверждают мнение Церкви, что недостоинство священнослужителя ни в коей мере не может помешать совершению и великой святости всех Церковных Таинств.

Великомученик Пантелеимон

Чудесное исцеление

В 1920 году у меня заболела рука. Сверху на вене сделалась болячка, которая быстро увеличивалась. Пойду к врачу, там перевяжут, а на другой день снимут бинт – болячка (круглая, как лишай) – больше и глубже. Наконец, врач сказал, что спасения нет: болячка проест жилу и будет заражение крови. Лечить отказался. Что делать? Пошла на Никольскую, в часовню великомученика Пантелеимона... Монах, который там находился, подошел и осторожно спросил меня, какое у меня горе, что я так плачу?

– Батюшка, у меня болит рука, врач отказался лечить и сказал, что я могу скоро умереть.

Он ласково поднял меня, утешил, взял масло из лампады от иконы Матери Божией «Скоропослушницы» и иконы великомученика Пантелеимона, дал с ложечки попить и под бинт на больное место тоже полил масла. И с собой дал пузырек с маслом.

Наутро я сняла бинт – о чудо! Вместо гниющей болячки, которая осталась на салфетке, была розовая свежая кожица. Слезы благодарности и умиления хлынули из моих глаз. Упала я перед иконами и благодарила Бога.

Обновление иконы святого Пантелеимона

На иконе почти не оставалось никакого изображения. Лишь в двух-трех местах виднелись частички облупившейся краски. Практически это была уже просто доска. Судя по всему, XIX века. Бывший владелец за ненадобностью решил отдать ее для написания новой иконы.

Почему-то художница решила, что это был образ великомученика Пантелеимона. Быть может, на такое предположение навел след охры в нижней части иконы. Таким желтым тоном мог быть написан ковчежец – неотъемлемый элемент изображения целителя.

Ничего другого на доске не просматривалось. Кроме, разве что, еще двух розовых пятнышек в верхней части.

Тогда художница решила написать новый образ.

А на следующий день произошло чудо.

После того как свежий левкас, которым покрыли доску, высох, на иконе проступило четкое изображение святого Пантелеимона. Только не в красках, а в виде темного контура с полутенями на светлом фоне. На месте следов охры действительно появился ковчежец, а розовые пятнышки легли как раз на щеки.

Художница принесла икону в храм Илии Пророка в Черкизове. Здесь ее освятили.

Это необыкновенное событие стало поводом для встречи с художницей. Она показала обновившуюся икону. В ответ на вопрос, ездила ли она на поклонение к святым мощам великомученика Пантелеимона, когда их привозили в Москву, она рассказала, что через неделю после последнего поклонения мощам избавилась от болезни почек.

В тот же день ей и принесли эту «доску».

Святая блаженная Ксения

Сразу после освящения храма в честь святой блаженной Ксении Петербургской в 6–м микрорайоне Клина в редакцию «Клина Православного» пришла женщина по имени Людмила и рассказала следующую историю о своем отце.

В 1946 году, когда ему было 14 лет, он поступил работать на кирпичный завод, на дизель. Он был высоким, крепким, мускулистым парнем.

Как-то раз послали его на тракторе возить торф для кирпичного завода с Голиковского болота. Торф грузили пленные немцы.

И вот, в одном месте прицеп завяз в болотной жиже. На другой день вместе с Сережей Никити-

ным из Талиц он приехал на тракторе, захватив трос, чтобы вытащить прицеп из болота. Отец взял трос, положил на прицепное устройство и встал на него ногой – хотел залезть в кабину. А тракторист неожиданно тронулся, трос зацепился за гусеницу, нога попала в петлю, которая потянула ногу между гусеницей и трактором. Отец закричал: «Сережа, стой!», но тот не слышал. Уже падая, отец ударил рукой по спине Сергея, и только тут трактор остановился и дал назад.

Когда он вынул ногу из сапога, в нем было много крови. Ступня была, как вата. Трактористу отец сказал, что дойдет, а до дома в Напругове было шесть километров. Он прошел два шага в горячке и упал. На руках и на коленях пополз к дороге. Был июль месяц, жарко. Когда дополз до дороги, наступил шок. Он потерял сознание от потери крови. Когда очнулся, снял рубашку, обмотал ногу, выбросил. Потом майку. Выбросил. Опять потерял сознание. Когда приходил в сознание, в глазах был туман. Потом пришел в сознание и увидел женщину, идущую в сторону города, стал звать на помощь, плакал, а она испугалась и обошла его стороной. Опять потерял сознание.

Очнулся, когда его тронули за плечо, и сам себе не поверил: стал видеть все вокруг и перестал

ощущать боль. Перед ним стояла небольшого росточка худенькая пожилая женщина в черной длинной юбке, в белом платочке, с узелком и палочкой, немного сутулая, остроносенькая.

Она ничего не говорила, все делала молча. Взяла его на плечи и понесла. Он еще удивился – как она его несет. А она пронесла его немного и показала мимикой, что устала. Отец подумал: немая. На одну ногу он наступать не мог, но боли уже не чувствовал. Мимикой показал ей, чтобы она взяла палочку в обе руки, а он взялся за палочку и на одной ноге прыгал вслед за ней. Так они двигались в сторону Клина, пока навстречу им ни попались подводы. Его положили на одну из них, и хотя они ехали в сторону деревни, по убеждению этой женщины и ее мимике одна из подвод повернула обратно в Клин, а женщина пропала. Больше отец ее не встречал. Когда его привезли в медпункт, прошло семь часов с того момента, как он попал под гусеницу. Ему наложили шину, забинтовали и положили в больницу на три месяца.

До сих пор отец благодарен той женщине. Она спасла ему жизнь, а то умер бы от потери крови. Не спасла бы та старушка отца, не было бы на свете и Людмилы. А вот что было дальше. Купила как-то Людмила Акафист святой бла-

женной Ксении Петербургской. И отец случайно увидел на обложке Акафиста изображение блаженной Ксении. Удивлению его не было предела. «Я, – говорит, – ездил по монастырям и храмам по всей России (он был водителем автобуса – возил людей на экскурсии, в том числе – по святым местам), ставил свечи и просил Господа, чтобы встретить ту старушку и отблагодарить ее. Но нигде ее не встречал. А тут, на картинке, – точно она». Понял отец, кто помог ему. И на Рождество 1998 года впервые по своему желанию пришел в храм, отстоял всю службу и приложился к Кресту.

«И мне, – продолжает Людмила, – блаженная Ксения по жизни очень помогает. Постоянно ощущаю ее присутствие и тепло, от нее исходящее».

ЯВЛЕНИЯ УМЕРШИХ

«Смерть есть к жизни возрожденье»

Мой родной дядя Иван Алексеевич Беляев был по специальности военным врачом. Он был удивительно красив и имел глубокую веру, смирение и кротость. Когда я училась в институте, он навещал меня, приносил гостинцы, говорил со мной на возвышенные темы и вообще одаривал меня, свою племянницу-полусироту (отец мой умер очень рано), отеческим вниманием и заботой.

В 1905 году, во время японской войны, он работал в лазарете. Там же работала молодая медицинская сестра, родственница одного генерала, тоже красавица. Она так сильно влюбилась в моего дядю, что сказала ему:

– Иван Алексеевич, если вы не женитесь на мне, я покончу самоубийством. Жить без вас не могу.

– Да я и не собирался жениться, – ответил он.

– Ну, когда вы скажете мне об этом окончательно, меня не будет в живых.

Услышав о возможности такого трагического исхода, дядя написал письмо своей матери,

моей бабушке. Вот его содержание: «Мамочка, одна работающая со мной в госпитале медицинская сестра так полюбила меня, что сказала мне: если я на ней не женюсь, она покончит с собой. А я жениться совсем не хочу. Посоветуйте же мне, как выйти из такого тяжелого положения». Мать ответила сыну так: «Пожалей ее, Ваня, женись на ней». Свадьба состоялась. Но вот случилась на фронте эпидемия. Иван Алексеевич был назначен в лазарет, где лежали больные с сыпным тифом. Через некоторое время он заразился и умер. Когда это сообщение пришло к горячо любящей его молодой жене, хотя и верующей, но еще не углубленной в молитву и не познавшей Промысла Божия, она впала в отчаяние и уныние.

Сидит она как-то в комнате и вдруг видит: входит ее дорогой Ваня. Она, от радости позабыв, что он умер, вскочила.

Смотрит, он подошел к столу, взял карандаш, но держит его не так, как мы, а вертикально, пишет. Еще миг – и он исчез.

Жена схватила листок с написанным...

– Его дорогой почерк, он был у меня, я его видела. О, Боже, благодарю Тебя.

Вот что он написал: «Смерть есть к жизни возрожденье, к жизни той, где смерти нет».

До сей поры эту записочку, написанную ее мужем, явившимся после смерти, она бережет как святыню. Вера ее окрепла и углубилась.

«Есть, есть, есть!»

 Москве жили в период гражданской войны две сестры, Ирина и Настя. В их квартире жила еще их приятельница Надежда. Последняя была нетверда в вере.

Настя ушла на фронт медсестрой. Там она заболела сыпным тифом и умерла.

Когда Ирина и Надежда получили горестное известие, у Надежды возникли мысли: «Вот если бы пришла ко мне Настя и сказала, есть ли что в том мире, я бы уверовала».

И в эту ночь Ирина видит во сне покойную Настю, которая говорит ей:

– Скажи Надежде: «Есть, есть, есть!»

Затем Настя исчезла.

Проснувшись, Ирина недоумевала: «Что они значат, эти непонятные слова?» Когда она передала Надежде содержание своего сна, та побледнела: она получила от Насти ответ на свой вопрос.

По мудрому Промыслу Божию Настя явилась не Надежде, а Ирине, которая не знала мыслей Надежды. Это утвердило Надежду в том, что был

сон не случайным, а был прямым ответом на ее мысли, о которых не знал никто из живущих.

Рассказ отца Георгия

Я тогда был игуменом Мценского монастыря. По делам мне частенько приходилось бывать в Калуге. В один из таких приездов иду я по улице и вижу: возле большого хорошего дома стоит женщина в небрежно накинутом теплом платке, лицо бледное, и такая скорбь на нем, что я сразу со вниманием воззрился на нее, а она мне говорит:

– Батюшка, муж умирает, отойти от него далеко не могу, а его напутствовать скорее надо. Не откажите, прошу вас, зайдите к нам.

На счастье, у меня были с собой Святые Дары. Ввела она меня в дом, посмотрел я на ее мужа: совсем плох, недолго протянет. Исповедал его и причастил. Он – в полной памяти, благодарил меня со слезами, а потом сказал:

– Горе у меня большое. Я ведь купец, но подошло такое дело, что дом пришлось заложить, а выкупить не на что, и его через два дня с аукциона продавать будут. Вот теперь умираю, а семья неустроенной остается.

Жаль мне его стало.

– Не горюйте, – говорю, – может быть, Господь даст, и я вам как-нибудь помочь сумею.

А сам скорее вышел от купца да на телеграф: вызвал к себе в гостиницу одного своего духовного сына, тоже купца.

Тот вечером уже у меня в номере сидел, смекнул в чем дело и, когда был аукцион по продаже дома, сумел нагнать на него цену до тридцати пяти тысяч. Дом купил город, из полученных денег семь тысяч пошло на погашение залога, а восемнадцать тысяч внесли в банк на имя умирающего купца.

Тут уж я с отъездом в монастырь задержался и после всех денежных операций пошел к больному рассказать об удачном окончании дела. Он был еще жив... Благодарил меня, что я спас его семью от нищеты, а к вечеру умер... Хоронить его я не остался, а поспешил в обитель и за разными событиями о нем забыл.

Прошло несколько лет. Отгремела революция. Многих советская власть сжила со свету за веру. Взяли и меня.

Как-то ночью подошел ко мне тюремный сторож и шепнул:

– Готовьтесь, батюшка, сегодня я получил на всех вас список, ночью увезут.

Я передал своим соузникам слова сторожа. Нужно ли говорить, что поднялось в душе каж-

дого из нас? Хоть мы и знали, что осуждены на смерть, но она все стояла за порогом, а теперь собиралась его переступить.

Не имея сил оставаться в камере, я надел епитрахиль и пошел в глухой, без окон коридор помолиться. Я молился и плакал так, как никогда в жизни, слезы были до того обильны, что насквозь промочили шелковую вышивку на епитрахили, она слиняла и растеклась разноцветными разводами.

Вдруг я увидел подле себя незнакомого человека, он участливо смотрел на меня, а потом сказал:

– Не плачьте, батюшка, вас не расстреляют.

– А вы кто? – удивился я.

– Вы, батюшка, меня забыли, а у нас здесь добрые дела не забывают, – ответил человек. – Я тот самый купец, которого вы в Калуге перед смертью напутствовали.

И только этот купец из глаз моих ушел, как вижу, что в каменной стене коридора брешь образовалась, и я через нее увидел опушку леса, а над ней в воздухе – свою покойную мать. Она кивнула и сказала:

– Да, Егорушка, вас не расстреляют, а через десять лет мы с тобой увидимся.

Видение окончилось, я снова очутился подле глухой стены, но в душе моей была Пасха. Я поспешил в камеру и сказал:

– Дорогие мои, благодарите Бога, нас не расстреляют, верьте словам священника (я понял, что и купец, и матушка говорили про всех нас).

Великая скорбь в нашей камере сменилась неудержимой радостью. Мне поверили: кто целовал мои руки, кто плечи... Мы знали, что будем жить.

Прошла ночь, а на рассвете нас перевели в пересыльную тюрьму.

Оттуда я попал в Б-и, а вскоре по амнистии был освобожден и жил последние годы при Даниловском монастыре. Шестеро моих соузников стали моими духовными детьми.

Явление умершего Мичурину

Я жил в одном городе со знаменитым И. В. Мичуриным и заверяю достоверность нижеописанного явления. Это случилось летом во время Первой мировой войны. Иван Васильевич жил тогда в домике, окруженном большим фруктовым садом. Была уже ночь, и в саду были спущены цепные собаки. Послышался стук в дверь. Мичурин, удивленный поздним приходом и тем, что гостя пропустили собаки, подошел к двери:

– Кто там?

– Это я, Федор. Отвори, Иван Васильевич.

Иван Васильевич узнал голос знакомого ему Федора, ушедшего на войну, и отпер дверь.

Перед ним стоял Федор в солдатской шинели.

– У меня к тебе просьба, Иван Васильевич. Прошу тебя сходить к моим родным и сказать им, что меня сегодня убили на войне. Я пришел было туда, да меня к ним не пустили. Сходи к ним и скажи, чтобы они не тосковали и не печалились обо мне.

После этого Федор стал невидим. Придя в себя после случившегося, Иван Васильевич пошел к родным Федора, но они не поверили ему.

Однако не прошло и недели, как они получили официальное сообщение о том, что сын их Федор убит на фронте. Датой его смерти указывался как раз тот день, когда его душа являлась И. В. Мичурину.

Девочка в розовом платьице

В начале этого столетия в Москве жил популярный профессор хирург Владимир Николаевич Розанов.

Шел прием больных у него на дому. После ухода очередного больного в кабинет вошла девочка десяти-двенадцати лет в розовом платьице с бантом на голове.

– Доктор, – обратилась она к В. Н., – с моей мамой очень плохо, она нуждается в немедленной помощи. Я очень прошу вас тотчас же пойти... – и девочка сообщила свой адрес.

В. Н. был удивлен и необычным нарядом девочки, и той настойчивостью, с которой она просила немедленно посетить ее мать. Он пообещал тотчас же прийти, и девочка удалилась.

Выйдя из кабинета, В. Н. сказал ожидающим в приемной больным, чтобы они подождали его, так как ему срочно надо идти к матери той девочки, которая только что была у него.

– Какой девочки? – удивились больные. – Никто не входил и не выходил из вашего кабинета, и мы дивились, с кем вы разговаривали.

В. Н. был еще более удивлен этими словами и поспешил отправиться по адресу, указанному девочкой. В квартире он застал смятение.

– Доктор, как хорошо, что вы пришли. Кто вам сообщил, что вы нам так нужны? – удивились обитатели этой квартиры.

Они привели его в зал, где находилась женщина в глубоком обмороке, почти без признаков жизни...

А на столе лежала покойница – девочка в розовом платьице с бантом в волосах, с которой Владимир Николаевич только что беседовал в своем кабинете...

Посрамленный атеист

Во время гражданской войны нам с мужем пришлось долгое время прожить в Сочи. Там мы близко познакомились с одним врачом, сослуживцем мужа и убежденным атеистом.

После возвращения в Москву муж мой вскоре умер. После его смерти я получила письмо от нашего знакомого врача из Сочи, которое содержало описание следующего случая.

«Рано утром такого-то числа и месяца я шел на службу. Взойдя на мостик через речку, в овраге я увидел, что с другого берега на мостик входит ваш муж. Я был очень удивлен, увидев его и зная, что он теперь в Москве. Но затем я подумал, что, видно, он опять приехал зачем-то в Сочи.

Я снял шляпу и издалека стал приветствовать его. Мы постепенно сближались. Вдруг что-то постороннее отвлекло мое внимание, а в следующий момент я уже не видел вашего мужа.

Я был поражен этим явлением. Ведь я был совершенно здоров, трезв, в твердой памяти и уме. Вместе с тем с полной очевидностью могу заверить, что видел воочию вашего мужа. Прошу вас сообщить мне, здоров ли он?»

То утро и число, когда врач-атеист имел видение, были днем и часом смерти моего мужа.

«Мама, вы же умерли...»

Мой отец, доктор медицинских наук С. В. В., рассказывал нам, своим детям, следующий интересный случай из своей жизни.

– Я учился в университете стипендиатом. У мамы было восемнадцать детей. Отец был «не от мира сего» – мы жили бедно. По окончании университета меня загнали, как говорится, в медвежий угол – отрабатывать стипендию в местности, где свирепствовал сыпной тиф.

В это время смертельно заболела моя мать. Я получил об этом телеграмму, но меня домой не пустили.

У постели умирающей матери почти все время сидела моя старшая сестра Таня, которая была уже невестой.

Мать обратилась к дочери с просьбой:

– Танечка, похорони меня, родная, в моем венчальном платье. Оно освященное. В нем я в церкви венчалась, в нем же и в гроб хочу лечь.

Дочь зарыдала:

– Мамочка, не умирайте, я невеста, а у меня столько младших братьев и сестер.

– Такова воля Божия, не горюй, Господь поможет, исполни же мою просьбу о платье.

– О, не сомневайтесь, все исполню, как вы сказали.

Через несколько дней мама скончалась. Мне опять прислали телеграмму, но из-за усиливавшейся эпидемии сыпного тифа меня опять не отпустили домой.

Я попал домой только через два месяца. Иду по нашему садику. Лето, солнце светит, два часа дня. Иду и думаю: как-то Таня справляется с хозяйством, слушаются ли ее младшие? Как-то отец? Трудно ему теперь: здоровьем он слаб и средства наши малые. А о маме в эти минуты я как-то и не думал.

Вдруг вижу: прямо ко мне по дорожке идет моя мама. Что это – галлюцинация, иллюзия? Я хлопнул себя по лбу. Нет, живая и приближается ко мне. Остался один шаг – я остановился в изумлении, а мама заговорила:

– Сережа...

– Мама, вы же умерли...

– Это ничего не значит, Сережа, я теперь более живая, нежели тогда, когда была с вами. Я не просто к тебе явилась – Господь разрешил мне это. Мне очень жаль Таню. Не исполнила она моего последнего желания, хотя и обещала исполнить: не похо-

ронила меня в моем венчальном платье. Жаль ей его стало. Скажи ей, Сереженька, чтобы сегодня же платье было отдано нищему. Не думай, что я нуждаюсь в этом платье. Там одевают каждого по-разному, в зависимости от нашей веры и добродетелей.

– Мама, какое платье, не понимаю? Вы умерли, а я живую вижу вас. Я, наверно, с ума сошел.

– Не беспокойся, Сережа, не волнуйся, ведь я жива, умерло только тело мое, да и то временно, до общего воскресения. А насчет платья тебе сама Таня расскажет, только ты передай ей наш разговор. Скажи ей, что я прощаю ее, только платье пусть сегодня же будет отдано нищим.

Ласково взглянув на меня, мать перекрестила меня большим крестом и еще сказала:

– Вот возмужаешь Сережа, женишься, дети будут, воспитай их в вере христианской, в любви к Церкви христианской. Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец.

Еще раз перекрестила меня и стала невидима.

Я, взволнованный, вошел в квартиру и поспешил к Тане.

– Таня, сестричка моя, я сейчас видел маму, живую маму, говорил с ней.

– Как живую? Как говорил? Наверно, ты во сне видел мамочку? Не волнуйся, и я ее два раза во сне видела.

– Да нет, Таня, не во сне, а наяву. Вот сейчас, здесь, в нашем саду на дорожке, и встретил ее. И вот что меня удивило: она сказала, что ты не исполнила ее желания – не положила ее в гроб в венчальном платье, а одела другое. Неужели это было так, Танечка?

Таня побледнела и заплакала:

– Да, Сережа, пожалела я класть в гроб это платье. Оно шелковое, я – невеста, а мы – ты сам знаешь, как бедны. Вот я и одела маму в ее новое сатиновое платье. И никто, кроме меня, не знал, что мама наказала мне одеть ее в венчальный наряд. О, как поражает меня то, что она сама с того света явилась тебе и сказала об этом.

– И не только об этом, Танечка, но велела передать тебе, что беспокоится о душе твоей, что ты нехорошо сделала: дав обещание умирающей матери исполнить ее последнюю просьбу, пожалела платье.

Таня горько зарыдала:

– Виновата я, Сережа, виновата.

– Не плачь. Мамочка еще велела сказать тебе, что прощает тебя. Но чтобы ее венчальное платье сегодня же было отдано нищим.

Она, видимо, несколько успокоилась, узнав, что мать ее простила, и с горячностью сказала:

– Да как же, Сереженька, отдадим мы платье нищим? Ни один нищий к нам не заходит, все вокруг

знают, как мы сейчас бедны. Отец болеет. Мы в долгах, я едва справляюсь с хозяйством и с сиротами.

– Нет, Таня, если мама распорядилась сегодня же отдать ее наряд нищим, значит, придет к нам какой-нибудь бедняк. Вынимай из сундука мамино венчальное платье.

Таня вынула платье и положила на стол.

Не прошло и двух часов, как раздался стук в калитку садика. Вошел старичок и со слезами на глазах сказал:

– Пожертвуйте, ради Христа, на бедную невесту что-нибудь из одежды. Не во что ее одеть, чтобы венчать. Правнучка она моя.

Сейчас же нищему было отдано венчальное платье нашей мамы.

«Маленькая, Бог есть»

Вот что рассказала одна пожилая женщина: «Мы с мужем не были тверды в вере, хотя и допускали существование Бога. Мы дали друг другу обещание, что если кто умрет первый, то явится по смерти и скажет, есть ли Бог.

Мой муж умер первым.

Однажды днем я сидела одна в своей комнате в полном сознании. Вдруг отворяется дверь и ко мне подходит покойный муж.

– Маленькая (так всегда звал он меня при жизни за мой малый рост), Бог есть.

И стал невидим».

Можно часто услышать о подобных случаях, когда при жизни дается обещание проявить себя как-то после смерти. Обычно это действительно имеет место. Можно думать, что умершая душа чувствует себя как бы связанной данным при жизни обещанием и не может успокоиться до тех пор, пока его не выполнит. Снисходя к тревоге покинувшей тело души, Господь Бог по Своей неизреченной милости дает ей возможность исполнить обещанное.

В пасхальную ночь

В апреле 1942 года я поехала в Углич по вызову своего больного отца. Мать моя была в Казани. В ночь с четвертого на пятое апреля я была на Пасхальной службе. С восьми часов вечера и до двенадцати я читала «Деяния святых Апостолов» всем, ожидающим заутрени. Наконец батюшка просил всех выйти из храма на крестный ход, хотя со свечками ходить было нельзя из-за затемнения.

Все вышли, а я осталась, рядом никого не было. В притворе священник провозгласил:

«Христос Воскресе», и тотчас же рядом со мной голос моей матери сказал: «Христос Воскресе».

Я узнала сразу, что это ее голос, и быстро оглянулась, не успев осмыслить происходящего... Я хотела ее увидеть, но никого рядом не было.

Через неделю я вернулась в Москву и запросила знакомых о моей матери. Официально из больницы мне было сообщено, что моя мать скончалась в ночь на пятое апреля 1942 года, то есть на Пасху.

«Залезай сюда к нам»

У моей подруги умер сын четырех лет. За несколько дней до смерти он стал просить мать пойти в церковь. Они и раньше ходили, но тут он очень настойчиво стал просить, и они несколько дней подряд ходили в Елоховский собор в Москве. Как ни придут, он так радуется: «Ах, как хорошо, как хорошо!» После его смерти мать его очень страдала. Прошел месяц или два, и ее дочь, которой всего два года, стала вдруг иногда говорить: «Мама, а вот и Алеша пришел, не плачь». Однажды мать с дочерью сидели на кровати и играли, вдруг дочь сказала, прервав игру: «Алеша, ну залезай сюда к нам, так же удобнее играть».

Сейчас Таня с детьми (у нее еще потом родился ребенок) постоянно ходит в храм.

Благословеніе детей

ДЕТИ И ИХ ВЕРА

Таинство Крещения – великое Таинство. Сколько раз мы убеждались в этом! Мне доводилось видеть духовное и телесное оздоровление детей после Таинства Крещения. Хочу поделиться и с вами, дорогие читатели.

Моя внучка Сашенька в возрасте четырех месяцев попала в больницу с целым «букетом» болезней. Крестить мы ее не успели: то одно, то другое. Я сама была с ней в больнице. Пробыли там месяц, а когда выписали Сашу, то мы с ней поехали в Тверь к родным. Там есть врачи знакомые. Да и по ряду других обстоятельств там было проще. Привезла я Сашу очень слабенькую, худенькую, бледную, с грустными глазками.

В тот же день пришли сестра с мужем. Муж сестры – священник в Твери. Он сразу сказал, что срочно крестить надо, нельзя тянуть ни дня. Я еще про себя подумала: «Куда ее, такую слабенькую? Может, попозже?» Но промолчала. В восемь утра следующего дня отец Михаил уже был у нас. Мы собрались в большой комнате: мои тетя и бабушка, другая сестра (она стала крестной), двое племянников. Так хорошо было! Торжественно!

Прошло несколько дней, и врач, придя к нам, удивилась: «Как изменилась девочка! Посвежела, потяжелела, стала веселенькая!» И правда, Сашенька на глазах менялась. Наливалась силами и здоровьем, как яблочко.

Примерно через две недели после крестин приехала навестить нас младшая моя дочь, тетя Сашеньки, и мы стояли у кроватки девочки и разговаривали. И вот, дочь дала малышке иконку Спасителя: «Смотри, Саша, это – Бог». И пятимесячный ребенок, который еще не очень реагировал на игрушки или какие-то предметы, протягивает ручки и совершенно сознательно берет иконку, держит ее перед собой и улыбается! Что это была за улыбка! Радостно, счастливо улыбалась Сашенька, будто увидела кого-то очень родного. Потом она вытянула губки и положила иконку на них, а ручки опустила и стала вдыхать, будто это было благовоние какое. Мы с дочерью замерли. А потом побежали за бабушкой. Она тоже очень удивилась, потом сказала: «Чистая душа ребенка видит своего Творца». Это продолжалось минут пять-шесть.

Мы прожили в Твери три месяца. За это время крестилась моя старшая дочь, мать Саши, человек с замкнутым и тяжелым характером. Может быть, потому, что мы не крестили ее в детстве, ей при-

шлось пережить личные неудачи тяжелее, болезненнее, чем могло бы быть. Ведь некрещеный человек не защищен. Мы долго уговаривали ее креститься, но она никак не хотела. А тут вдруг приезжает и просит отца Михаила окрестить ее. После Крещения она очень изменилась: стала мягче, добрее к людям, и в первую очередь к своему ребенку, от которого перед этим почти отказалась.

Теперь у Сашеньки есть любящая и заботливая мама, а сама Саша в свои полтора года – крепенькая, хорошо развитая, веселая девочка.

Из книги Митрополита
Вениамина (Федченкова).
О вере, неверии и сомнении.

Один трехлетний ребенок долго мучается коклюшем. Перед сном говорит бабушке:

– Бабушка! Если ты во сне увидишь Ангелов, скажи им, чтобы у меня перестал кашель: я очень устал!

* * *

Другая бабушка, приехав навестить умиравшую в Париже от чахотки дочь, рассказывала мне про внучка Алешеньку:

– Дочь-то моя вышла замуж за комиссара. Он не велел даже и упоминать о Боге. А у

меня на груди крест висел, Алешенька-то и увидал.

– Бабушка! Это что такое у тебя?

– Часы, – говорю, – милый мой!

Он послушал: не тикают. Не поверил. А все же в колокол-то по праздникам звонили. Уж не знаю откуда, но все же он узнал о Боге. И один раз говорит мне:

– Бабуся! Понеси меня в церковь; я один раз, только один раз посмотрю на Боженьку – и больше не буду.

* * *

Нередко в самую раннюю пору дети путают священника с Богом. В Болгарии мне встретился четырехлетний ребенок, побежал к отцу в лавочку и громко закричал: «Бог, Бог идет!» Я дал ему на гостинец.

В Нью-Йорке негритянский мальчик спросил меня по-английски:

– Ты – Бог?

– Нет.

– Кто же ты? Божия Матерь?

* * *

Совсем малое дитя привели в храм. Когда вернулись домой, спрашивают его:

– Ну, что ты видел в церкви?

– Пришел Боженька, напустил дыму нам (из кадила) и ушел.

* * *

Вспомнил и про более взрослых кадетов Донского корпуса (в городе Билече, в Югославии). Говели по группам (две-три роты-класса). Однажды после причащения пришли ко мне двое юношей, лет уже по шестнадцать-семнадцать... Чистые, красивые. Постучались. Впустил.

– Что вы пришли? – спрашиваю.

– Та-ак!

Сели. Молчим... Они сидят тихие...

– Ну, как себя чувствуете? – спрашиваю.

– Хорошо-о! – отвечает один. Другой добавил:

– Будто под Пасху!

Еще помолчали. И мне было радостно сидеть с ними. Потом один говорит задумчиво:

– И подумать только: за что Бог дал эту радость нам!.. Только за то, что мы исповедались...

Посидели и ушли. А у меня осталось впечатление, будто у меня были настоящие Ангелы... И сейчас вспоминать о них радостно.

* * *

Другой кадет из того же корпуса, умненький юноша, «первый ученик» в роте, после причащения сказал мне, что он вдруг

почувствовал себя таким физически легким – «что весу стало меньше во мне»...

* * *

В Симферополе в семье Р-х умирал трехлетний любимец. Родители плачут. А он говорит им: «Домой, домой ухожу».

* * *

Граф А-н, в присутствии членов Синода в 1920 году в Херсонском монастыре рассказал о своих девочках (Марфиньке и, кажется, Наденьке) следующее:

«Они уже были в постельках. Я по обычаю вошел к ним в спальню, чтобы на ночь перекрестить их. Двери отворились бесшумно. Слышу их разговор:

– А как ты думаешь: они ныне придут к нам? – говорит одна.

– Я думаю, придут...

О ком это они? О родителях, что ли? Спрашиваю:

– Кого вы ждете еще? Кто – придут?

– Ангелы, – просто ответили они.

– Какие Ангелы?

– Беленькие, с крылышками.

– Они к вам ходят?

– Да.

Я больше ни о чем не спрашивал. Молча перекрестил и со слезами радости вышел».

Жена у него тоже – святая, из рода князей Барятинских... Смиренница была... И чистая... И верующая душа...

Лишилась всего, но никогда не роптала не только на Бога, но даже и на большевиков... Святые были и из аристократов, а не только из простого народа...

* * *

Об Ангелах еще припоминаю рассказ епископа Тихона (тогда еще архимандрита) (Тищенко), бывшего настоятеля Берлинской русской церкви. В 1923 году я был приглашен читать лекцию на съезде христианской молодежи в городке Фалькенберге, недалеко от Берлина. Был и архимандрит Тихон. Он был очень образованным богословом, инспектором в Киевской Духовной академии, магистром. Происходил из крестьянской семьи, из города Белая Церковь. У них была большая семья: человек семь детей. Младшенькая, Мария, опасно заболела. После нескольких бессонных ночей мать, положив дитя возле себя на кровать, заснула. А мальчик – тогда еще Тимофей – сидел у окна.

– Мне было лет семь. Вдруг я увидел Ангела с Манькой на руках и закричал: «Мамо! мамо!

Маньку взяли, Маньку взяли!» Мать проснулась: «Что ты кричишь?» – «Да Маньку взяли!» – «Кто взял?» – бросилась она смотреть больное дитя. «Ангел взял. Я видел». Мать взяла Марию, но она уже была мертва.

Архимандрит Тихон сообщил мне, что и он видел Ангела белым и с крыльями.

* * *

Вечером укладывают спать малютку С., а перед этим его постельку передвинули на иное место; иконочку же висевшую над ней, оставили на прежнем месте. Он заметил это и говорит бабушке: «Ты мне иконочку-то (явление Божией Матери Преподобному Сергию) дай! А то без нее, Бог знает, что может случиться!»

Малютка положил иконочку на подушку и скоро мирно заснул. Ему было около четырех лет.

* * *

Деревенские дети, в отсутствие уехавших в город родителей, взяли из погреба крынку со сметаной и решили полакомиться. Поставили на стол, нарезали хлеба. По обычаю сначала хотели помолиться, но им было стыдно: они совершили кражу (хоть и у себя, но без воли родителей). Тогда кто-то из них дога-

дался: взяли полотенце и завесили иконы: «Чтобы Боженька не видел». Полакомились... Убрали со стола. А про полотенце и забыли. Скоро в избу вошел работник. Он сразу обратил внимание на завешенные иконы. Начал допрашивать детей, и те вынуждены были сознаться. Жива вера у детей! Недаром и нам велел Христос уподобиться детям...

ВЫСОТА ХРИСТИАНСКОГО ДУХА

Старик Ираклий

Старик Ираклий сидел на плетеном стуле у порога своего дома. Эта привычка сидеть по вечерам во дворе дома и созерцать окружающий мир, вспоминать прошлое появилась у него в последние годы. Слабые порывы теплого ветра доносили запахи осенних трав и последних цветов, ласково касались лица, шевелили седые волосы. На еще светлом небе появились первые звезды. Да, жизнь прошла! Много в ней было всего, очень много. Старик Ираклий перебирал дни своей жизни, как четки. Он старался дать оценку уже отшумевшим делам, раскаивался в дурном, горевал о том, что можно было сделать хорошего. И благодарил, благодарил Бога за все. Да, скоро, очень скоро он будет больше давать Ему отчет.

Последнее время старика стала преследовать мысль, что, возможно, не все было сделано им в этой жизни, что, может быть, можно еще успеть сделать то, что он упустил. Вот и сейчас, сидя у порога своего дома и глядя на темнеющее небо,

он мысленно обращался к Нему: «У меня была прекрасная жизнь. Были силы, здоровье, удаль и красота. Я имел разум стараться не делать зла, старался жить по Твоим законам. Меня окружали верные друзья. Я вырастил красавца сына. Это был Твой подарок мне под конец моих дней. Ты дал мне наследника тогда, когда я уже думал, что покину этот мир, оставив свой дом пустым. Скоро я увижу Тебя. Но мне кажется, что что-то очень важное мною не сделано. Что? Подскажи мне. Я хочу уйти, сделав все, что мне по силам».

Размышления старика были прерваны цокотом копыт по дороге. Кто-то летел во весь опор. И вот перед изгородью на взмыленном коне появился всадник. «Отец, спрячь меня. За мной гонятся. Я погибну», – задыхаясь, произнес незнакомец.

Старик спрятал гостя и его коня в сарае за домом. И не успел он прикрыть двери сарая, как его вновь окликнули. За изгородью было несколько всадников, они взволнованно переговаривались. Один из них обратился к старику: «Отец, ты никого не видел? Мы преследуем одного человека. Он негодяй».

«Нет», – ответил старик.

Всадники умчались, и опять мир окутала тишина. Уже совсем стемнело. Ираклий не спешил ухо-

дить, хотя вместе с наступающей ночью пришла прохлада. Он очень любил эти часы, когда мир затихал и становилось слышно дыхание Бога. Но в этот вечер насладиться тишиной ему не пришлось.

На дороге послышался скрип колес, шаги многих людей и тревожные голоса. «Что-то случилось!» – подумал старик, и тревога охватила его. Он поднялся и подошел к изгороди: изо всех сил он пытался вглядеться в ночь. Тревога усиливалась, и старик вышел на дорогу. «Почему мне так тревожно? – подумалось ему. – Это, наверное, наши возвращаются с праздника». В кромешной тьме южной ночи он ничего не мог разглядеть, да и люди были еще далеко. Просто в тишине звуки далеко слышны. Но старику казалось, что это многими голосами говорит беда и что ног у нее тоже много. Шествие остановилось прямо перед ним. Впереди шел Нугзар. Когда-то в детстве они вместе бегали купаться на реку, были заводилами всех ребят села. Теперь Нугзар был такой же седой, как Ираклий. И теперь он был вестник беды для своего друга детства. Когда-то они вместе ушли на фронт, воевали в одном полку и вместе вернулись в село. Много они видели страшного в ту войну. Но сейчас было страшнее. И сжав руки друга, Нугзар, задыхаясь, произнес: «Ираклий, Томаз убит».

Нет, не заплакал старик Ираклий. Не закричал, не застонал. Он медленно подошел к телеге и долго вглядывался в спокойное лицо сына. Он вырастил его один. Жена умерла, когда ребенку было два года. Сам Ираклий был уже далеко не молод. Родных у него не было. Они были два самых близких друг другу человека. И вот теперь....

«Господи! Господи!» – прошептал старик и упал, обняв тело сына.

Три дня прошли как во сне. Похороны, поминки. Односельчане говорили, что на празднике в соседнем селе Томаз посмеялся над конем юноши из дальнего села. Юноша тот остался сиротой несколько лет назад, а конь этот был памятью об отце. Парень ушел, а потом вернулся с оружием и застрелил Томаза. Убийцу искали и не нашли.

Все закончилось. И старик остался один в своем доме. И опять вечером он сидел у крыльца и смотрел на окружающий его мир, но теперь из глаз его текли слезы. И вдруг он вспомнил о том человеке в сарае. Вспомнил и понял, кто это. Медленно вошел Ираклий в дом и долго смотрел на старинное оружие, развешанное на стене. Это была память об отце и деде. А потом также медленно он вышел из дома и пошел к сараю. Когда Ираклий открыл сарай, то увидел огромные испу-

ганные глаза ребенка. Худенькая фигурка скорчилась в углу. С ужасом и тоской мальчик смотрел на старика. За три дня он, сидя в сарае, слышал и похоронную музыку, и плач, и разговоры. Он понял, в чьем доме находится и ждал расплаты. Старик Ираклий помолчал, а потом тихо сказал: «Выходи». И ушел. Мальчик выбрался из сарая и подошел к старику. «Прости, отец. Я виноват. Я сам пойду в милицию и все расскажу», – обратился он к Ираклию. Не глядя на мальчика, старик провел его в дом и велел поесть и выпить вино, помянув Томаза. А потом, все также не глядя, спросил, кто он, сколько ему лет, с кем живет.

Оказалось, что парнишке 16 лет. Несколько лет назад погиб в горах отец, мать умерла раньше. Он – один как перст. Ни родных, никого. Только пятилетняя сестренка, которую он растит. Работает в совхозе. Конь был памятью об отце, которого он обожал, а Томаз грубо посмеялся, назвав коня клячей. Он, конечно, не прав и пойдет сейчас же в милицию. Старик молчал, долго молчал. Наконец, медленно, ворочая слова как камни, сказал: «Сейчас стемнеет и ты поедешь домой. Постарайся, чтобы тебя никто не видел. Привезешь девочку ко мне. А сам спрячешься на время, пока люди все забудут». Старик помолчал и продолжал: «Я покажу тебе, где спрятаться».

Старик замолчал, а мальчик, боясь пошевелиться, стоял рядом и смотрел на него. «Господи, помоги мне», – прошептал Ираклий, подняв глаза к звездному небу и наконец посмотрел на худенького, дрожащего паренька. «А когда все успокоится, ты придешь к нам, сынок...»

– Так это был старик Ираклий? А девочка – сестра того паренька? – наперебой спрашивали мы проводника. – А почему ты не предупредил, что заедем к нему?

– Он не любит, когда его рассматривают, хвалят, начинают расспрашивать, – отвечал проводник.

– А где тот паренек?

– Он учится в техникуме, в городе. Постоянно навещает Ираклия и сестру.

Спутники мои обсуждали, ахали, восхищались. А я вспоминала голубые ласковые глаза старика, улыбку и маленькую девчушку, не отходившую от него ни на шаг. Я еще тогда подумала: какой мир и покой, какая любовь в этой семье.

Теперь же я думала о другом. Как часто под конец жизни нас мучает то, что мы не все сделали. Как будто в картине нашей жизни не хватает некоего штриха, мазка. И как мучительно ищем мы краски, чтобы положить последний штрих. И часто не найдя, так и уходим с сознанием незавершен-

ности. Старик Ираклий оказался мудр. Он спросил совета у Главного Критика наших полотен.

Летний ветер, наполненный ароматами трав и цветов, солнечным теплом и отблесками небесной синевы, пением птиц, шорохами и вздохами мира, обнимал нас за плечи, трепал волосы, ласкал лица. Главный Художник продолжал писать Свое великое полотно.

«Возьмите меня в заложники...»

Вечером в магазине исправительно-трудовой колонии в городе Плавске Тульской области работали две женщины: продавец и бухгалтер. Перед самым концом рабочего дня в магазин ворвались двое осужденных, вооруженных заточками, и захватили женщин в заложницы. Бандиты требовали передать им два автомата, гранаты и предоставить автобус для выезда из колонии. В случае невыполнения требований угрожали убить заложниц. Для этого они приготовили найденные в магазине ножи и соорудили виселицу. Переговоры с начальством не увенчались успехом. Узнав о случившимся, на место происшествия приехал священник и... попросил допустить его к бандитам...

Чтобы не томить читателя, скажу, что в конце концов пришлось пойти на крайнюю меру – штурм магазина; заложницы были освобождены, бандиты уничтожены, жертв среди сотрудников колонии и группы захвата не было. Однако речь сейчас о другом. О том, что участвовавший в переговорах священник, отец Василий Захаров, предложил взять в заложники себя вместо одной из женщин, которая была беременна...

Вот что рассказывает сам отец Василий: «Я пытался спасти пять жизней: заложниц, еще не родившегося младенца и самих преступников, но удалось спасти только три. До сих пор эти ребята стоят у меня перед глазами. Они в тот момент утратили все человеческое. Мы с отцом Ефремом – иеромонахом, пришедшим вместе со мной, уговаривали их, использовали все свое красноречие, вспоминали все новые и новые примеры из Священного Писания, житий святых, рассказывали о том, как грешники, разбойники и убийцы обращались к Богу, каялись – и становились праведниками. Но до этих душ невозможно было докричаться. Теперь мы можем лишь молиться об их спасении. И вы знаете, кто это сделал первым? Та беременная женщина, Жанна, над которой они издевались, то угрожая прирезать, то заставляя выпить с ними водки.

Она пришла ко мне в церковь, поставила свечки, заказала панихиду о упокоении своих мучителей. Потом я крестил ее сына. Здоровенький родился мальчик. Не чудо ли это? Ведь после такого нервного потрясения могло случиться все, что угодно. Не награда ли это Жанне за ее молитву, за то, что она по-христиански врагов своих не возненавидела? Другая же женщина после этого два месяца пролежала в больнице.

Когда мы предложили себя в заложники, иеромонах Ефрем сказал мне: «Останьтесь. Лучше я один пойду. У вас семья, дочка трехлетняя». Я не согласился. Почему-то совсем не было страха. Может быть, потому, что моя жена вместе с псаломщицей все это время, всю ночь молилась за нас в храме. Помню только, что в душе у меня отчетливо звучали слова: «Нет любви больше той, аще кто душу свою положит за други своя». Верилось, что Господь нас сохранит. Ну а если нет, мы были готовы и смерть принять...»

Слава Богу, отец Василий и отец Ефрем живы. Преступники не согласились на их предложение. Но и по сей день батюшка не может избавиться от мучительного ощущения вины: не удалось спасти заблудшие души...

КОМПАС ДУХОВНЫЙ

Вместо послесловия

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААК СИРИН О ЧУДЕСАХ И ЗНАМЕНИЯХ

...Господь – во всякое время близкий заступник к святым Своим; но без нужды не являет силы Своей каким-либо явным делом и знамением чувственным, чтоб заступление Его не сделалось как бы обычным для нас, чтоб мы не утратили должного благоговения к Нему, и оно не послужило для нас причиною вреда. Так поступает Он, промышляя о святых: Он попускает им во всяком обстоятельстве явить подвиг, соответствующий силе их, и потрудиться в молитве; вместе с тем показывает им, что ниже на час прекращается его тайное попечение о них. Если же обстоятельство затруднительностию своею превышает меру разума их, если они изнемогут и не будут в состоянии действовать по естественному недостаточеству своему, то Сам совершает нужное к вспоможению их, по величеству державы Своей, как должно, и как Он ведает. Он укрепляет их по возможности тайно, влагая в них силу к преодолению скорби их. Он разрешает запутанную скорбь разумом, который дарует из

Себя, и уразумением Промысла Своего возбуждает их к славословию, полезному во всех отношениях. Когда же обстоятельство требует явного вспоможения, тогда, по нужде, делает Он и это. Средства Его и образы вспоможения – самые мудрые. Они помогают при скудости в случае нужды, а не действуют бессмысленно. Дерзающий и молящий Бога о совершении чего-либо необычайного, не будучи вынужден к тому необходимостью, желающий, чтоб чудеса и знамения совершались руками его, искушается во уме своем от насмехающегося над ним диавола, оказывается тщеславным и недугующим совестью своею. Подобает в скорби просить помощи Божией; без нужды искушать Бога – бедственно. Поистине неправеден тот, кто желает этого. Мы находим примеры в житии святых, что Господь, выражая Свое неблаговоление, исполнил подобные желания их. Хотящий и желающий этого самопроизвольно, не быв вынужден к тому, ниспадает падением из состояния самохранения и уклоняется в поползновение от разума истины. Если просящий этого будет услышан, то лукавый обретает в нем место, как в ходящем пред Богом без благоговения, с дерзостью, и ввергает его в большие поползновения. Истинные праведники не только не желают быть чудотворцами, но и

когда дастся им дар чудотворения, отказываются от него. Они не только не хотят этого пред очами человеков, но и в себе, в тайне сердец своих. Некоторый из святых отцов, по причине чистоты своей, получил от благодати Божией дар провидеть приходивших к нему; но он просил у Бога, умолив и друзей своих молиться о том же, чтоб этот дар был взят у него. Если некоторые из святых приняли дарования, то приняли по требованию нужды, или по причине простоты своей; другие приняли по указанию Божественного Духа, действовавшего в них, а отнюдь не случайно, без причины... Истинные праведники постоянно помышляют, что они недостойны Бога. Тем, что они признают себя окаянными, не заслуживающими попечения Божия, свидетельствуется их истина.

ИЗ БЕСЕДЫ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА) О ЧУДЕСАХ И ЧУДОТВОРЕНИЯХ

Обратимся теперь к рассмотрению чудес, совершенных Господом нашим Иисусом Христом. Они – дар Божий человечеству. Дар дан был не по долгу: дан единственно по благоволению и милосердию. Человеки обязаны были вести себя

относительно к дару и к Подателю дара с величайшим благоговением и благоразумием, потому что Податель дара объявлял Себя Богом, принявшим человечество для спасения человеков, а дар свидетельством Своим. Дар имел неоспоримое достоинство. Но как принятие спасения предоставлено свободному произволению человеков, то предоставлено было человекам рассматривать чудеса Христовы, обсуживать достоверность и качество их, заключать по ним о Совершителе их, чтоб признание и принятие Искупителя было следствием свободного, положительного убеждения, а не поспешного, легкомысленного, как бы насильственного увлечения. Чудеса Христовы имели полную определенность. Можно относительно всех их сказать то, что сказал Господь апостолу Фоме: *Принеси перст твой семо, и виждь руце Мои: и принеси руку твою, и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен...*

Чудеса Христовы были осязательны; они были ясны для самых простейших людей; ничего в них не было загадочного; всякий мог удобно рассмотреть их; для сомнения и недоумения, чудо ли это, или только представление чуда, не было места. Мертвые воскресали, неисцелимые средствами человеческими недуги исцелялись, прокаженные очищались, слепорожденные про-

зирали, немые начинали говорить; умножалась пища мгновенно для нуждавшихся в ней; волны моря и ветры утихали по одному повелительному слову, и избавлялись от смерти те, которым буря угрожала смертию; мрежи рыбарей, тщетно трудившихся в ловитве долгое время, внезапно наполнялись рыбами, послушными безмолвному голосу Господа своего. Чудеса Богочеловека имели множество свидетелей, из которых большая часть были или враждебны Ему, или невнимательны, или искали от Него одного телесного вспоможения. Чудеса были неопровержимы. Самые злейшие враги Господа не отвергали их, старались только уничижить их богохульным претолкованием и всеми средствами, которые внушались им лукавством и злобою. В чудесах Господа не было никакой суетности, никакого эффекта; ни одного чуда не сделано напоказ человекам; все чудеса прикрывались покровом Божественного смирения. Они составляют собою цепь благодеяний страждущему человечеству. Вместе с тем они выразили со всею удовлетворительностью власть Творца над вещественною тварью и над сотворенными духами, выразили и доказали достоинство Бога, принявшего на Себя человечество, явившегося человеком между человеками.

Чудеса Господа имели святой смысл, святую цель. Хотя они и сами по себе были великими благодеяниями, но в видах Божественного смотрения служили только свидетельством и доказательством благодеяния несравненно высшего. Господь, приняв человечество, принес человекам вечный, духовный, бесценный дар: спасение, исцеление от греха, воскресение из вечной смерти. Слово Господа и образ жизни являли этот дар со всею удовлетворительностью: по жизни Господь был безгрешен, всесвят; слово Его было преисполнено силы. Но человеки ниспали глубоко во мрак и мглу плотского мудрования; сердца и умы их ослепли. Оказалось нужным особенное снисхождение к болезненному состоянию человеков; оказалось нужным дать самое ясное свидетельство для телесных чувств их; оказалось нужным посредством телесных чувств сообщить жизненные познания уму и сердцу, которые умерли свойственною им смертию, смертию вечною. В помощь слову Божию даны Божии чудеса. Чтоб человеки поняли и приняли духовный дар, усматриваемый одними душевными очами, Господь присоединил к духовному, вечному дару подобный ему дар, дар временный, телесный: исцеление телесных болезней человеческих. Грех служит причиною всех недугов в человеке – и

душевных и телесных, служит причиною временной и вечной смерти. Господь, явив Свою власть над последствиями греха в телах человеческих, явил этим власть Свою над грехом вообще. Плотское мудрование не видит ни душевных недугов, ни вечной смерти; но недуги телесные и смерть тела оно видит, оно признает их, они очень действуют на него, озабочивают его. Господь, исцеляя единым словом, единым повелением всех больных, воскрешая мертвых, повелевая нечистым духам, явил власть Свою, явил власть Бога над человеком, над грехом, над падшими духами, явил очевидно для телесных чувств, для самого плотского мудрования. Оно, видя и осязая эту власть, могло и должно было, по логичной последовательности, признать власть Господа над грехом не только в отношении греха к телу, но и в отношении греха к душе, признать власть Господа над самою душою тем более, что в некоторых чудесах Господа, как например в воскресении мертвых, являлась неограниченная Божеская власть Его и над телом и над душою. Оживлялось тело; призывалась в него душа, уже отшедшая в мир духов, из этого мира, соединялась с телом, с которым она уже разлучилась навсегда. Человеку даны были знамения в нем самом, не где-либо вне; человеку даны были дока-

зательства спасения его в нем самом, не вдали от него. Свидетельство вечного спасения души и тела давалось чрез временное спасение тела от телесных недугов и телесной смерти. При правильном и благочестивом воззрении на чудеса Господа они оказываются преисполненными Божественного разума: требование *знамения с небесе* оказывается, каким оно и было, лишенным смысла. Редки случаи, когда власть Господа проявлялась вне человека над предметами вещественной природы; но эти случаи были. Они составляют собою свидетельство, что власть Господа над всею природою есть власть неограниченная, власть Бога. Чудеса эти служат пополнением к тем чудесам, которые были благотворениями человечеству в самом составе человеческом, для того, чтоб определение значения, которое долженствовали дать человеки явившемуся Искупителю человеков, было самым точным. Как целью пришествия на землю Господа было спасение человека, то и попечения Господа сосредоточены были на человеке, на изящнейшем создании Господа, на Его образе, на Его словесном храме. Страна изгнания и страдальческого странствования нашего – земля, вся вещественная тварь, несмотря на свою громадность, оставлена Им без внимания. Если и совершены неко-

торые чудеса посреди вещества, то совершены для удовлетворения потребностям человеков.

* * *

Духовный разум научает, что недуги и другие скорби, которые Бог посылает человекам, посылаются по особенному Божию милосердию; как горькие целительные врачевания больным, они содействуют нашему спасению, нашему вечному благополучию гораздо вернее, нежели чудесные исцеления. Часто, весьма часто недуг бывает большим благодеянием, нежели исцеление, если б оно последовало; недуг бывает благодеянием столько существенным, что отъятие его исцелением было бы отъятием величайшего блага, несравнимого с тем временным благом, которое доставляется исцелением телесного недуга. Нищий, больной Лазарь, упоминаемый в Евангелии, не был исцелен от тяжкой болезни своей, не был избавлен от нищеты, скончался в том положении, в котором томился долгое время, но за терпение свое вознесен Ангелами на лоно Авраама. Священное Писание на всем пространстве своем свидетельствует, что Бог посылает различные скорби, а между ними и телесные недуги, тем человекам, которых Он возлюбил. Священное Писание утверждает, что все без исключения

святые Божии совершили земное странствование по пути узкому и тернистому, исполненному разнообразных скорбей и лишений. Основываясь на таком понятии о скорбях, истинные служители Бога вели себя по отношению к постигавшим их скорбям с величайшим благоразумием и самоотвержением. Приходившую им скорбь, какая бы она ни была, они встречали как свою принадлежность, веруя от всей души, что скорбь не пришла бы, если б не была попущена Правосудным и Всеблагим Богом соответственно потребности человека. Первым делом их, при пришествии скорби, было сознание, что они достойны ее. Они искали и всегда находили в себе причину скорби. Потом, если усматривали, что скорбь препятствует им к Богоугождению, то обращались с молитвою к Богу о избавлении от скорби, предоставляя исполнение и неисполнение прошения воле Божией, отнюдь не признавая правильным своего понятия о скорби. Оно и не может быть вполне правильным: суждение ограниченного, хотя и святого человека, не обнимает и не усматривает всех причин скорби, как обнимает и усматривает их всевидящее око Бога, попускающего скорби рабам и возлюбленным Своим. Святой Апостол Павел трижды обращался с молитвою к Богу о том, чтоб ангел сатанин, пре-

пятствовавший Апостолу в проповеди христианства, был устранен. Павел не был услышан: суд Божий об этом предмете был иной, нежели Боговдохновенного Апостола. Предание себя воле Божией, искренное, благоговейное желание, чтоб она совершалась над нами, есть необходимое, естественное последствие истинного, духовного рассуждения. Святые иноки, когда подвергались болезням, то принимали их как величайшее благодеяние Божие, старались пребывать в славословии и благодарении Бога, не искали исцеления, хотя чудесные исцеления и совершаются наиболее между святыми иноками. Они желали терпеливо и смиренно переносить попущение Божие, веруя и исповедуя, что оно душеполезнее всякого произвольного подвига. Преподобный Пимен Великий говорил: «Три иноческие делания равны по достоинству своему: когда кто безмолвствует правильно, когда кто болен и благодарит Бога, когда кто проходит послушание с чистою мыслию».

Содержание

Скорбящих Радость, обидимых Покровительница

ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ

Непридуманные рассказы о чудесной помощи Божией

Издательство «Христианская жизнь».
Адрес: 141600, г. Клин М. О., ул. Литейная, 19.
тел.: (224) 36012
ЛР № 030762 от 13 августа 1997 г.

Формат 70х100/32. Печ. л. 8,0.
Заказ 6878.

ООО «Антал Эстейт»
г. Москва, ул. 5-я Магистральная
д. 14., корп. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

n 92

Фонд «Христианская жизнь»

ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ